

Годъ III.

Августъ (Août).

1901 г.

ТОМСКАЯ ОКРУЖНАЯ
тр. Опорная Библиотека

Шифр.: 05(58)-1201 "сд."

Сибирскій

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Томская Областная Библиотека

Инв. № 48030

Книга 8.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

1901 г.

Август (Авг.)

Год III

РАЙОННОЕ РАЙОННОЕ	
РАЙОННОЕ РАЙОННОЕ	
Инфр.	Инфр.
Инфр.	Инфр.

Дозволено цензурою. Томскъ, 2 сентября 1901 года.

Книга 8.

Великій Сибирскій желѣзнодорожный путь въ отзывахъ иностранной печати.

Въ текущемъ году исполнилось ровно десять лѣтъ съ того анаменитаго момента, когда Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, положилъ основаніе Великому Сибирскому желѣзнодорожному пути, отвезя первую тачку земли на полотно восточнаго участка Великаго Пути—Уссурійской дороги.

Великое предпріятіе еще не окончено, но и то, что сдѣлано, оказало уже громаднѣйшее культурное вліяніе на развитіе нашей обширной окраины положительно во всѣхъ сторонахъ ея быта. Немудрено по этому, что печать усиленно занимается вопросами, такъ или иначе связанными съ Великимъ Путемъ. Въ русской печати о Сибирской желѣзной дорогѣ составила уже цѣлая громадная литература.

Отъ русской печати не отстаютъ и печать заграничная, которая также удѣляетъ значительное мѣсто Сибирской дорогѣ, почти единогласно признавая за ней міровое значеніе. Русская большая публика, вообще, сравнительно мало знакома съ иностранной прессой и въ частности—съ ея отзывами о Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, а потому въ настоящей статьѣ мы и намѣрены познакомить нашихъ читателей съ главнѣйшими и существеннѣйшими изъ этихъ отзывовъ.

Много лестнаго писали иностранцы о Сибирской желѣзной дорогѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, впереди всѣхъ стали галантные французы. Французская печать восторженно отзывалась объ изумительной энергіи и настойчивости, съ которыми русское Правительство осуществляетъ это сооруженіе, величаемое французами не иначе, какъ „колоссальнымъ“, „грандіознымъ“, „гигантскимъ“, „громаднымъ“ и т. п. Указывая, что проведеніемъ Великаго Сибирскаго пути Россія всецѣло обязана царственнымъ заботамъ Императоровъ Александра III и Николая II, французская пресса называетъ это предпріятіе не только національнымъ, но и династическимъ.

Въ интересной статьѣ, принадлежащей перу бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ганото и трактующей о непрерывномъ развитіи путей сообщенія, какъ о неперемѣнномъ

условіи будущаго экономического прогресса, Сибирской желѣзной дорогѣ придается значеніе одной изъ величайшихъ магистралей въ мірѣ.

„Послѣ открытія Америки и сооруженія Суэцкаго канала—говоритъ другой французскій авторъ,—исторія не отмѣчала событія болѣе выдающагося и болѣе богатаго прямыми и косвенными послѣдствіями, чѣмъ постройка Сибирской дороги.“ Послѣдствія эти, по мнѣнію французскихъ газетъ, будутъ имѣть весьма важное значеніе въ экономическомъ, политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ результатовъ сооруженія Сибирской желѣзной дороги французская пресса видитъ въ пробужденіи отъ долгаго сна богатой Сибири, въ свободной колонизаціи этой бывшей страны изгнанія и ссылки, въ оживленіи ея торговли и въ развитіи промышленности. Благодаря Сибирской желѣзной дорогѣ,—говоритъ „La Russie“,—золотые прииска Сибири будутъ приносить казнѣ вдвое или втрое болѣе золота, чѣмъ теперь, а русскіе переселенцы займутъ плодородныя долины Сибири, которая обратится въ „русскую Америку“.

Будущность Сибирской желѣзной дороги, этого—по мѣткому сравненію одного французскаго автора—„позвоночнаго хребта русскаго великана“, представляется, въ глазахъ французской прессы, чудесной:

Окончаніе Сибирской желѣзной дороги обезпечитъ за Россіей экономическое господство на крайнемъ Востокѣ, дастъ ей возможность воспользоваться не только богатствами Сибири и Китая, съ его 400—500 милл. населеніемъ, но также всѣмъ американскимъ побережьемъ Тихаго океана, неизвѣданные богатства котораго когда-то мечтали использовать посредствомъ Панамскаго канала. Въ то же время торговые обороты Россіи достигнутъ небывалыхъ размѣровъ, ибо она должна будетъ поставлять продукты промышленности тремъ громаднымъ имперіямъ, т. е. почти двумъ континентамъ.

Обсуждая политическое и стратегическое значеніе Сибирской желѣзной дороги, французская печать высказываетъ почти единогласное мнѣніе, что благодаря этому сооруженію Россія пріобрѣтетъ преобладающее вліяніе въ Китаѣ. Послѣднія китайскія событія вызвали появленіе въ французской прессѣ многочисленныхъ статей, въ которыхъ отмѣчается важная услуга, оказанная Сибирской дорогой при передвиженіи на Востокъ русскихъ войскъ, и говорится объ отношеніяхъ Россіи къ Маньчжуріи и о Маньчжурской желѣзной дорогѣ.

R. Pinon и S. de Morcillon,—авторы недавно вышедшей въ свѣтъ книги „La Chine qui J'ouvre“ предполагаютъ, что Сибирская желѣзная дорога будетъ, какъ насосъ, выкачивать богатства Китая. На самомъ-же дѣлѣ Россія проникаетъ въ Китай не въ одномъ мѣстѣ, но на всемъ протяженіи своей границы отъ Кашгара до Маньчжуріи, т. е. на протяженіи 6.000 верстъ. Мы присутствуемъ при грандіозномъ экономическомъ завоеваніи.

Вопроса о направленіи Сибирской желѣзной дороги касается бельгійская газета „*Messenger de Bruxelles*“, объясняющая извѣстный характеръ сибирской магистрали тѣмъ, что „инженеры, строящіе Сибирскую желѣзную дорогу, старались обходить встрѣчавшіяся при работахъ затрудненія, вмѣсто того, чтобы побѣждать ихъ“...

Авторы французскихъ корреспонденцій о Сибирской желѣзной дорогѣ остались, по большой части, довольны своимъ путешествіемъ по Сибири и жалуются только на нѣкоторую продолжительность пути отъ Москвы до Иркутска и на дороговизну проѣзда, очевидно забывая сравнить дешевый русскій пассажирскій тарифъ съ высокими тарифами, дѣйствующими въ западной Европѣ.

Не можемъ, кстати, не упомянуть при этомъ о слѣдующемъ обстоятельстве. Выполненіе грандіознаго плана соединенія Европы съ Японскимъ моремъ посредствомъ желѣзной дороги породило мысль объ установленіи на практикѣ минимальнаго времени, требуемаго для путешествія вокругъ свѣта, изъ Парижа въ Парижъ, по новой линіи. До сихъ поръ подобнаго рода предпріятія составляли принадлежность исключительно американской печати. Теперь-же и французскіе журналы пошли по стопамъ американцевъ. „*Matin*“ и „*Journal*“ явились инициаторами „рекорда“ путешествія вокругъ свѣта по Сибирской желѣзной дорогѣ. Репортеры этихъ газетъ будутъ слѣдовать по одному и тому-же пути, но въ противоположныхъ направленіяхъ.

Въ то время, какъ представитель „*Matin*“, г. Гастонъ Стиглеръ уѣзжаетъ чрезъ Европу и возвращается по Атлантическому океану, сотрудникъ „*Journal*“, г. Анри Тюро отправился чрезъ Атлантическій океанъ и долженъ возвратиться въ Парижъ чрезъ Европу. Первый оставляетъ Парижъ на Сѣверномъ вокзалѣ, и долженъ слѣдовать по маршруту: Парижъ—Берлинъ—Петербургъ—Москва—Иркутскъ—Владивостокъ—Токогама—С.-Франциско—Нью-Йоркъ—Шербургъ—Парижъ (Западный (Сенъ-Лазарскій) вокзалъ). Второй же прощается съ Парижемъ на Западномъ вокзалѣ, слѣдуетъ по тому-же пути, но въ обратномъ направленіи и привѣтствуется при своемъ возвращеніи на томъ именно вокзалѣ, который служилъ первому для отъѣзда.

И тотъ и другой имѣютъ пока только приблизительное понятіе о точной продолжительности поѣздки, которая является именно опытомъ для установленія этой продолжительности, при новыхъ средствахъ передвиженія. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что новые путешественники, въ смыслѣ быстроты, заткнутъ за поясъ извѣстнаго героя Жюль Верна—Фимаса Фохта, совершившаго путешествіе вокругъ свѣта лишь въ 80 дней.

Между прочимъ, одному изъ парижскихъ репортеровъ пришла мысль отправиться къ самому Жюль Верну и узнать его мнѣніе о новомъ рекордѣ.

— „Я думаю—сказалъ престарѣлый писатель репортеру, — что человекъ, сдѣлавшій напередъ всѣ приготовленія, можетъ держать пари, что объѣдетъ землю кругомъ въ 33 или въ 34 дня. Если онъ не прозѣваетъ ни одной пересадки, онъ выиграетъ пари. Мой герой, Фимасъ Фохтъ, *не имѣлъ въ своемъ распоряженіи Сибирской желѣзной дороги*. Въ 1872 году, когда я писалъ „Путешествіе вокругъ свѣта“, я не располагалъ этимъ элементомъ быстроты и комфорта“.

Репортеръ дальше поинтересовался узнать, какъ Жюль Вернь взялся-бы теперь писать свое знаменитое „Путешествіе“.

— „О!—отвѣтилъ онъ—очень возможно, что я заставилъ-бы моего героя совершить путешествіе въ 30 дней и послалъ-бы его по Сибирской желѣзной дорогѣ“....

Вообще, черезъ всю французскую печать проходитъ красною нитью сочувственное отношеніе къ культурному предпріятію, благополучно заканчиваемому Россіею на азіатскомъ материкѣ. Французская пресса не только признала выдающееся значеніе за Сибирскою желѣзною дорогою, но даже выступила убѣжденною защитницею этого русскаго дѣла противъ его противниковъ.

Лучше всего мнѣнія французской прессы о Сибирской желѣзной дорогѣ могутъ быть сформулированы слѣдующимъ заключеніемъ П. Леруа—Болье: „Сибирская желѣзная дорога—это одно изъ величайшихъ сооруженій нашего вѣка, которое окажетъ незамѣнимую услугу міровому прогрессу“.

* *

Нѣмецкая пресса восхваляетъ культурное значеніе Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, задачу котораго она видитъ въ „европеизаціи“ Азіатскаго Востока и Сибири, и воздаетъ должное уваженіе всѣмъ руководителямъ этого дѣла, не забывая упомянуть добрымъ словомъ и главнаго исполнителя его—скромнаго труженика, русскаго крестьянина, единственно способнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, быть посредникомъ при столкновеніи двухъ культуръ—западной и восточной.

Особенное значеніе придаютъ нѣмцы торговому значенію Сибирской желѣзной дороги. Въ этомъ отношеніи большого вниманія заслуживаетъ статья г. Артура Дикса: „Deutschland und die Sibirische Bahn“, помѣщенная въ послѣднихъ нумерахъ русско-нѣмецкаго журнала „Russland und Deutschland“.

Среди желѣзныхъ дорогъ, содѣйствующихъ открытію колоссальнаго азіатскаго материка міровому сообщенію, первое мѣсто—говоритъ г. Диксъ,—занимаетъ Сибирская дорога, наидлиннѣйшая и скоро уже заканчиваемая. Дорога эта составитъ вы-

сокозначашій культурный факторъ, въ виду ся вліянія на заселеніе и обширное хозяйственное вскрытіе огромной поверхности Сибири. Дорога должна оказать громадное вліянiе на хозяйственное сношеніе Сибири съ внѣшнимъ міромъ. Главнѣйшимъ — по мнѣнію г. Дикса — продуктомъ въ данномъ случаѣ явится хлѣбъ.

Но, содѣйствуя пользованію почвою, Сибирская дорога открываетъ міровому рынку еще другія, новыя сбыточные поприща. Увеличивается потребленіе хлопка и издѣлій изъ него — большое поприще международного обмѣна. Въ Приамурскомъ краѣ нужды международного обмѣна уже гораздо болѣе развиты, въ чемъ свидѣтельствуєтъ торговля Владивостока. По даннымъ г. Артура Дикса, уже десять лѣтъ тому назадъ ввозъ этого порта

составлялъ около 3 милліоновъ рублей, изъ которыхъ треть приходилась на Германію. Въ 1898 году туда ввезено изъ Гамбурга 15000 тоннъ, всего же въ теченіе года тамъ пребываетъ около 90000 тоннъ вмѣстимости судовъ подъ германскимъ флагомъ, т. е. четверть общаго оборота этого порта. Отсюда слѣдуетъ, что Германія весьма заинтересована будущею формою сношеній въ концѣ сибирской дороги. Окончаніе желѣзнодорожныхъ построекъ можетъ оказать вліянiе на пониженіе германской, какъ и американской торговли, въ томъ смыслѣ, что германскіе заводы почти не принимаютъ участія въ доставкѣ въ восточную Сибирь въ виду сношеній съ другими странами.

Однако, вліянiе Сибирской дороги состоитъ не только въ открытіи Сибири, какъ производительнаго источника и сбытнаго рынка; она будетъ служить также посредницею сношеній между внѣроссійской Восточною Азіею и Среднею и Западною Европой. Относительно обмѣна товаровъ между этими странами сухой путь принимается во вниманіе лишь для одного сорта товара, да и то въ гораздо меньшей степени, чѣмъ предполагается: лишь незначительное количество чая препровождается въ Европу по старой дорогѣ черезъ Кяхту. Большая-же часть, равно какъ и всѣ другіе товары, препровождаются между Европою и Восточною Азіею морскимъ путемъ. Съ окончаніемъ постройки Сибирской дороги большинство транзитныхъ грузовъ пойдетъ по ней. Особенно это можно сказать относительно дорогихъ товаровъ, занимающихъ мало мѣста, и чая, вкусъ котораго страдаетъ отъ вліянiя морской перевозки. Да и вообще расчетъ въ сбереженіи времени привлечетъ на Сибирскую дорогу много такихъ грузовъ, которые перевозятся теперь морскимъ путемъ.

Сбереженіе времени для пассажирскаго движенія будетъ еще больше, чѣмъ для товарнаго, такъ что можно полагать, что дорога привлечетъ наибольшую часть пассажировъ и почтоваго сношенія, по крайней мѣрѣ изъ Средней Европы къ сѣверной части Восточной Азіи. Границу составляетъ линія Лондонъ—Гонконгъ, ибо на этой дорогѣ сухопутная и морская поѣздка (черезъ Бриндизи) будетъ составлять ровно 30 дней,

на основаніи тщательныхъ вычисленій Вледенфельса. Такимъ образомъ, для азіатскихъ городовъ, лежащихъ къ востоку отъ Лондона, сухопутная дорога для пассажирскаго и почтоваго сношенія будетъ выгоднѣе. Даже теперь уже спѣшныя путешественники изъ сѣверо-китайскихъ и японскихъ гаваней предпочитаютъ сухопутную поѣздку, пользуясь санями до временной конечной станціи сибирскаго скорого поѣзда. Кромѣ того, для пассажирскаго движенія желѣзная дорога гораздо дешевле морскихъ пароходовъ...

Что касается Германіи, то, по мнѣнію автора цитируемой статьи, германскимъ большимъ пароходствамъ придется считаться съ уменьшеніемъ пассажирскаго движенія; взамѣнъ же этого явится вознагражденіе, состоящее въ томъ, что часть пассажирскаго движенія будетъ проѣзжать Германію, а еще болѣе, что почта и дорогіе товары восточной Азіи въ торговомъ отношеніи будутъ находиться ближе, чѣмъ къ остальной западной Европѣ.

Въ общемъ статью г. Артура Дикса можно резюмировать такимъ образомъ, что доступъ къ Сибири и Восточной Азіи черезъ Сибирскую желѣзную дорогу доставитъ Германіи значительную выгоду, какъ въ отношеніи положенія среди мірового движенія, такъ и доставками для хозяйственнаго и особенно для промышленнаго вскрытія обширной страны. „Въ Германіи — заключаетъ г. Диксъ свою статью — могутъ спокойно и съ пріятною надеждою ожидать окончанія огромнаго культурнаго предпріятія. Приближая Германію къ Восточной Азіи, оно въ тоже время сближаетъ насъ съ Россіею въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ и достигается еще больше основаній для дружескаго германско-русскаго сношенія и для укрѣпленія, по возможности, германско-русскихъ торговыхъ сношеній“...

Заслуживаетъ также вниманія чрезвычайно обстоятельная и серьезная статья о Сибирской желѣзной дорогѣ, помѣщенная въ журналѣ „Deutsche Rundschau“ извѣстнымъ нѣмецкимъ критикомъ и публицистомъ Евгеніемъ Цабелемъ. Отмѣчая напряженный интересъ, съ которымъ весь цивилизованный міръ слѣдитъ за осуществленіемъ этого колоссальнаго предпріятія, авторъ, съ цифрами въ рукахъ, опровергаетъ невѣрныя свѣдѣнія, распространяемыя о Сибирской желѣзной дорогѣ тѣми изъ побывавшихъ въ Сибири путешественниковъ, которые либо ожидали найти эту дорогу въ совершенномъ видѣ, либо предъявляли къ ней невозможныя требованія. Особенно рѣзкой критикѣ подвергаетъ онъ статью англичанина Морейнга въ „Daily Mail“, высказавшаго, между прочимъ, заключеніе, что Сибирская желѣзная дорога въ теперешнемъ своемъ видѣ является „безполезною“ для перевозки войскъ. Это явно предвзятое и преувели-

ченное сужденіе,—говоритъ Цабель,—интересно лишь, какъ выраженіе образа мыслей извѣстной своею враждебностью къ Россіи части британскаго общества, которая давно уже ревниво и озабоченно слѣдитъ за сооруженіемъ сибирскаго пути.

Авторъ указываетъ далѣе, что по окончаніи постройки Сибирской желѣзной дороги, которая окажется самою длинною линіею въ мірѣ, превзойдя не только Канадскую, но и Тихоокеанскую желѣзную дорогу между Санъ-Франциско, Чикаго и Нью-Йоркомъ,—изъ любого города Германіи можно будетъ проѣхать до Тихаго океана, не выходя изъ вагона, вдвое скорѣе и втрое дешевле, нежели прежнимъ морскимъ путемъ кругомъ Индіи.. Сибирская желѣзная дорога сооружалась въ странѣ съ суровымъ климатомъ, при недостаткѣ мѣстныхъ рабочихъ силъ и отсутствіи удобныхъ путей для подвоза строительныхъ матеріаловъ, которые приходилось доставать съ большими затрудненіями издалека; поэтому уже и тотъ результатъ, что въ десятилѣтній срокъ могло быть установлено правильное желѣзнодорожное сообщеніе до самаго Байкала, заслуживаетъ, по мнѣнію Цабеля, удивленія...

По мѣткому замѣчанію автора, „сооруженіе Сибирской желѣзной дороги началось и продолжается, согласно грандіозному плану, безъ всякой суеты и шума, какъ вообще въ Россіи исполняются всѣ царскія велѣнія“... „У насъ обыкновенно недостаточно цѣнятъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ту спокойную и настойчивую энергію, съ которою Россія, не взирая ни на какія препятствія, даже среди затруднительныхъ политическихъ обстоятельствъ, неуклонно пролагаетъ въ глубь Азіи желѣзную дорогу, дымомъ паровоза напоминающую обитателямъ степей и тундръ, что времена пастушескаго быта миновали для нихъ безвозвратно“.

Окончаніе Сибирской желѣзной дороги создастъ, по мнѣнію Цабеля, серьезную конкуренцію морскому пути на Востокъ черезъ Суэцъ. Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя ясно,—говоритъ онъ въ заключеніе цитированной нами статьи, что Сибирская желѣзная дорога откроетъ новые широкіе пути культурѣ и что съ окончаніемъ ея связаны серьезныя послѣдствія какъ въ чисто-политическомъ, такъ и въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ.

Нѣкоторыя нѣмецкія газеты, какъ, напримѣръ, „Hamburger Nachrichten“ и „Yossiche Zeitung“ нѣсколько скептически относятся къ Сибирской желѣзной дорогѣ. Онѣ отрицаютъ широкое транзитное значеніе этой дороги, которая, по ихъ мнѣнію, будетъ служить, главнымъ образомъ, обмѣну товаровъ Сибири съ Европейской Россіей, и сомнѣваются, чтобы, въ случаѣ серьезныхъ осложненій на Востокѣ, Россія могла обойтись безъ морской перевозки войскъ кружнымъ путемъ черезъ Суэцкій каналъ...

Интересны, затѣмъ, соображенія Виденфельдта въ „National Zeitung“ объ экономическомъ значеніи Сибирской желѣзной дороги. Отрицая возможность заграничнаго экспорта западно-сибирскаго хлѣба, который будетъ поглощаться нуждающеюся въ немъ Восточною Сибирью, авторъ возлагаетъ большія надежды на развитіе въ Сибири горнаго дѣла. Но пока далеко еще до того времени, — говоритъ онъ, — когда продукты сибирской горной промышленности будутъ серьезно конкурировать на міровомъ рынкѣ; пока, наоборотъ, Сибирь будетъ мѣстомъ сбыта для машинъ и желѣзныхъ издѣлій, необходимыхъ при разработкѣ горныхъ богатствъ. Важнѣйшимъ результатомъ сооруженія Сибирской желѣзной дороги для Сибири Виденфельдъ считаетъ усиленіе и упорядоченіе колонизаціи этого нуждающагося въ людяхъ края. По его заключенію, отъ Сибирской желѣзной дороги нельзя ожидать ни внезапнаго экономическаго развитія Сибири, ни кореннаго измѣненія условій міровой торговли, но несомнѣнно, что она окажетъ большое вліяніе на постепенный ходъ культуры въ новомъ обширномъ краѣ и мало по малу обогатитъ міровой торговый рынокъ.

Что касается отзывовъ о Великомъ Сибирскомъ желѣзнодорожномъ пути американской печати, то главную заслугу Сибирской желѣзной дороги американцы видятъ въ томъ, что эта артерія должна оживить обширный и щедро одаренный природою Сибирскій край. Богатство и мощь производительныхъ силъ — вотъ что наиболѣе поражаетъ ихъ въ этой, какъ имъ кажется, „новой Америкѣ“, изобилующей желѣзомъ, углемъ и благородными метталлами, обладающей обширными неиспользованными пространствами плодороднѣйшихъ земель, пригодныхъ для сельскохозяйственной культуры, милліонами десятинъ строеваго лѣса и необозримыми степями, представляющими всѣ данныя для широкаго развитія животноводства и молочнаго хозяйства, а также мыловареннаго и кожевеннаго производствъ.

Эта страна, оживленная желѣзною дорогою, отъ которой, какъ отъ могучаго молодого дерева, должны вырасти новыя вѣтви, представляется живому воображенію американцевъ средоточіемъ будущей экономической жизни.

Сибирь возбуждаетъ въ американцахъ особый, практическій, такъ сказать, интересъ. Они надѣются, что, благодаря новой торговлѣ съ Сибирью, обширный Западъ Сѣверной Америки, такъ долго сохранявшій земледѣльческій и горнозаводскій характеръ, можетъ развить собственную фабричную промышленность, такъ какъ ростъ разработки сибирскихъ богатствъ (горныхъ, лѣсныхъ и рыбныхъ) и постоянная потребность желѣзной дороги въ громадномъ подвижномъ составѣ вызовутъ большой спросъ на машины и всякаго рода механическія издѣлія, произ-

водство которыхъ составляетъ силу и гордость американской индустріи. Отмѣчая все возростающій наплывъ въ Сибирь переселенцевъ и увеличивающійся здѣсь, благодаря разработкѣ новыхъ земель, спросъ на земледѣльческія орудія, всякаго рода машины и мануфактурные товары, американская спеціальная пресса постоянно напоминаетъ читателямъ объ этомъ новомъ удобномъ рынкѣ для американской вывозной торговли и отводить на своихъ страницахъ широкое мѣсто практическимъ указаніямъ торговцамъ и фабрикантамъ о современныхъ условіяхъ коммерческаго дѣла въ Сибири.

Что касается вопроса объ источникѣ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для разработки природныхъ богатствъ Сибири, то американцы сомнѣваются въ возможности дѣятельнаго участія въ промышленной жизни этой страны русскихъ капиталистовъ, для которыхъ, по ихъ мнѣнію, остается еще слишкомъ обширное и выгодное поле дѣятельности въ Европейской Россіи, и считаютъ неизбѣжнымъ широкій приливъ въ Сибирь иностранныхъ капиталовъ.

Глубокій интересъ, представляемый Сибирью для американцевъ, усиливается своеобразиемъ многихъ сибирскихъ и русскихъ условій, напоминающихъ имъ ихъ родную страну. При всемъ различіи политической и общественной жизни,—говорятъ американцы,—трудно найти два государства, которые своими географическими, экономическими и даже нѣкоторыми историческими условіями такъ близко напоминали-бы другъ друга, какъ Россія и Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты. Колумбъ плыветъ на западъ, когда русскіе смѣльчаки двинулись на востокъ черезъ Уральскія горы; Ралей пытается колонизировать Америку, когда русскіе стали устраивать первыя поселенія въ Сибири. Оба государства почти одновременно отмѣнили рабство и являются нынѣ самыми молодыми въ семьѣ капиталистическихъ націй. Оба они прежде всего сельско-хозяйственныя страны и останутся ими, благодаря обширнымъ плодороднымъ землямъ, раскинутымъ на противоположныхъ концахъ земного шара; оба они представляютъ такое разнообразіе почвы, климата и естественныхъ богатствъ, при которомъ возможно полное удовлетвореніе общественныхъ потребностей произведеніями родной страны; оба они лишь недавно начали строить фабрики и города и стали пробивать дорогу на крупные міровые рынки; оба она тянутся непрерывной полосой отъ Атлантическаго къ Тихому океану, на берегахъ котораго они стоятъ прочнѣе всѣхъ націй.

Если вспомнить, — говоритъ одинъ американскій авторъ, — что Тихій океанъ, соединяя два материка съ $\frac{2}{3}$ населенія земного шара, приобретаетъ въ мировой торговлѣ все возростающее значеніе, если подумать, какія силы кроются въ нетронутыхъ еще цивилизаціей народахъ Азіи, въ незаселенныхъ частяхъ

Америки, въ строящемся каналѣ, который скоро перерѣжетъ материкъ, и въ великой сибирской желѣзной дорогѣ; если вспомнить, что при современномъ приростѣ населенія русскіе и англосаксы сдѣлаются черезъ столѣтіе величайшими по своей численности національностями, — то передъ нами встанетъ картина недалекаго будущаго, которая по своему величію, оригинальности и грандіозности размѣровъ превзойдетъ самое фантастическое воображеніе поэтовъ“.

Вотъ что придаетъ Россіи и всему русскому особый интересъ въ глазахъ интеллигентнаго американца.

Оцѣнивая экономическое значеніе Сибирской желѣзной дороги, уже теперь съ успѣхомъ пополняющей ощущаемый въ Сибири недостатокъ въ людяхъ, американцы утверждаютъ, что дорога эта дастъ могучій толчекъ развитію въ Сибири сельскаго хозяйства, вызоветъ мощный подъемъ сибирской горно-заводской промышленности (въ особенности золотого промысла) и, вообще, призоветъ Сибирь къ новой жизни, превративъ ее изъ азійской окраины въ центръ міроваго хозяйства.

Что касается, наконецъ, вопроса о будущемъ значеніи Сибирской желѣзной дороги для сношеній Западной Европы со стороны Азіатскаго Востока, то, по предположенію американской прессы, дорога эта сдѣлается путемъ отправки международной почтовой корреспонденціи и разовьетъ сильное транзитное движеніе пассажировъ и цѣнныхъ грузовъ: благородныхъ металловъ, мѣховъ и т. п.

* * *

Рѣзкимъ диссонансомъ въ единодушныхъ сочувственныхъ отзывахъ о Великомъ Сибирскомъ желѣзнодорожномъ пути заграничной печати звучатъ отзывы большинства англійскихъ газетъ и журналовъ. Англичанъ наиболѣе интересуютъ вопросы о стратегическомъ значеніи Сибирской желѣзной дороги и объ ожидаемомъ вліяніи этого пути на морскую торговлю Западной Европы и, въ частности, Англійи съ Азіатскимъ Востокомъ. Мнѣнія, высказываемыя по этимъ вопросамъ англійскими журналистами, отличаются крайнимъ разнообразіемъ и нерѣдко совершенно противорѣчатъ одно другому. Большинство авторовъ сходится въ критическомъ, отрицательномъ отношеніи къ Сибирской желѣзной дорогѣ. Сравнительно болѣе добросовѣстные изъ нихъ ограничиваются тѣмъ, что оспариваютъ ея значеніе для мірового транзита, указываютъ на несоотвѣтствіе этой дороги въ настоящемъ ея видѣ предъявляемымъ къ ней требованіямъ...

Мистеръ Сооке, одинъ изъ наиболѣе корректныхъ по отношенію къ Сибирской дорогѣ англійскихъ авторовъ указываетъ, что этотъ путь сообщенія приведетъ въ соприкосновеніе производительныя силы милліоновъ русскихъ и европейцевъ съ одной

стороны и 450 милліоновъ китайцевъ и японцевъ — съ другой, и сосредоточить на себѣ всѣ выгоды интернаціональной торговли, которая разовьется между этими различными національностями; но эти выгоды едва-ли могутъ сравниться съ доходами отъ морскихъ фрахтовъ. Желѣзнодорожная администрація думаетъ получить перевозку международной почты между Европою и Восточной Азіей и большинство морскихъ тяжеловѣсныхъ и скоропортящихся грузовъ, а также товары съ срочною доставкою. Если прибавить къ этому пассажирское и переселенческое движеніе, внутреннюю торговлю самой Сибири, увеличеніе числа мѣстныхъ подъѣздныхъ путей, всѣ выгоды, которыя представитъ разработка богатѣйшихъ каменноугольныхъ залежей въ смежныхъ округахъ, то будетъ совершенно ясно, что единственный желѣзнодорожный путь, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится въ настоящее время, причинитъ въ недалекомъ будущемъ значительныя затрудненія въ отношеніи удовлетворенія тѣхъ требованій, которыя будутъ предъявляться къ его провозоспособности. Зерновой хлѣбъ, главный продуктъ экспортной торговли Сибири (который нельзя сравнивать съ чаемъ, предметомъ удобнымъ для перевозки и дающимъ высокіе фрахты) — дешевъ и громоздокъ. Но, кромѣ коммерческихъ соображеній, постоянная перевозка войскъ и ихъ грузовъ, возможная во всякое время, также не можетъ быть оставлена безъ вниманія. Всѣ эти обстоятельства, по мнѣнію мистера Сооке, могутъ сдѣлать невозможнымъ правильное движеніе поѣздовъ; кромѣ того, разрушатъ всѣ произведенные расчеты, обусловливающіе соперничество новаго пути со старымъ.

Mr. Сооке далѣе входитъ въ подробное разсмотрѣніе этихъ расчетовъ. Описывая постепенное развитіе Сибири, онъ говоритъ, что главнѣйшею ея нуждою является потребность въ механическихъ приспособленіяхъ и орудіяхъ всѣхъ родовъ. Удовлетвореніе этихъ нуждъ представитъ широкое поле дѣятельности для британской торговли, объ открытіи которой для англичанъ такъ много говорилось, но поле для англійской промышленной предпримчивости въ самой Сибири болѣе, чѣмъ сомнительно. „Россія и въ прошломъ никогда не выказывала склонности къ политикѣ „открытыхъ дверей“, и мы не ожидали переменъ въ ея образѣ дѣйствій, благодаря которымъ ея вліяніе существовало и всегда одерживало побѣды. Первенство Россіи въ этихъ областяхъ затмѣваетъ славу Британіи. Но въ дѣйствительности могутъ быть и исключенія, въ особенности въ отношеніи обширныхъ предпріятій, дающихъ громадныя заказы британскому производству, и если-бы качество, выгоды и другія условія были добросовѣстно уравниваемы, то и въ такомъ случаѣ одно только національное превосходство должно имѣть и имѣть рѣшающее значеніе“...

По первоначальнымъ предположеніямъ желѣзная дорога должна была пройти исключительно по русской территоріи и, начинаясь въ Челябинскѣ, закончиться во Владивостокѣ, чтобы такимъ образомъ установить правильное сообщеніе между Петербургомъ и Тихимъ океаномъ. Но, по состоявшемуся съ Китаемъ соглашенію, конечнымъ пунктомъ желѣзной дороги сдѣланъ Портъ-Артуръ.

Относительно этого соглашенія подробно распространяется мистеръ Alexis Crause въ „The Kobe Chronicle“. Въ этомъ постановленіи, по словамъ м—ра Crause, имѣются „чрезвычайныя“ постановленія. Соглашеніе съ Китаемъ м—ръ Crause описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Условіе заключено между китайскимъ правительствомъ и Русско-Китайскимъ банкомъ и что дорога должна быть построена и управляема одной компаніей, извѣстной подъ именемъ „Общество Восточно-Китайской жел. дороги“, которое должно имѣть складочный капиталъ въ 6 милліоновъ рублей и запасный изъ неизвѣстной суммы“, „сумма эта, время и условія выпуска“—все это находится въ зависимости отъ русскаго правительства.

Концессія, по словамъ цитируемаго автора, предоставлена „Обществу“ на восемьдесятъ (?) лѣтъ, по истеченіи каковаго срока дорога переходитъ въ собственность китайскаго правительства, при томъ предположеніи, какъ замѣчаетъ м-г Краусе, что въ теченіе этихъ 80 лѣтъ тамъ „просуществуетъ“ Китайское управленіе.

Акціонерами общества, —продолжаетъ далѣе м-г Краусе,—могутъ только быть исключительно русскіе или китайскіе подданные. Въ кругъ обязательствъ, принятыхъ на себя желѣзнодорожными, концессіонерами, входятъ —содержаніе пути, оборудованіе быстроходными поѣздами, развивающими скорость не меньше, чѣмъ на всей Сибирской линіи, установленіе телеграфнаго сообщенія на всемъ протяженіи пути, опредѣленіе тарифовъ, съ согласія русскаго правительства, и перевозка посылокъ и почтовой корреспонденціи. Съ своей стороны, китайскія власти соглашаются, что весь пассажирскій багажъ, привозимый въ Маньчжурію, долженъ быть свободенъ отъ таможенныхъ пошлинъ и внутреннихъ налоговъ, плата за проѣздъ пассажировъ и перевозку товаровъ не подлежитъ таксировкѣ китайцевъ, всѣ товары, ввозимые въ Китай по желѣзной дорогѣ или вывозимые изъ него въ Россію, оплачиваются пошлинами на $\frac{1}{3}$ меньшими, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ для иностранныхъ товаровъ, приходящихъ черезъ морскіе порта, и, наконецъ, всѣ товары, слѣдующіе внутрь страны, должны подлежать особому пониженному тарифу, сравнительно съ перевозочною платою для товаровъ другихъ странъ.

„Едва-ли можетъ состояться болѣе остроумное соглашеніе,—замѣчаетъ въ заключеніе м-г Краусе,—которое за счетъ другихъ странъ приносило-бы такія громадныя выгоды. Прямымъ его слѣдствіемъ будетъ закрытіе Маньчжуріи для британской торговли, между тѣмъ какъ нравственный ущербъ для Англіи, которая получила отказъ въ національныхъ льготахъ, выпавшихъ на долю Россіи, безъ сомнѣнія поведетъ къ подрыву ея престижа на Востокѣ, которому и безъ того угрожаютъ со всѣхъ сторонъ“...

Президентъ горнаго и металлургическаго института Морейнгъ объясняетъ недостатки Сибирской желѣзной дороги поспѣшно-стію постройки и считаетъ ихъ временнымъ, вполне устранимымъ, хотя и дорогою цѣною, зломъ. „Когда укрѣпленіе сибирскаго рельсоваго пути будетъ закончено,—говоритъ онъ въ „Morning Leader“,— въ мірѣ нельзя будетъ найти лучшей, болѣе безопасной и болѣе дешевой дороги“...

Такъ говорятъ болѣе или менѣе корректные критики Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, причемъ во главѣ положительныхъ и безпристрастныхъ статей слѣдуетъ поставить капитальный трудъ извѣстнаго англійскаго экономиста Арчибалда Колькхуна, подъ заглавіемъ: „Overland to China“ (Въ Китай черезъ материкъ). Авторъ лично побывалъ въ Сибири и, ознакомившись съ мѣстными условіями и строящейся дорогой, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

„Когда десять лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ,—была начата постройка Сибирской желѣзной дороги, то это предпріятіе, при всей его грандіозности, носило характеръ домашняго русскаго дѣла, исходъ котораго лишь весьма слабо могъ интересовать Западную Европу. Пока конечнымъ пунктомъ дороги намѣчался Владивостокъ, отдѣльный замерзающій русскій портъ, нельзя было ничего возразить противъ сооруженія сибирскаго пути; но съ тѣхъ поръ, какъ Владивостокъ былъ замѣненъ Портъ-Артуромъ, а фактически Пекиномъ, картина рѣзко мѣняется: Сибирская желѣзная дорога пріобрѣтаетъ міровое значеніе и проведеніемъ ея наносится тяжелый ударъ англійскимъ интересамъ, могуществу и прогрессу“.

Сибирская желѣзная дорога — говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ—сдѣлается однимъ изъ величайшихъ торговыхъ путей, какіе когда либо зналъ міръ, и въ корнѣ подорветъ англійскую морскую торговлю. Но этого мало. Она станетъ въ рукахъ Россіи могучимъ политическимъ орудіемъ, силу и значеніе котораго даже трудно угадать.

Сибирь—далеко не та неплодная равнина, унылое мѣсто изгнанія, какимъ обыкновенно рисуютъ ее европейцы. Напротивъ, это богатѣйшая страна со многими сотнями тысячъ акровъ плодороднѣйшей земли, съ громаднымъ минеральнымъ фондомъ—страна, полное промышленное развитіе которой можетъ со временемъ положить начало новой экономической эрѣ. Но не въ этомъ, пока еще отдаленномъ, результатѣ заключается главное значеніе Сибирской желѣзной дороги, а въ томъ, что она сдѣлаетъ Россію самодовлѣющимъ государствомъ, для котораго ни Дарданеллы, ни Суэцъ уже болѣе не будутъ играть никакой роли, и дастъ ей экономическую самостоятельность, благодаря чему она достигнетъ могущества, подобнаго которому не снилось еще ни одному государству.

Нужно замѣтить, что содержаніе цитированной нами книги вызвало во всей англійской прессѣ ожесточенные споры, выдающіе серьезное смущеніе и безпокойство, внушаемые англичанамъ успѣхами Россіи на Азіатскомъ Востокѣ.

Касаясь вопроса о коммерческомъ значеніи Сибирской желѣзной дороги, большинство англійскихъ газетъ сомнѣвается въ томъ, чтобы дорога эта могла имѣть серьезное вліяніе на морскую торговлю съ Востокомъ. Между прочимъ, „Standart“ высчитываетъ, что морская перевозка пуда товара изъ Гамбурга въ Портъ-Артуръ стоитъ всего 35 коп., причемъ цѣна эта представляется выгодною для пароходныхъ обществъ, между тѣмъ какъ судоходная перевозка грузомъ между названными пунктами обойдется, по нынѣ дѣйствующимъ въ Германіи и Россіи желѣзнодорожнымъ

тарифамъ, не менѣе 90 коп. за пудъ, каковая цѣна оказывается крайне невыгодною для желѣзной дороги. По предположенію той же газеты, едва ли сухопутная перевозка товаровъ выиграетъ много въ скорости, такъ какъ теперь только отъ Москвы до Иркутска грузъ идетъ 42 дня.

За то для пассажирскаго движенія между Атлантическимъ и Тихимъ океанами Сибирская желѣзная дорога представить, по единогласному признанію англійской печати, серьезное преимущество въ отношеніи какъ быстроты, такъ и дешевизны сообщенія. Главное-же экономическое будущее Сибирской желѣзной дороги англійская пресса видитъ въ неизбѣжномъ вліяніи ея на развитіе русско-китайской торговли, которая медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ вытѣснитъ западно-европейскую торговлю на сѣверъ Китая. Весь китайскій экспортъ, 90% которого составляютъ не боящіеся высокой перевозной платы цѣнные товары—чай и шелкъ, пойдетъ по новой желѣзной дорогѣ...

Совершенно особую группу въ англійской періодической печати составляютъ рѣзкія тенденціозныя статьи, распространяющія злонамѣренныя небылицы о Сибирской желѣзной дорогѣ съ цѣлью дискредитировать значеніе этого русскаго предпріятія въ общественномъ мнѣніи Европы. Характернымъ образцомъ подобной литературы можетъ служить статья въ „Daily Mail“ инженера Барри, проѣхавшаго по Сибирской желѣзной дорогѣ лѣтомъ 1900 г. Отрицая за сибирскою дорогою всякое значеніе и признавая всю ея постройку никуда негодною, авторъ доходитъ въ своей недобросовѣстности до утвержденія, что дорога эта выстроена совершенно безъ балласта, что Сибири обыкновенно едва хватаетъ для прокормленія собственнаго хлѣба и т. п. Высокое мнѣніе части англійской прессы о возрастающемъ могуществѣ Россіи, — говоритъ, между прочимъ, Барри, — совершенно не обосновано. Россія остается, по старому, въ тѣсной зависимости отъ Англіи, въ рукахъ которой находится Суэць, и всѣ послѣдніе успѣхи ея на Востокѣ есть ни что иное, какъ громадный мыльный пузырь. Статья эта произвела за границей много шума и вызвала рядъ серьезныхъ и вѣскихъ возраженій не только въ континентальной, но и въ англійской печати.

Еще беззастѣнчивѣе, чѣмъ Барри, оказался корреспондентъ извѣстнаго англійскаго журнала „Graphic“, увѣрявшій читателей, что большая часть шпалъ на Сибирской желѣзной дорогѣ совершенно сгнила, что на многихъ участкахъ дороги скорость движенія поѣздовъ не можетъ превышать 10 верстъ въ часъ и что, по предсказаніямъ иностранныхъ инженеровъ, дорога эта черезъ 2 года придетъ въ состояніе полной негодности.

Само собою разумѣется, что эти и тому подобныя претенціозныя небылицы не въ состояніи подорвать въ иностранной печати убѣжденіе въ громадномъ и многостороннемъ значеніи Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути.

Четыре жертвы.

(Окончаніе, — см. 6 книжка тек. года).

Погорѣвали мы погорѣвали съ Анисьей, да до Пасхи и отложили свадьбу.

На четвертой недѣли Великаго поста матушка совсѣмъ поправилась.

Ни одну Пасху въ жизни своей я не ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ ту Пасху. Наконецъ, дождался этого радостнаго для всѣхъ праздника, а для меня—въ особенности. Все, что нужно, было уже приготовлено, и на Ѳоминой недѣли сыграли свадьбу, да такую, что на славу всей волости.

Спустя полгода послѣ свадьбы, померла и матушка—Царство ей небесное! и я остался вдвоемъ съ женой. Покойница, помирая, благословила меня, какъ слѣдуетъ, по христіански и при этомъ—строго настрого наказала, чтобъ и вина и въ ротъ не бралъ, а то пропадешь, говорить, на вѣки.

По просьбѣ жены, къ намъ перешла жить мать ея, а моя теща. Жили мы сначала больно хорошо, дай Богъ такъ каждому жить. Я жену свою любилъ, души въ ней не чаялъ. Хозяйство шло у насъ тоже хорошо. Продавъ я нѣсколько штукъ лошадей, оставилъ только три,—куда ихъ, дѣло одинокое; хлѣба тоже много не сѣялъ, стараго много было; а прочій скотъ: коровы да овцы, осталось тоже число, что и при родителяхъ; гусей же сколько было у насъ, куръ да индѣекъ, такъ я и счету имъ не зналъ,—знамо—это дѣло бабье.

Домъ нашъ стоялъ на срединѣ села, не далеко отъ кабака,—чтобъ ему въ тѣ поры провалиться было, окаянному! Въ кабакъ сѣлъ новый цѣловальникъ, изъ городу пріѣхалъ, холостой, молодой парень. Вотъ онъ разъ какъ-то приходитъ къ намъ и завелъ рѣчь о томъ, чтобъ я принялъ его къ себѣ на фатеру и чтобъ, значить, харчиться ему у насъ. Мнѣ, говорить, у тебя какъ разъ подѣ стать, недалеко отъ кабака, а близко такихъ подходящихъ домовъ нѣтъ, далеко же отъ кабака забираться не сподручно. Подумалъ я, поговорилъ съ Анисьей; она согласилась; все же, говорить, не мѣшаетъ лишняя копѣйка въ дому, а хлѣба, да прочаго, намъ не покупать; ну, и согласился. Порядились мы цѣной и цѣловальникъ перешелъ къ намъ, только онъ приходилъ обѣдать, да чай пить, а ночевалъ въ кабакѣ. Прошло такъ три мѣсяца, все было ладно, только я сталъ замѣчать, что Анисья какъ будто скучная какая-то стала; я ужъ пыталъ ее, да она говорила: „такъ тебѣ это кажется“. Ну, думаю, и вправду, можетъ быть, такъ мнѣ показалось. Цѣловальникъ былъ такой краснобай, знамо—городской. Часто, бы-

вало, какъ идетъ обѣдать, захватить съ собой и въ бутылочку винца, самъ выпьетъ, меня поподчуетъ и было дѣло, что подносилъ и Анисѣ, да та не пила. Какъ-то были его именины, попросилъ онъ Анисью постряпать ему полишне кой чего; потому, говорить, гости будутъ. Вотъ и заправду назвалъ, кто былъ познатнѣе на селѣ, и пошелъ пиръ горой! Было немного и бабенокъ и тѣхъ перепоилъ, даже Анисья моя и та пьяной оказалась; онъ поилъ ее все какимъ то краснымъ виномъ. Я въ тотъ день сильно былъ пьянъ, какъ никогда не бывалъ. Была уже поздняя пора ночи, а пьяные гости все еще шумѣли: я же ходилъ, какъ угорѣлый съ сильной головной болью и ничего не видѣлъ и не слышалъ, что вокругъ меня происходило. Я окончательно отяжелѣлъ; ноги еле-еле двигались; мнѣ сдѣлалось дурно; звалъ на помощь Анисью, но она не являлась; потомъ долго я искалъ ее, но такъ и не могъ найти, ее совсѣмъ и въ избѣ не было. Съ большимъ трудомъ выбрался я на дворъ, чтобъ освѣжиться, а затѣмъ, что дальше было со мной, — ничего не помню. Я въ ту пору не знаю, какъ и свалился въ сѣняхъ, да такъ до утра и проспалъ и не знаю, когда разошлись гости.

Съ этихъ то самыхъ именинъ я сталъ замѣчать, что женушка моя все скучнѣе да скучнѣе становится и ничего со мной такого не говорить. А ранѣ то, вѣдь, бывало, вдвоемъ мы съ нею все едино какъ голубки ворковали и такъ то было весело, да пріятно, а тутъ на тебѣ: совсѣмъ Анисья какъ не Анисья стала. А ежели цѣловальникъ придетъ обѣдать (онъ все одинъ обѣдалъ, порознь отъ насъ) да я куда нибудь отвернусь, то у нихъ и разговоры пойдутъ, да такіе веселые, все смѣются, хохочутъ, да только все это дѣлалось какъ то скрытно, — потому, чуть я въ дверь, и все сразу смолкнетъ.

— Э, думаю себѣ: дѣло то, видно, не ладно! Я возьми да и откажи цѣловальнику отъ фатеры. Онъ сталъ, было, меня уговаривать, прибавлять платы; наконецъ, просилъ, чтобъ ему только готовить обѣдъ, а что онъ будетъ присылать за нимъ; но я на отрѣзъ отказалъ ему. Пробылъ онъ на фатерѣ у меня всего четыре мѣсяца.

Только Анисья послѣ этого еще скучнѣе стала; совсѣмъ сдѣлалась не похожей на ту, какою была мѣсяца три тому назадъ. Какъ я ни старался ее развеселить — и въ гости то ужъ ѣздилъ съ нею въ сосѣднее село, и обновъ, бывало, накуплю ей и гостинцевъ разныхъ, — нѣтъ, ничего не помогаетъ да и только, даже съ лица измѣнилась. Ходить, бывало, ровно потеряла что. О чемъ спросишь — отвѣтитъ, а болѣ и нѣтъ у ней никакихъ разговоровъ. Вотъ стало мнѣ и самому не весело; все мнѣ не мило, ни на что-бы не смотрѣлъ; вся моя радость, все утѣшеніе

и вся жизнь моя была въ Анисѣ, а тутъ сразу все — ровно отсѣкло. Попробую, бывало, попрержнему разныя шуточки пускать, смѣяться, хоть на сердцѣ не до смѣху было, — нѣтъ, и глядѣть не хочетъ, мало того — даже супротивничать стала: „Не лѣзь, говоритъ, ко мнѣ, ты ужъ и такъ надоѣлъ, — ровно маленькій — все бы игралъ“. Не стерпѣло мое сердце, я возьми да и упрекни ее: „А какъ, говорю, съ Рожковымъ-то, — (такъ звали цѣловальника) — видно, не надоѣло бы тебѣ и доселѣ зубы то скалить? Аль ты думаешь я ничего не знаю? Все я видѣлъ и слышалъ! Чѣмъ онъ тебѣ такъ поглянулся? Аль тѣмъ, что у него сережка въ ухѣ?

Да и въ самомъ дѣлѣ, хоть бы ужъ видный изъ себя былъ, а то высокій, сухой, да къ тому же — шадровитый, только вотъ, будто, и вся краса, что въ лѣвомъ ухѣ сережку носилъ.

Боже мой! Я не радъ былъ, что и сказалъ это. Какъ поднялась моя баба, такъ хоть всѣхъ святыхъ вонъ выноси. А тутъ уже и по селу молва пошла, что у Анисы моей съ цѣловальникомъ что-то не ладно. Не разъ, будто, видали ее въ роцѣ съ нимъ утромъ, когда она коровъ гоняла къ пастуху. Вѣсти эти дошли и до меня, и многіе стали прямо въ глаза мнѣ говорить, что цѣловальникъ ранымъ ранехонько отправляется на край деревни въ рощу съ ружьемъ и тамъ поджидаетъ Анисю, когда она коровъ погонитъ.

Больно было мнѣ слушать это и я совсѣмъ не свой сталъ; никакое дѣло не спорилось у меня, — такъ все изъ рукъ и валилось и я не радъ сталъ жизни. Никогда я не хаживалъ въ кабакъ, а тутъ вздумалось мнѣ зайти, взялъ стаканъ вина, выпилъ; потомъ другой, третій и хмѣль, братцы, не беретъ. Зашель-то я съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поговорить съ Рожковымъ по добру, если никого не будетъ въ кабакѣ, а вышло-то не такъ, какъ думалъ, — тамъ былъ народъ и всѣ удивились, что я, прежде никогда не ходившій въ кабакъ, вдругъ явился, — ну и пошли, какъ водится, угощенія; я бутылку взялъ и тоже сталъ подчивать. Но только цѣловальникъ на меня все изъ подлобья поглядываетъ, а у меня сердце такъ и кипитъ да кипитъ. Я возьми да и молви ему: Что смотришь на меня, какъ звѣрь? „А что ты такой за фря, что на тебя и не смотрѣть?“ А вотъ такой фря, говорю ему, что стоитъ только стариковъ собрать да мірскимъ приговоромъ отъ себя выдворить тебя, стрекулиста, чтобы ты, значить, не разбивалъ людского счастья! отрѣзалъ я ему въ горячахъ; а его-то слова эти тоже видно занурили, потому ажъ-но побагровѣлъ и говоритъ: „Чѣ-жъ я такое разбилъ счастье? Ужъ не твое-ли? Я, кажись, не шевелилъ твоего капитала, а если не любъ тебѣ показался, такъ ушелъ съ фатеры, — только и всѣхъ дѣловъ!“

Сильно больными для меня были слова цѣловальника. Выпилъ я еще стаканъ и неймется мнѣ, такъ и хочется еще поколоть ему въ глаза словами, а напрямикъ-то сказать неловко, народу много въ кабацѣ. Вотъ я и опять началъ: „Не въ капиталъ то счастье, любезный, а то счастье, которое ты нарушилъ, ни за какіе капиталы не купишь“.

— „Такъ чтожъ, ужъ не считаешь-ли ты счастьемъ свою Анисью“?

Какъ ножомъ по сердцу задѣлъ меня, подлецъ! И, не стерпя, я обругалъ его; я готовъ былъ въ то время броситься на него и задушить, да застойка мнѣ мѣшала. Послѣ этого я еще выпилъ и ужъ не помню, какъ меня вывели изъ кабака и привели домой. Съ той поры я чуть не каждый день сталъ пить, такъ и тянуло къ вину, но въ кабакъ очень рѣдко ходилъ, развѣ ужъ кто затащитъ, и то въ такое время, когда много народу бывало въ немъ, потому я и смотрѣть не могъ на своего врага Рожкова, всегда избѣгая встрѣчи съ нимъ одинъ на одинъ.

Жизнь съ женой у меня совсѣмъ разладилась; вмѣсто мира, ласки и любви, какъ раньше бывало,—каждый день бывали у насъ ссоры; она называла меня пьяницей, пропойцей, ну, однимъ словомъ, возненавидѣла меня да и только. Хозяйство пошло въ упадокъ: какъ-то осенью украли самолучшихъ пару коней, тамъ въ полѣ хлѣбъ кто-то стравилъ, то корова пала, а остальной скотъ такой замореный сталъ, что и смотрѣть на него было страшно. Ну, знамо, догляду того уже не было, а Анисья за хозяйствомъ совсѣмъ не стала доглядывать. При покойницѣ матушкѣ, бывало, десятки пудовъ своего масла стояло, продавали и сами ѣли, а теперь дошло до того, что даже не было сметаны для себя.

Анисья часто стала даже и по ночамъ куда-то ходить и, однимъ словомъ, совсѣмъ отъ рукъ отбилась. Разъ она возвратилась домой ночью пьяная. Гдѣ-же ты, голубушка, погуливала до сей поры? Спросилъ я ее. А тебѣ какое дѣло? Неужъ-то тебѣ одному гулять, а мнѣ-то ужъ и паю нѣтъ? Такъ-то, такъ, да по чьей же милости я и гулять-то сталъ, какъ не по твоей? Да и какая гулянка моя; я горе свое запиваю. А ты-то, вотъ, съ чего стала погуливать, и какъ тебѣ людей не стыдно? Неужъ-то ты со своимъ любезнымъ другомъ думаешь вѣкъ прожить?

— Ну, да ужъ не дай Богъ и съ тобой-то, пьяницей, жить! отчеканила мнѣ Анисья.

Закипѣло у меня ретивое: Ну, думаю, дай-ка я поучу тебя, не умнѣе ли будешь, не повыкинешь ли эту дурь-то изъ головы. Схватилъ ременные возжи да такъ упарилъ ими голубушку, что чай живого мѣста не оставилъ на тѣлѣ. И что-же? Хоть-бы единое слово она промолвила такое, чтобъ могло размягчить мое

сердце! А кричитъ да бранить меня на чемъ свѣтъ стоитъ. Послѣ этого къ ругани прибавилось у ней еще одно слово: „убійца“, убить, говорить, хотѣлъ меня! Теща съ этихъ-то самыхъ страстей ушла отъ насъ. Вскорѣ послѣ побоевъ, цѣловальникъ смѣнился и уѣхалъ въ Камышинъ. Ну, слава те Господи! Авось теперь не остепенится-ли моя Анисья. Но прошло недѣли двѣ послѣ отъѣзда Рожкова, а она, попрежнему, и глядѣть на меня не хочетъ, и въ одинъ злополучный день улетѣла изъ моего дома навсегда...

Было это, братцы мои, по веснѣ дѣло, на селѣ у насъ праздникъ былъ большой; люди всѣ приготовились какъ слѣдъ быть: напекли, нажарили, наварили, а у меня и печка не топлена. Добрые люди нарядились по праздничному и идутъ въ церковь Божью помолиться, а у меня что-есть и рубашки-то нѣтъ чистой надѣть къ празднику. И взяло-то меня горе великое: давно ли я былъ такъ счастливъ, былъ на хорошей славѣ, всѣ уважали, любили, а теперь—что я сталъ? Въ домѣ все стало пусто. куда что и дѣвалось—не знаю; изъ скота осталось только одна лошаденка да коровенка, и тѣ чуть живы, а амбаръ, въ которомъ ранѣ полны сусеки хлѣба были,—теперь отворенъ и мышамъ нечего поѣсть,—это въ два года такъ опустѣло! Походилъ я по избѣ, Анисья лежала на полатахъ. Тяжело мнѣ было на сердцѣ, ровно пудовый камень залегъ тамъ. Украдкой отъ Анисьи досталъ я денегъ и отправился, только не въ церковь, какъ люди, а прямо въ кабакъ. Къ вечеру я уже сильно былъ пьянъ такъ, что даже не помню гдѣ и какъ день провелъ. Проснулся на утро на краю села, въ одной избушкѣ, гдѣ часто парни собирались; какъ я туда попалъ, хоть убей не помню, ранѣ то у меня и въ замыслахъ ничего такого не было. Только слышу, говорятъ: „Анисья вчера еще, вскорѣ послѣ обѣдни, наняла лошадей у сосѣда, навязала большущій узелъ чего-то и уѣхала въ Камышинъ“. У меня сразу такъ и хмѣль ободрало. Прихожу домой,—все отворено, вездѣ пусто, соръ, только кошка одна мяукала въ избѣ. Женины сундуки пусты и изъ одежды ея ничего не осталось, такъ только, барахло кое какое валялось по полу. Ну; однимъ словомъ, въ избѣ живымъ не пахло. Сѣлъ я за столъ, подперъ рукою голову и смотрю на всю эту пустоту. Такъ, кажись, сразу залѣзъ-бы въ петлю да и покончилъ-бы съ этой жизнью. Вотъ тебѣ и счастье!—Все какъ сонъ прошло, остался бобылемъ. Потомъ, вдругъ, блеснуло у меня въ головѣ посмотреть деньги, ихъ началъ я прятать отъ жены съ тѣхъ поръ, какъ пошли у насъ нелады. Побѣжалъ въ кладовку, она была тоже отворена; только переступилъ порогъ, какъ смотрю: мои валеные сапоги, которые повѣшаны были мною въ углу на гвоздѣ, валяются на полу.—Я такъ и обмеръ! Хватъ одинъ, руку

засунуль—нѣтъ ничего; другой—тоже. Пропала моя сердечная головушка! Тутъ только пришли мнѣ на память слова покойной матушки, сказанныя мнѣ ею предъ смертью, и горько-то пригорько я зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ. Долго я обдумывалъ, что мнѣ послѣ этого дѣлать, какъ поправить свои дѣла; но ничего не могъ придумать. Вышелъ я изъ дому и направился въ кабакъ, да три дня безъ просыпу и пилъ.

Разсказалъ я про свое горе старикамъ, тѣ натакали заявить о случившемся въ волость. Подумалъ я, подумалъ, и не послушалъ стариковъ. Авось, не одумается-ли, да не воротится-ли сама. Прошелъ мѣсяцъ, а объ Анисьѣ ни слуху ни духу. Тутъ уже я всю надежду потерялъ; а изъ города донеслась ко мнѣ вѣсть, что Анисья моя на славу шикауетъ тамъ съ Рожковымъ. Ну, да какъ не шиковать, вѣдь у меня 700 цѣлковенькихъ было въ сапогѣ-то!

Продалъ я послѣднюю лошаденку и корову, расплатился съ цѣловальникомъ, заперъ домъ и ушелъ въ Камышинъ. Прошлялся я по городу съ недѣлю, не могу ни отъ кого узнать фатеру Рожкова, потому онъ самъ нетутошнѣй былъ, а изъ Саратова, по этому его никто и не зналъ.

Разъ, какъ-то, я сидѣлъ въ трактирѣ, подошелъ ко мнѣ человекъ, молодой еще, видно что кругомъ пропившійся, и началъ со мной разговоръ. Оказался онъ Камышинскимъ мѣщаниномъ. Я и спросилъ его, не знаетъ ли онъ Рожкова. Какъ, говоритъ, не знать, „это мой душевный товарищъ былъ когда-то, только теперь-то онъ сталъ носъ задирать; завелъ себѣ какую-то мамзель, да и крутитъ съ ней бѣлымъ свѣтомъ, откуда чего и беретъ у него, вотъ уже другой мѣсяцъ, какъ почти кажинный день пьянствуютъ оба“.

А какая такая мамзель у него? спросилъ я.

„Да, знамо, распутная дѣвка; надо быть въ заведеніи ранѣ была, потому—молодая еще, а водку пьетъ и табакъ курить“.

— Боже мой! подумалъ я: неужъ-то же Анисья моя стала такая? Вѣдь, она не курила; ну, попить, положимъ, попивала, и то ранѣ и этого за нею не было; это все пошло съ тѣхъ проклятыхъ именинъ злодѣя Рожкова.

— А какъ ее зовутъ и какая она изъ себя?—опять я спросилъ.

— Какъ зовутъ—не знаю, потому я только два раза ее и видѣлъ; одинъ разъ онъ катался съ нею, такъ я подходилъ къ нему по своему дѣлу; тогда я посмотрѣлъ на нее, такая бѣлолицая, русая, глаза какъ ровно голубые у ней.

— Ну, такъ и есть она, подумалъ я.

— А для чего же ты все это расирашиваешь? спросилъ онъ меня.

— Да такъ, говорю: Рожковъ когда-то былъ и моимъ товарищемъ, когда были мы въ Саратовѣ; я самъ тоже Саратовскій, ну, тогда у него тоже была сударка, я и подумалъ: не та-ли самая, да только нѣтъ, по рассказамъ, видно, не та; это ужъ онъ другую подхватилъ себѣ.— А фатеру Рожкова ты знаешь? спросилъ я.

— Какъ не знать, — знаю.

Ну, думаю: напалъ и на слѣдъ.

Поразспросилъ я и онъ мнѣ все рассказалъ, какъ слѣдуетъ, а самъ я и виду не подаю, что мнѣ шибко такъ нужна фатера Рожкова. На прощанье я хорошенько угостилъ своего незнакомца и мы разстались. Послѣ этого, скоро мнѣ удалось отыскать и фатеру моего злодѣя; развѣдалъ я тайкомъ, какъ онъ живетъ и съ кѣмъ; мнѣ рассказали тоже самое, — что взялъ себѣ на содержаніе какую-то распутную дѣвку, зовутъ Анисьей и что кажинный день у нихъ гулянки, пьянство, катанье; ну, знамо, — чужого не жалко. Защемило мое ретивое, шибко ужъ больно было сердцу; зло и досада меня взяла, слыша такія рѣчи о той, которую я любилъ всей душой. Головушка моя кружилась и задумалъ я дѣло неладное: То-ли себя лишу жизни, а то, такъ ихъ обоихъ. Но какъ ни обдумывалъ, какъ ни ломалъ голову, а разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ не хотѣлось; пусть же, думаю, они погибнутъ, а наипаче злодѣй Рожковъ.

Мысль эта изъ головы у меня уже и не выходила. Лиха бѣда лишь одинъ разъ подумать про что-нибудь такое, нечистое, да не постараться прогнать прочь отъ себя такія думки, то онѣ такъ загнѣзятся въ башкѣ, что никакъ и не выживешь ихъ. А нечистая сила и тутъ, какъ тутъ, такъ тебя и подталкиваетъ да нашептываетъ: „начинай, скорѣе, не бойся!“ Ну, однимъ словомъ, не даетъ тебѣ покою да и только. А, — что будетъ, то и будь!.. Купилъ я большой ножъ, спряталъ его въ рукавъ и пошелъ къ Рожкову. Иду дорогой и трясусь весь — словно во мнѣ лихоманка. По дорогѣ зашелъ въ кабакъ, выпилъ одинъ стаканъ, другой и третій, посидѣлъ, чувствую — плохо хмѣль беретъ; еще подрядъ выпилъ два стакана и отправился уже смѣлѣе. Такъ на томъ и порѣшилъ, чтобъ непременно обоихъ положить; но хотѣлось сначала его, а потомъ уже и ее. Вотъ, прихожу. Анисья одна дома сидитъ за столомъ такая разряженная и папироска въ зубахъ.

— Здравствуй, голубушка! Какъ поживаешь? А гдѣ же твой голубокъ?

У ней и папироска выпала, испугалась и не знаетъ, что мнѣ отвѣтить. Потомъ, видно, собралась съ духомъ и говорить мнѣ:

— Какой такой голубокъ? Никакого у меня голубка нѣтъ! А сама и ушла въ другую горницу.

Маленько постоялъ, да и я туда же. Смотрю, а она чайный стаканъ налила водки, да сразу его и опрокинула въ ротъ.

— Ничего Анисьюшка!—Ладно же ты на мои денежки стала форсить, по цѣлому стакану выпиваешь, да ужъ и папироски стала покуривать, видно забыла то время, когда съ матерью въ холодной избѣ по трое сутокъ не ѣвши сидѣла!

Но она и тутъ духомъ не упала и тоже напустилась на меня:

— „Ты зачѣмъ пришелъ, пьяница? Зачѣмъ пришелъ ко мнѣ? Сейчасъ-отъ даже пьяный, убійца ты этакой; убить хотѣлъ меня! Я объ этомъ уже заявила въ полицію, здѣсь, вѣдь, не село разбойничать! Что коришь меня голубкомъ-то, да деньгами своими? А про своихъ-отъ голубокъ молчишь, съ которыми по цѣлымъ ночамъ пьешь, да и ночуешь у нихъ? Тамъ и денежки твои, а здѣсь нѣтъ ничего твоего! Вонъ! вонъ отсюда, каплюж-никъ, убійца!“

— Ну, нѣтъ, врешь ты, змѣя подколотная, чтобъ я ушелъ отъ тебя такъ,—не затѣмъ я пришелъ; будетъ ужъ тебѣ издѣваться надо мною, и то повысосала ты мое сердечушко!

Да какъ хвачу ее ножомъ въ самое сердце, такъ сразу и повалилась, какъ снопъ.

Рожковъ же такъ и спасся отъ смерти.

Вышелъ я, шатаясь. Во дворѣ многіе меня видѣли, но никто не зналъ о случившемся. Направился я въ кабакъ, взялъ бутылку водки, сѣлъ и попиваю. Не болѣе, какъ черезъ полчаса, сильно былъ пьянъ и даже не помню, что дальше было со мной, не помню и того, какъ я очутился въ полиціи за рѣшеткой. На допросѣ я показалъ все, какъ было дѣло, ничего не утаивая. Хватились Рожкова, а его ужъ и слѣдъ простылъ; долго его искали, да такъ и не могли найти. Посадили меня добра молодца въ острогъ, да два годика въ немъ и просидѣлъ! За это время я выучился въ острогѣ грамотѣ. Осенью 1861 года объявили мнѣ рѣшеніе: на 12 лѣтъ въ Сибирь, въ каторгу, да ладно еще, что избавился плетей: по моему счастью, какъ разъ въ томъ году вышелъ Царскій указъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Въ Сибирь шелъ я цѣлый годъ. Въ тѣ поры не было желѣзныхъ дорогъ, да и на параходахъ не возили арестантовъ, а шли партіями пѣшкомъ до самаго мѣста. Въ Казани я, было, захворалъ и слегъ въ больницу; думалъ, что умру; да нѣтъ,—видно Богу угодно было, чтобъ мнѣ до самой смерти маяться. Вотъ, пришелъ я въ Нерчинскъ, это было въ самый праздникъ Покрова. Изъ нашей партіи стали выбирать мастеровыхъ; я возьми да и назовись сапожникомъ, а самъ то ничего и не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ, но мнѣ охота была выучиться этому мастерству. Опредѣлили меня въ мастерскую; тамъ ребятъ я попросилъ чтобъ не выдали меня; общалъ изо всей силы ста-

ратся услуживать каждому, лишь бы приучали меня сапожни-
чать. Ребята оказались славные, согласились и я зажилъ хорошо.
Ученье мое шло успешно; все, что показывали, я скоро пони-
малъ и выполнялъ какъ слѣдуетъ, такъ что въ годъ я хорошо
выучился и, бывало, какіе угодно сапоги самъ сошью.

Прожилъ еще годъ. Начальство меня полюбило за мое сми-
ренство и трудолюбіе; но сильная меня тоска брала, какъ вспомню,
что еще десять лѣтъ остается жить въ неволѣ; даже волосы
дыбомъ становились, — такъ старшнымъ казалось это будущее.

Разъ, какъ-то, двое сговорились бѣжать; случай къ этому
былъ удобный; подумалъ я, подумалъ, да и тоже къ нимъ при-
строился. Въ одну майскую ночку мы и удули изъ острога. До
Нижнеудинска шли всѣ вмѣстѣ, а тутъ одинъ отсталъ отъ насъ,
и мы вдвоемъ шли до самаго Красноярска. Здѣсь моему това-
рищу захотѣлось выпить; онъ и зайдя въ питейное заведеніе;
а я этакъ поодаль на улицѣ сталъ и жду его. Только вижу
выходить онъ изъ питейнаго не одинъ, а вмѣстѣ съ полицей-
скимъ крючкомъ. Увидѣвъ меня, товарищъ мой, незамѣтно для
полицейскаго, кивнулъ мнѣ головой и поплелся бѣднякъ въ го-
родъ, — значить, въ полицію; я же — давай Богъ ноги — скорѣе вы-
брался за городъ и пошелъ по большому тракту одинъ одине-
шенекъ. Дошелъ до Кемчуга, вотъ, который мы прошли по сю
сторону Ачинска, ихъ два есть: Малый Кемчугъ и Большой.
Тутъ мнѣ мужики натакали своротить съ большой дороги и
держатъ путь тайгой; потому, говорятъ, здѣсь все вашъ братъ
ходить, здѣсь не опасно. Пришелъ я въ Подсосну, село боль-
шое, стоитъ на р. Чулымѣ. Это было осенью 1865 года. Вотъ
я и вздумалъ маленько тутъ поработать, а то безъ денегъ какъ-
то скучновато идти. Поселился въ банѣ одного крестьянина,
онъ еще послѣ за убійство сидѣлъ въ острогѣ вмѣстѣ съ своимъ
сыномъ и хотя вышелъ, да что толку, — въ конецъ раззорился.

Работы чеботарной въ селѣ было много. Потомъ перешелъ
я къ другому, къ третьему. А какъ меня всѣ уже узнали, то
прямо, безъ всякой опаски стали, приглашать по домамъ. Такъ
я прожилъ зиму и хотѣлъ, было, уходить, да сами-же крестьяне
меня отговорили: „куда ты пойдешь? Живи-ка лучше у насъ,
обиженъ не будешь, а работы-то у насъ много, тутъ тебѣ до
самой стерти не переробить, а намъ-же и подстать, такой чело-
вѣкъ, какъ ты, и нужонъ. Много, вогу, ихъ ходитъ, да что
толку, только и наровятъ, какъ-бы гдѣ чего стянуть да про-
пить“. Послушалъ я мужиковъ, да и остался въ Подсосной. Всѣ
ко мнѣ привыкли, да и я многихъ уже узналъ, такъ и жилъ
у нихъ за поселенца ихняго села. Прожилъ я уже такимъ ма-
неромъ четыре года въ Подсосной; у меня и деньжонки заве-
лись; бывало, въ праздникъ и винца выпью и угощу кого-нибудь

изъ мужичковъ и меня тоже подчивали, ну, однимъ словомъ былъ у нихъ какъ свой. Случилось, что въ Подсосну пристала, также какъ и я, бродяжка, Марьей звали; съ нею я познакомился и стали жить, какъ мужъ съ женой. Она была такая славная, работающая; бабенки ее полюбили. Нанималась она прясть, шить, а я сапожничалъ, и зажили мы въ Подсоснѣ какъ дома. Я не боялся того, что меня могутъ арестовать, потому велъ себя, значить, смирно, никакими художествами не занимался, и поэтому самому жизнь моя была спокойная.

Только разъ какъ-то сельскій писарь ходилъ по домамъ, дѣлалъ какую-то перепись, зашелъ и въ домъ крестьянина, у котораго мы съ Марьей работали, да и спросилъ насъ чьи мы и откуда. Ну, мы и сказались изъ сосѣдней деревни Скоробогатовой, поселенцы, я—Андреемъ Ивановымъ, а бабенка моя назвалась Марьей Дроздовой. Записалъ онъ насъ и ушелъ. А мы того и не знали, что деревней Скоробогатовой завѣдывалъ тотъ же писарь. Только чрезъ три дня приходитъ за нами десятникъ, Давыдкой звали, и велитъ намъ обоимъ идти къ писарю. Я въ тѣ поры струсилъ. Приходимъ. А писарь-отъ,—звали Николай Ивановичъ по фамиліи Кудрицкій, славнецкій былъ мужикъ, только и сказалъ намъ, что мы оба соврали ему, такъ какъ такихъ поселенцевъ по книгамъ у него нѣтъ. Ну, мы тогда и признались ему, что оба, значить, бродяги. Нечего было дѣлать: поблагодарилъ я писаря трешницей, попросилъ чтобъ насъ напредки не шевелить и ушли.

Надоѣла такая жизнь: сегодня въ этомъ домѣ, завтра въ другомъ, а послѣ завтра въ третьемъ. Вотъ я началъ подговаривать крестьянъ, чтобы дозволили мнѣ хоть какую-нибудь лачужку построить въ селѣ. Одинъ по одному-то они и согласны были, да все же надо, говорятъ, общество собрать. Однажды собрали и сходку; я какъ, водится, угостилъ мужичковъ винишкомъ и тутъ же попросилъ ихъ отвести мнѣ гдѣ-нибудь мѣстечко подъ избу; ну они и согласились, а чтобы, значить, не было послѣ отпору, то надо было написать приговоръ; послали уже было и за писаремъ, да кто-то ихъ и очуралъ: „что вы съ ума что ли спятили, кому вы хотите дать приговоръ-отъ? за эвто всѣхъ насъ въ острогъ упрячутъ“. Мужики разжевали, что дѣло-то неладно, да и въ попятную всѣ. Жаль мнѣ стало денегенокъ, что издержалъ на вино, вотъ я давай просить ихъ, чтобъ хотя безъ приговора дозволили гдѣ-нибудь поставить избушку. Ну и согласились, да только попросили еще вина. Нечего было дѣлать, послалъ я еще за четвертухой; когда и эту выпили, то тогда уже ничего не могъ отъ нихъ добиться. На завтра опять пришлось опохмѣлять, и вотъ тутъ-то согласились отвести мнѣ мѣсто за рѣкой, верстахъ въ двухъ отъ села, на покосѣ

крестьянина Никиты Елизарьева. Тамъ, всетаки, говорятъ, по-дальше отъ глазъ начальства. На отведенномъ мѣстѣ я построилъ избушку, выкопалъ и яму для погребѣ, обзавелся всей домашностью и зажили съ Марьей припѣваючи.

Я, бывало, наберу въ селѣ работы; сработаю все, роздамъ и опять набираю, и такъ дѣло пошло колесомъ; да двѣнадцать лѣтъ такимъ манеромъ я и прожилъ въ Подсосной. Марья, Царство ей небесное! бабенка была самая подходящая мнѣ, мы другъ друга уважали и, бывало, одинъ безъ другого не сядемъ за столъ;—ну, одно слово, жили душа въ душу.

Были у насъ и деньжонки: поболѣ сотни хранилось въ ящикѣ завернутымъ въ холстѣ, а двѣ четвертныхъ, на всякій случай, я заклеилъ въ корки своего молитвенника, да такъ искусно, что нисколько и незамѣтно было. Да, вотъ съ этимъ молитвенникомъ чудная исторія вышла, а съ моей Марьей—еще хуже.

Было дѣло въ 1877 году, лѣтомъ, надо-быть за недѣлю до перваго Спаса*). Пошелъ я въ село, работу понесъ, надо было деньжонки кой съ кого пособратъ, да и вновь набрать работы. Марья осталась въ избушкѣ одна. Этотъ день у меня сердце такъ и ныло. Вѣрно, говорятъ, что сердце хорошій вѣщунъ. Ушелъ я изъ дому раненько, только что чаю утромъ напился, да и пробылъ въ селѣ, почитай, что часа два ужъ прошло, какъ солнце своротило съ полдня. Только что совсѣмъ посправился съ дѣлами и хотѣлъ было уже идти домой, какъ попалъ мнѣ на встрѣчу цѣловальникъ Семенъ Ивановичъ; шелъ онъ съ земской фатеры съ простыми бутылками, остановился и спрашиваетъ меня: „Ты Андрюха еще здѣсь“? Здѣсь, говорю. „Дома у себя не былъ съ той поры какъ ушелъ?“ Нѣтъ, говорю, не былъ. „Такъ вотъ что я тебѣ скажу: сейчасъ приплылъ изъ за рѣки кумъ Александръ и рассказываетъ, что твою Марью въ избушкѣ кто-то удушилъ. А я сію минуту былъ на дворянской и тамъ рассказывалъ объ этомъ писарю и засѣдателю; при мнѣ же прибѣжалъ Давыдка и тотъ тоже самое обсказалъ.

Да, такъ вотъ вѣрите-ли, братцы мои, какъ сказалъ мнѣ это цѣловальникъ, то меня ровно обухомъ кто по головѣ оглушилъ, сразу такъ и потемнѣло въ глазахъ. Голова закружилась, въ ушахъ зашумѣло и самъ словно остолбенѣлъ, сталъ среди улицы и стою. Вотъ мимо меня кто-то проходилъ, я ужъ и не знаю кто такой, и говоритъ мнѣ: „убирайся Андрей, дѣло плохо!“ Я ровно очнулся и подумалъ: вѣрно что плохо, потому какъ на грѣхъ пріѣхалъ въ Подсосну засѣдатель, ну и долго-ли до бѣды? возьметъ да и арестуетъ, да, пожалуй, всю вину на тебя же и свалитъ, вотъ тогда и купайся!

*) 26 Іюля 1877 г.

И какой же экой злодѣй нашелся жестоко такъ обидѣть меня? Это, братцы, я вамъ скажу, такая была великая обида, такое непоправимое горе, что въ тысячу разъ хуже, ежели бы это же самое несчастіе случилось у крестьянина. Потому онъ никого не боится, смѣло идетъ въ свой домъ, самъ старается разыскать своихъ злодѣевъ, а я-то что? Я долженъ добровольно отступить отъ всего своего добра, нажитого трудами въ 12 лѣтъ, долженъ укрываться, а то не ровень часъ арестуютъ, а если и нѣтъ, то что я стану послѣ всего этого? — такой-же, какимъ бѣжалъ изъ каторги, что только было на мнѣ, то и все тутъ. А главное: Марья-то, Марья, бѣдная моя Марья!... Вотъ, такіе-то два сильные удара получилъ я въ жизни своей. Ну, тамъ, на родинѣ, хоть злодѣя то своего я зналъ, а здѣсь и не вѣдаю, кто такой былъ злой человѣкъ.

Вышелъ я за село, да не путемъ дорогой, какъ бывало раньше, а все задами. Пришелъ къ рѣкѣ и поплелся вдоль по берегу, скоро попалась лодка и я переплылъ на другую сторону рѣки. Мнѣ охота была побывать еще въ своей избушкѣ, вотъ и сталъ пробираться кустами. Оставалось только своротить на покосъ, какъ смотрю: у избушки народъ, ну я и не посмѣлъ показаться, а засѣлъ въ кусты и надзираю что тамъ дѣлается. Смотрю: вынесли изъ избушки Марью и понесли на берегъ въ кусты, да тамъ видно и оставили, потому нѣкоторые воротились назадъ къ избушкѣ, а двое остались у тѣла. Видѣлъ я, какъ десятникъ Давыдка вышелъ изъ избушки съ узломъ. Потомъ вдругъ со всѣхъ сторонъ избушки показался огонь и въ нѣсколько минутъ кругомъ ее охватило пламенемъ. Мужики и бывшій съ ними помощникъ писаря долго стояли и смотрѣли на эту картину, а потомъ всѣ ушли; двое же такъ и остались въ кустахъ около тѣла Марьи. Что ужъ дальше было — не знаю. Послѣ всего, что мнѣ пришлось видѣть своими глазами, — сердце у меня точно тисками сдавило и у меня залѣзла въ голову окаянная дума — извести себя съ бѣлаго свѣту и ужъ хотѣлъ было поясъ свой развязывать... да какъ вспомнилъ блаженное житіе съ своей Анисьей, потомъ злодѣя своего Рожкова, разстроившаго мое счастье, потомъ свое преступленіе, жизнь въ каторгѣ, побѣгъ, знакомство мое съ Марьей, которая меня любила, какъ не любила никогда и Анисья, вспомнилъ жизнь мою съ нею вполне спокойную и мирную до сего злополучнаго дня и вдругъ, на тебѣ! сразу все какъ мыльный пузырь исчезло: не стало ни Марьи, ни добра моего и опять попрежнему долженъ скитаться. И залился-то я горькими прегорькими слезами, да потомъ взмолился предъ Господомъ Богомъ, чтобъ онъ милосердный какъ-нибудь помогъ мнѣ въ моемъ горѣ. Этимъ-то я и прогналъ отъ себя нечистую силу. Полежалъ я тутъ еще часа два, а потомъ и ушелъ съ болью въ сердцѣ куда глаза глядятъ.

Проболтавшись по окольным деревнямъ съ мѣсяцъ, я думалъ, что за это время въ Подсосной все поушомкается и тогда можно будетъ отправиться туда и поразвѣдать отъ добрыхъ людей о своемъ имуществѣ, чтобъ хоть какъ-нибудь выручить молитвенникъ; какъ бы-то ни было, вѣдь 50 рублей деньги, ну а тѣ, что въ ящикѣ были, знамо, ужъ пропали. Вотъ въ одно время я и явился въ Подсосну, да пришелъ этакъ вечеркомъ, потому, все-таки, опасался,—кто знаетъ, на грѣхъ мастера нѣтъ, долго-ли въ тюрьму-то попасть? Оно-то хоть и тяжело мнѣ въ тѣ поры было, да все же таки на волѣ лучше, чѣмъ въ тюрьмѣ. Пробрался я задами къ кабаку; стоялъ онъ на берегу Чумыма; да прямо и проскользнулъ къ цѣловальнику, Семену Ивановичу, по фамиліи Покатило. Онъ, какъ увидалъ меня, такъ и ахнулъ. Но, все-таки, Семенъ Ивановичъ, Царство ему небесное!—мужикъ былъ добрый, изъ поселенцевъ. Обсказалъ я ему свое горе, пораспросилъ его о томъ, неизвѣстно ли ему, кто Марью удушилъ, гдѣ имущество мое и можно ли мнѣ быть въ безопасности. Выслушавъ меня, покачалъ онъ головой и сказалъ такъ: „Что Марью удушили бродяги, потому многіе видѣли въ тотъ день двухъ человѣкъ, какъ они ходили по селу, а потомъ поплыли за рѣку на луга и рассказываютъ, что одинъ былъ высокій, въ моихъ лѣтахъ, а другой молодой парень черный, средняго роста. Что въ избушкѣ все было разрыто и изъ ящика повытаскано; а остальное что было: сапожный инструментъ, да кое что изъ мелочи,—забралъ десятникъ Давыдка, котораго мнѣ нужно бояться, чтобъ не арестовалъ, или какъ-бы еще хуже чего не вышло, потому общественники трусятъ,—не обнаружилось бы, что я столько лѣтъ прослужилъ у нихъ; поэтому-то самому они избушку сожгли, чтобъ не было, значить, никакихъ слѣдовъ, а тѣло, будто, такъ въ кустахъ и найдено неизвѣстно какой женщины, такъ донесено было и начальству“.

Послѣ этого цѣловальникъ попросилъ меня поскорѣе уйти отъ него, пока никто не видалъ, а то, говорить, пожалуй, и ко мнѣ привязка будетъ. Далъ онъ мнѣ на прощанье рублевку, поднесъ водки стаканъ, я поблагодарилъ его и ушелъ. Выходя за село, я простился и съ Подсосной навсегда, въ которой мечталъ прожить до смерти своей. Но не тутъ-то было. Значить: живи не такъ какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велить.

Съ той поры я много горя перенесъ. Ходилъ, бродилъ изъ деревни въ деревню, изъ волости въ волость, но всегда одинъ; товарищей не имѣлъ; я смотрѣть не могъ на бродягъ, хотя и самъ былъ такимъ; а особливо, если гдѣ увижу вмѣстѣ двухъ, то такъ мнѣ и казалось, что они мои злодѣи, и каждый разъ при этомъ вспоминаю слова подсосенскаго цѣловальника: „Высокій, въ твоихъ лѣтахъ, а другой—молодой, черный, сред-

няго роста“. Но такихъ мнѣ не попадало, да если-бы даже и попали, то что сталь-бы дѣлать? Такъ часто я самъ себя спрашивалъ.

Завелъ я себѣ сапожный инструментъ. Надоѣсть ходить,—остановлюсь въ деревнѣ, поработаю, и вездѣ меня любили и не отпускали отъ себя, все говорили: „поживи, да поживи у насъ“; но я не соглашался, только въ одной деревнѣ и прожилъ полгода, а то все недѣли двѣ, три, мѣсяцъ и опять ухожу дальше. Такъ я сколесилъ, почитай, весь Ачинскій округъ; ну, да какъ не сколесить за семь слишкомъ лѣтъ!

Наконецъ, надоѣло. Дай-ка, думаю, пойду въ Шадринскъ, да осужусь за бродягу и выйду на поселеніе, потому если здѣсь, въ Сибири, показаться бродягой, то осудятъ на пять лѣтъ въ каторгу, да еще плетми отшлепають, ну, а какъ перевалишься въ Пермскую губернію, то тамъ ужъ этого нѣтъ, оттуда прямо на поселеніе. Вотъ я и отправился. Это было въ маѣ прошлаго года (1885 г.). Прошелъ съ недѣлю времени одинъ, а тутъ, совсѣмъ случайно, подвернулся мнѣ товарищъ. Остановился это я въ балаганѣ ночевать, только сварилъ чаю да напился, приходитъ тоже бродяга. Разговорился я съ нимъ и узнаю, что онъ тоже держитъ путь въ Рассею и бродяжить уже около десяти лѣтъ, но не то, чтобъ по необходимости, какъ, напр., я или другіе, которые бѣгутъ изъ каторги, чтобъ переимѣнить свою участь—осудиться за бродягу да жить на поселеніи, а просто ходитъ такъ себѣ—лишь бы не жить на мѣстѣ да не робить; ну, одно слово лѣнтяй, привыкъ побираться, да по этапамъ ходить. Оказался онъ поселенцемъ Енисейскаго округа и каждый годъ приходилъ къ мѣсту своего причисленія по этапу. Дойдетъ, на примѣръ, до Томска, до Барнаула, или еще куда-нибудь, достигнетъ холодная осень, зима, ходитъ студено, ну и лѣзетъ самъ въ острогъ. Зиму просидитъ, пока ходятъ о немъ справки, потомъ даютъ ему полнякъ, потому своя одежда—одно слово тряпье, и гонятъ его этапомъ въ свою волость; тамъ освободится, казенныя вещи продастъ и опять отправляется. Вотъ изъ такихъ-то былъ мой товарищъ. Небольно-то мнѣ и хотѣлось съ нимъ идти, да самъ онъ навязался: „Пойдемъ, говорить, вмѣстѣ, веселѣе будетъ“. Ну и пошли. Звали его тоже Андреемъ; было ему должно быть лѣтъ тридцать слишкомъ, грамотный, такой разговорчивый и говорилъ этакъ скоро, отрывисто. Рассказывалъ, что онъ солдатъ, бывалъ много разъ подъ судомъ. Въ Сибирь сосланъ за грабежъ; но сколько ни дѣлалъ разныхъ кражъ, грабежей и даже убійства бывали, но никогда не попадало много денегъ, чтобы можно было поправиться какъ слѣдуетъ и зажить на одномъ мѣстѣ.

Тезка мой былъ человѣкъ откровенный, только за это я его маленько и полюбилъ; ну, а въ другомъ-прочемъ мнѣ не глянулся онъ. Вотъ перевалились мы съ нимъ за Маріинскъ и уговорились гдѣ-нибудь отдохнуть денька два, да кстати—починиться. Было уже подъ вечеръ. Своротили мы съ тракту въ сторону, нашли въ лѣсу избушку и въ ней расположились. Возлѣ избушки былъ цѣлый стогъ соломы, натаскали мы, постлали, и, какъ у себя дома, уснули на ней богатырскимъ сномъ. На слѣдующій день принялись портняжить да сапожничаютъ. Товарищъ мой сталъ чинить рубашку; вынулъ изъ сумки маленькій мѣшочекъ, тамъ были нитки, иголки, наперстокъ, потомъ оттуда же вынулъ небольшую въ переплетѣ книжечку и началъ смотрѣть въ нее. Какъ только я увидалъ эту книжку, то чуть-чуть удержался отъ того, что не закричалъ и не бросился на товарища. Онъ въ своихъ рукахъ держалъ молитвенникъ тотъ самый, который оставался въ избушкѣ въ день убійства моей Марьи, восемь лѣтъ тому назадъ, въ которомъ заклеены мною двѣ четвертныя бумажки! Боже мой! Я еще пуще ужаснулся, когда, посмотрѣвъ на своего товарища, мнѣ сразу пришли на память слова подсосенскаго цѣловальника: „... а другой молодой парень, черный, средняго роста“. Такимъ именно былъ мой товарищъ... Въ одну минуту кровь во мнѣ такъ и заволновалась. Боясь, чтобъ не выдать себя, я сейчасъ же вышелъ изъ избушки и ходилъ долго по лѣсу. Возвратившись, я не могъ не только говорить съ своимъ товарищемъ, но даже и смотрѣть-то на него было отвратительно. Я видѣлъ въ немъ своего врага, убійцу моей Марьи. Въ его рукахъ ясно, какъ Божій день, я видѣлъ свой собственный молитвенникъ. Это самое и сходство наружности его съ предполагаемымъ, по словамъ цѣловальника, убійцею,—служило для меня полнѣйшимъ доказательствомъ того, что предъ моими глазами сидитъ никто иной, какъ настоящій убійца.

Я молчалъ и старался быть спокойнымъ, хотя жажда мести начала во мнѣ сильно возбуждаться и я опасался за самого себя. Необходимо было полнѣйшее хладнокровіе и хотя трудно было переломить себя, но я вооружился терпѣніемъ, не подавая своему товарищу ни малѣйшаго вида. Всѣ эти предосторожности требовались для того, чтобъ какъ-нибудь исподволь, еще больше добыть уликъ къ обвиненію моего товарища въ столь важномъ преступленіи.

Бросилъ я свою починку; сказалъ, что голова болитъ, легъ и лежу. Товарищъ мой починается и затянулъ пѣсню. Хоть мнѣ и тяжело было начинать, но, собравшись съ духомъ, я спросилъ:

— Тезка! это у тебя какая книжечка?

— Молитвенникъ. Не хочешь-ли? Возьми, почитай, славнецкій, братъ, молитвенникъ! Молитвы есть всякія, псалмы и святцы, — онъ у меня вотъ ужъ восемь лѣтъ служить.

— Ну, дай-ка, говорю ему; а у самого руки такъ и задрожали, когда я взялъ этотъ молитвенникъ. Да, онъ самый!.. Корки какъ были мною заклеены, такъ остались и до сихъ поръ, только потерлись. Значить, и деньги здѣсь.

Вотъ, теперь уже нисколько я не сомнѣвался въ томъ, что передъ моими глазами убійца, потому самъ проговорился, что восемь лѣтъ владѣетъ молитвенникомъ. Долго я смотрѣлъ въ молитвенникъ, перелистывалъ его, но читать ничего не могъ, да не до этого мнѣ и было. Потомъ, отдавая обратно товарищу, сказалъ: „Мнѣ бы тоже надо купить такой молитвенникъ, сколько онъ стоитъ?“

— „А я, братъ, и самъ не знаю сколько онъ стоитъ. Онъ достался мнѣ на одномъ дѣлѣ, я, пожалуй, расскажу тебѣ. Это, братецъ ты мой, было восемь лѣтъ тому назадъ. Сошелся я также, какъ вотъ съ тобой, съ однимъ бродягой, звали его Николаемъ, онъ хотѣлъ было тогда идти въ Рассею, да какъ разжились мы съ нимъ маленько, то и отдумалъ, воротился назадъ въ свою волость и теперь въ новой деревнѣ цѣловальникомъ, да живетъ за мое почтеніе. Вотъ, шли мы разъ съ нимъ по Назаровской волости; въ одномъ мѣстѣ зашли на займку; день былъ жаркій; въ избушкѣ только одна бабенка, мы и попросили у ней напиться квасу, потому пить—смерть какъ хотѣлось, а она и говорить: „Квасу-то я еще не припасла для васъ, а вода—вонъ, указала рукой на рѣку, можете сходить да и напиться, коли хотите“. Баба-то, видать, была бойкая. Мы зашли къ ней въ избушку, — она гонитъ насъ вонъ. Видимъ мы, что никого нигдѣ не видать да и приступили къ ней порядкомъ. Сначала стали требовать денегъ, но она—куда тебѣ! Такъ расходилась, что просто бѣда, да еще схватила, было, ухватъ и—ну гнать насъ изъ избушки. Тутъ ужъ мы иначе поступили съ нею, повалили ее на полъ да и того... *) ну, а чтобъ потомъ не кричала, взяли да и надѣли ей пеньковый галстухъ на шею... Что было лучше въ ящикѣ забрали и ушли. На другой день, пройдя уже, надо быть, верстъ сорокъ, стали мы разсматривать вещи и въ холстѣ нашли 120 рубликовъ, мы и раздѣлили ихъ съ Николаемъ пополамъ; барахло какое было тоже подѣлили, тутъ былъ вотъ этотъ самый и молитвенникъ, который я взялъ себѣ“.

*) Хотя объ этомъ гнусномъ преступленіи въ официальномъ актѣ объ осмотрѣ трупа неизвѣстнаго званія женщины, произведенномъ 26 іюля 1876 года и обойдено молчаніемъ, но понятыми и писавшимъ эти сроки, трущъ найденъ былъ въ такомъ положеніи, что понятые тогда же произнесли: „Ахъ, варнаки, огалились надъ бабой!..“

— А каковъ изъ себя былъ Николай? спросилъ я товарища.

— „Высокаго росту, съ русой бородкой клиномъ, лѣтъ ему въ ту пору было, какъ-бы не соврать, пожалуй, поболѣ сорока; маленько рябоватый, въ одномъ еще ухѣ сережку носилъ, только запомнилъ въ какомъ“.

Господи! думаю: неужто это былъ Рожковъ? Спросилъ я его еще: какой онъ губерніи, гдѣ и за что судился. Онъ мнѣ сказалъ, что Саратовскій, а судился въ Москвѣ, за бродягу.

Вотъ-то судьба дѣлаетъ просто чудеса да и только! — подумалъ я. По рассказамъ, Николай долженъ быть Рожковымъ, только онъ былъ не Николай, а Дмитрій; ну да если судился за бродягу, то, навѣрно, переимѣнилъ имя и это значить, что если тотъ человѣкъ и на самомъ дѣлѣ Рожковъ, то онъ дважды сдѣлалъ мнѣ зло, да такое зло, чрезъ которое всю жизнь свою я страдаю.

Разсказъ товарища о томъ, какъ они насмѣялись надъ Марьей и какъ удушили ее, въ концѣ меня озлобилъ и я порѣшилъ, во что бы то ни стало, мстить и мстить злодѣямъ своимъ безъ всякаго милосердія.

Дѣло было подъ вечеръ. Я принесъ еще соломы въ избушку. Товарищъ спросилъ меня, для чего такъ много? „Мягче спать будетъ“ — отвѣтилъ я ему. Онъ началъ постель стлать, но я не принимаюсь, у меня всѣ мои вещи въ котомкѣ. Дрожу весь, кровь во мнѣ такъ и волнуется.

— Дай-ка, тезка, свой молитвенникъ, я забылъ посмотрѣть, когда у насъ будетъ Троица, дойдемъ ли мы до Троицы въ Томскъ? Онъ не былъ еще спрятанъ у него и скоро подалъ. Я сталъ, будто къ свѣту, у двери и перелистываю молитвенникъ, а между тѣмъ помаленьку разрываю корку и вотъ, когда я вполнѣ убѣдился въ цѣлости своихъ четвертныхъ, то тогда дѣйствовать сталъ смѣлѣе. Товарищъ лежалъ на своей постели и смотрѣлъ на меня.

— Ну, тезка, теперь ты знаешь чей это молитвенникъ? Знаешь ли, кто предъ тобой стоитъ?

Вынулъ одну четвертную и показываю. — Это видишь что такое? — Молчить и ни слова, только глаза на меня вытаращилъ. — Ну, такъ вотъ слушай: молитвенникъ этотъ — мой, собственный, а женщина, надъ которой вы варвары надсмѣялись и удушили, — моя жена, хотя и незаконная. И вотъ, изъ за васъ, варваровъ, я восемь лѣтъ уже страдаю, потому что настоящій бродяга, а не такой путаникъ какъ ты! Злодѣй! Злодѣй! Убійца! Варваръ ты этакой! Смерть тебѣ, злодѣю!..

Схватилъ я свою котомку, выскочилъ за дверь и въ одинъ мигъ подперъ ее приготовленнымъ коломъ. Онъ бросился было къ двери, но уже было поздно. Въ бывшія же два отверстія въ

стѣнѣ, прорубленныя вмѣсто окна, свободно могъ пролѣзть лишь кулакъ и никакого другого выхода изъ избушки, кромѣ двери, не было.

Натаскалъ я вокругъ избушки соломы, шаркнулъ спичкой и готово!.. Сухая солома въ одну минуту вспыхнула и когда я былъ сажняхъ въ сто отъ избушки, то она вся уже была въ огнѣ. Огонь какъ то ужъ слишкомъ быстро дѣлалъ свое дѣло и беспощадно пожиралъ все то, что мои злодѣйскія руки ему приготовили...

Отъ этой страшной картины я бѣжалъ безъ оглядки. Вокругъ все было тихо, только отъ мѣста пожарища долеталъ до меня неистовый, дикій крикъ... Вскорѣ все замолкло и я былъ уже далеко, далеко на горѣ, откуда видѣлся надъ лѣсомъ лишь густой дымъ.

Такъ я расправился съ однимъ злодѣемъ. Но жажда мести еще не насытилась. На примѣтѣ былъ еще одинъ злодѣй, я зналъ его имя, зналъ мѣсто жительства и поэтому самому оставить такъ безнаказанно въ то время я не могъ его.

Въ молитвенникѣ оказалась цѣлою и другая четвертная. Вышелъ я на дорогу, сбросилъ къ чорту всѣ бродяжескіе доспѣхи и отправился обратно въ Восточную Сибирь. Пѣшкомъ шелъ мало, а все больше ѣхалъ. Чрезъ двѣ недѣли я былъ уже въ нужной мнѣ волости и явился въ новую деревню. Деревня небольшая, стоитъ при рѣчкѣ, въ ней одинъ кабакъ. Остановился я у одного крестьянина и назвался поселенцемъ ихней волости. Перво-наперво, спросилъ, кто у нихъ цѣловальникомъ. Мнѣ отвѣтили, что поселенецъ ихней деревни Николай Осиповичъ, причисленный лѣтъ 16 тому назадъ. Сначала, по прибытіи изъ партіи, онъ не жилъ на одномъ мѣстѣ, а все шатался, но потомъ остепенился и вотъ уже лѣтъ восемь, какъ сидитъ все въ кабацѣ. Женился на ихней же крестьянкѣ вдовѣ и теперь живетъ паномъ. Вотъ, на другой день, отправился я и въ кабакъ. Неужели, думаю, если цѣловальникомъ Рожковъ, то онъ узнаетъ меня черезъ 27 лѣтъ? А.—что будетъ! Пришелъ. Въ кабацѣ за застойкой была женщина, полная такая, уже пожилая. Потребовалъ я водки и сѣлъ. Вскорѣ пришло нѣсколько человѣкъ крестьянъ и стали меня спрашивать: „Чей, откуда, чѣмъ занимаюсь“ и проч. На все я имъ отвѣтилъ. Потомъ начали предлагать мнѣ сапожную работу. Я за тѣмъ, говорю имъ, и пришелъ, чтобы попросить работы, только вотъ инструментъ надо завести, потому недавно пришелъ изъ партіи и ничего нѣтъ.

Вдругъ выходитъ и самъ цѣловальникъ, а женщина въ это время ушла; это была жена его.

Да, вѣрно, въ лѣвомъ ухѣ сережка!.. Значитъ и другого злодѣя нашелъ. Хоть онъ и постарѣлъ и обросъ, а глаза тѣже

остались. Съ моихъ-то трудовыхъ денегъ ты и пошелъ, варваръ, жить, подумалъ я.

Вотъ, братцы мои, повѣрите-ли, какъ во мнѣ въ тѣ поры злость забушевала! Я тогда нисколько не дорожилъ своею жизнью. Еслибъ тогда былъ въ моихъ рукахъ ножъ, то такъ-бы и бросился на злодѣя. Но дѣлать было нечего; необходимо нужно было вооружиться хладнокровіемъ, а не такъ то легко было запасть имъ. Я какъ будто по наружности былъ нѣсколько спокоенъ, но на самомъ дѣлѣ, внутри у меня страшная была буря, и если бы въ то время за мною кто-нибудь наблюдалъ, то сразу же замѣтилъ-бы въ моемъ лицѣ большую переменъ. Облокотившись на застойку, я сидѣлъ молча, не обращая ни на что вниманія; меня сочли сильно опьянѣвшимъ. Въ это время припомнилась мнѣ прошлая, кратковременная, счастливая моя жизнь съ покойницей Анисьею на родинѣ. Потомъ таже жизнь представилась въ другомъ видѣ, отравленною злодѣемъ Рожковымъ. Затѣмъ, убійство жены, тюрьма, каторга, жизнь въ Подсосной съ Марьей и опять лишеніе и этой подруги; опять скитальническая жизнь, а тамъ второе преступленіе... И вотъ, предо мною стоитъ главный виновникъ всѣхъ этихъ золъ. Шибко больно было мнѣ въ то время; но облегчить эти душевные страданія, я не находилъ никакихъ средствъ, хотя самыя вѣрныя средства были, но я въ то время чуждался ихъ и въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, прибѣгалъ къ вину, которое оказывалось безсильнымъ помочь моему горю.

Водка въ бутылкѣ еще оставалась, но я не могъ ее пить, а раздалъ пришедшимъ мужикамъ изъ желанія, будто-бы, съ ними познакомиться. Заплатилъ цѣловальнику-злодѣю деньги и вышелъ изъ кабака. Придя на фатеру, я сталъ придумывать, какимъ бы способомъ отплатить своему старому „другу“, да такъ, чтобъ припомнить ему первое и второе его зло. Ну и рѣшилъ дѣйствовать исподволь, потихоньку, а то въ горячахъ, пожалуй, ничего не выйдетъ, а только себѣ напакостишь.

Сѣзидилъ я въ село, гдѣ была волость; тамъ были лавки; накупилъ инструментовъ и принялся въ деревнѣ сапожничать, да и прожилъ тамъ десять мѣсяцевъ. Всѣ меня хорошо узнали, и самъ даже врагъ мой, цѣловальникъ уважалъ меня. Я какъ есть на всѣхъ работалъ, потому, кромѣ меня, сапожниковъ не было.

Въ деревнѣ же такъ: кому работаешь,—у того и харчишься и живешь у него, пока работаешь; а потомъ переходишь къ другому, третьему и т. д. по всей деревнѣ. Вотъ наступила весна. Солнышко привѣтливо стало смотрѣть на землю и одинаково обогрѣвать всѣхъ злыхъ и добрыхъ людей. Всѣ какъ-то стали радоваться весеннимъ краснымъ денькамъ и любо было смотрѣть на этихъ радующихся, смѣющихся; видно не было у нихъ

никакого горя и не имѣли у себя злодѣевъ, какъ я. Да, всѣ эти люди, которыхъ я видѣлъ, по моему, были людьми счастливыми, ихъ не отуманивали никакія мрачныя мысли, у нихъ, если и случалось какое-нибудь горе, то оно какъ будто легко переносилось, потому что ихнему горю многіе сочувствовали, облегчали это горе душевными, дружескими совѣтами и бесѣдами, оно вскорѣ совсѣмъ забывалось, и жизнь продолжала идти попрежнему—мирно, тихо и счастливо.

Но не то совсѣмъ было у меня. Весна меня нисколько не радовала, а, напротивъ, нагоняла какую-то тяжелую тоску и грусть, отчего не знаю куда-бы дѣвался. Людское веселье и радость меня только озлобляли, и я отъ всего этого отвертывался. На сердцѣ у меня былъ большой, тяжелый камень, который я никакъ не могъ сбросить. Мысль о мести не давала мнѣ покою, и я не жилъ, а мучился. Проживя столько времени въ деревнѣ и видя часто своего врага, кажется, можно было-бы и примириться въ душѣ, но нѣтъ: нечистый злой духъ, видно, глубоко пустилъ корни въ сердцѣ моемъ и ежеминутно требовалъ исполненія задуманнаго...

Великимъ постомъ пригласилъ меня работать и цѣловальникъ. Домъ у него большой, хозяйство хорошее, и вся домашность исправная; имѣлъ своихъ лошадей, коровъ, работника держалъ. Вотъ я и перешелъ къ нему; работы было много. Живя у него, я былъ сдержанъ въ словахъ; на распросы его о моемъ прошломъ всегда отдѣлывался или молчаніемъ, или же разговоромъ о чемъ-нибудь другомъ. Было дѣло, что и я не разъ начиналъ было спрашивать его о томъ, какъ онъ жилъ на родинѣ; но ни разу онъ не заикнулся про то, какъ былъ у насъ въ селѣ цѣловальникомъ, только и рассказалъ, что онъ былъ въ солдатахъ, по случаю пьянства съ товарищами три дня не являлся на службу, а потомъ, будто-бы, товарищи сманили его съ собой обокрасть кого-то,—двое попались, а онъ, да еще другой,—убѣжали. На службу являться уже боялся, поэтому и ушелъ въ Москву, тамъ его арестовали и онъ показался бродягой, за что его сослали въ Сибирь на поселеніе и больше никогда ничего о себѣ не говорилъ.

Проробилъ я у цѣловальника три недѣли. Разъ какъ-то сталъ онъ собираться въ городъ по вино, я возьми да и попросись съѣздить съ нимъ, а ѣздилъ-то онъ всегда одинъ, безъ работника. Согласился. Положили мы на длинныя дроги пустую бочку, онъ сѣлъ спереди, а я позади бочки и поѣхали. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ. Никто не зналъ, что изъ деревни я выѣхалъ навсегда, даже виду никому объ этомъ не подалъ и ни съ кѣмъ не попрощался. Захватилъ я съ собою "*товарища*" *).

*) Товарищъ—ножъ.

Не доѣзжая до города версть пятокъ, остановились мы покурить. Я подошелъ къ нему и говорю: „кисеть-то свой я, должно быть, давеча обронилъ, позволь-ка табачку“. Онъ, ничего не подозрѣвая, полѣзъ въ карманъ. А меня-то нечистая сила тутъ и подтолкни: „не зѣвай, дѣйствуй скорѣй, смѣлѣе!.. Въ эту минуту не я владѣлъ собою, а, дѣйствительно, какъ будто какая-нибудь невидимая сила повелѣвала мною, — можетъ быть, и вправду нечистая. Ну, я и началъ дѣйствовать...

— А помнишь ли, Рожковъ, Андрея Бирсенева и жену его Анисью? И хватъ его ножомъ въ лѣвый бокъ! Онъ только застоналъ и, широко раскрывъ глаза, посмотрѣлъ на меня. А помнишь ли ты, злодѣй, девять лѣтъ тому назадъ надсмѣялся надъ бабой, ограбилъ ее и удавилъ? И тотъ же ножъ влетѣлъ въ другое мѣсто — тутъ я и оставилъ его. Кровище такъ и бьетъ ключемъ. Такъ онъ поперегъ дрогъ и остался, а я задалъ тягу. При немъ были деньги, часы, на рукахъ золотыя кольца, — ничего я не пошевелилъ, потому я не жаденъ былъ до чужого добра, и за это передъ Богомъ не грѣшенъ, а если и маюсь почесь всю жизнь свою по острогамъ, то по милости злого человека, безжалостно такъ разбившаго мое счастье.

Богъ знаетъ, можетъ быть, оно ужъ такъ мнѣ и на роду написано — быть убійцей; можетъ быть, если не за мои, то за родительскіе грѣхи Богъ предопредѣлилъ мнѣ такую участь. Послѣ-то мнѣ и жалко ужъ стало Рожкова, да не воротишь. Все равно, я нисколько не облегчилъ своей участи, а только этимъ, третьимъ убійствомъ, увеличилъ грѣхъ на своей душѣ. Пусть-бы ужъ онъ жилъ да блаженствовалъ — и Богъ съ нимъ! Такъ нѣтъ, вѣдь. Въ ту пору не приходили мнѣ такія мысли. а цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, изо дня въ день, все придумывалъ, какъ-бы поудобнѣе отомстить своему врагу. Теперь-бы я этого не сдѣлалъ. А отчего? Оттого, что вотъ эта самая маленькая книжечка, Св. Евангеліе, божественными своими словами въ сердцѣ моемъ сдѣлала большой переворотъ. Я теперь только понялъ, какимъ долженъ быть православный христіанинъ, и благодарю Бога, что Онъ, милосердый, пролилъ въ мою душу этотъ божественный свѣтъ; а то до сихъ поръ я ходилъ-бы во тьмѣ. Сильно жалѣю, что раньше никогда не обращалъ я вниманія на эту книжечку, иначе — никогда и не былъ-бы такимъ тяжкимъ преступникомъ. Ну, да „лучше поздно, чѣмъ никогда“. Теперь же остается лишь одно: Просить усердно Господа Бога, чтобы Онъ, по милосердію своему, продлилъ мой вѣкъ для покаянія въ моихъ злодѣйствахъ. Охъ, Боже великій и многомилостивый, прости вольныя и невольныя мои прегрѣшенія!

При этомъ рассказчикъ тяжело вздохнулъ во всю грудь, а на глазахъ у него показались крупныя слезы...

— Вотъ, такъ-то, братцы мои, продолжалъ онъ, я и сдѣлался убійцею трехъ человѣкъ. Ровно, какъ будто, сама судьба натолкнула меня на нихъ.

— А какъ же ты, Иванъ Николаевичъ, теперь-то попалъ? спросили его слушатели.

— Какъ попалъ, очень просто. Попалъ-то я не за это. Я цѣль свою держалъ все-таки въ Шадринскъ; охота была осудиться за бродягу да на поселеніе помасть, не вѣкъ же такъ шататься. А то гдѣ-нибудь помрешь, — такъ еще и хоронить-то не стануть по христіански. А вышло-то не такъ. Въ Томской губерніи меня забрали, ну, и осудили, значить, по Сибирскимъ законамъ, *) на четыре года въ работу, вотъ теперь и иду.

— Ну, спасибо, Иванъ Николаевичъ, за рассказъ. Да, братцы мои, подумаешь, какъ оно въ жизни ужъ кому не повезетъ, то хоть лобъ разбей, все не везетъ! — сказалъ кто-то изъ слушателей.

С. А. Коваленко.

Дѣвушкѣ.

Твой милый взглядъ, и нѣжный, и пыливый,
 Меня смущаетъ безъ конца:
 Тебѣ-ль съ душой, столь юной, столь пугливой,
 Пытать завзятаго борца?

* * *

О, лучше стой предъ жизнью, какъ загадкой,
 Чѣмъ вопрошать того, кто жилъ,
 Чтобъ онъ мечты, возвышенной и сладкой,
 Признаньемъ жесткимъ не разбилъ.

* * *

Познай сама тѣнь счастья, міръ страданій, —
 Всего довольно впереди.
 Залогъ тому — рой трепетныхъ желаній,
 Что быются у тебя въ груди.

* * *

Когда-жъ убитая, измучена борьбою,
 Безъ силы на пути падешь, —
 Приди ко мнѣ, — тебѣ себя открою,
 И ты тогда меня поймешь.

С. Хрѣнкова.

*) Бродяги (лица, скрывающія свое званіе) судятся въ Сибири по „уставу о ссыльных“.

Сибирскіе чиновники былого времени.

(Продолженіе. См. I—VI кн. т. г.).

Глава XI.

Въ Восточной Сибири своеволие мѣстнаго чиновничества доходило до прямого неисполненія Высочайшихъ повелѣній. Своевольію въ такомъ выдающемся видѣ помогала возможность прикрыть себя отъ отвѣтственности „бумажнымъ“ производствомъ дѣлъ.

„Учрежденіе“ 1822 г., которое искало въ „формахъ производства дѣлъ“ средства вывести сибирское управленіе на путь законности, также играло въ руку администраторамъ, стремившимся къ непомѣрному развитію собственной власти.

„Стремленіе „учрежденія“ 1822 г. замѣнить творческую работу „производствомъ“ бумажныхъ дѣлъ по опредѣленнымъ формамъ—говоритъ г. С. Прутченко ¹⁾—подавляло лучшія стремленія и начинанія дѣятелей бюрократическаго строя, оказывая на нихъ разлагающее вліяніе: сама машина бюрократическаго строя становится своимъ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ до такой степени неповоротливой и громоздкой что не только дѣлается мало чувствительной къ запросамъ жизни на мѣстахъ, но и туго поддается воздѣйствіямъ центральнаго правительства.“

Даже болѣе — точнымъ и опредѣленнымъ велѣніямъ Верховной Власти. Интересный матеріалъ въ этомъ направленіи даютъ обстоятельства, сопутствовавшія обсужденію и рѣшенію вопроса о вывозѣ въ Петербургъ якутскихъ депутатовъ.

Дѣло въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ.

Сибирскій комитетъ, въ засѣданіи 10 декабря, 1829 года, разсматривалъ записку министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 12 ноября 1829 г.) по вопросу о возможности дозволить якутскимъ инородческимъ старшинамъ, согласно изъявленному ими желанію, отправить отъ себя въ Петербургъ одного или двухъ депутатовъ, которые-бы, сообразно бывшимъ примѣрамъ, были-бы представлены Государю для объясненія своихъ общественныхъ нуждъ.

Въ положеніи Сибирскаго Комитета по этому дѣлу читаемъ:

„Комитетъ, находя, что депутаціи, таковыя естьли онѣ и были иногда допускаемы, никогда не приносили никакой пользы ни правительству, ни народу, кромѣ тщетныхъ издержекъ, положили: означенное домогательство инородцевъ отклонить, вну-

¹⁾ „Сибирскія окраины“. Областные установленія, связанныя съ Сибирскимъ учрежденіемъ 1822 г. въ строѣ управленія русскаго государства. Историко-юридическіе очерки С. Прутченко. СПб. 1899. Стр. 343 и слѣд.

шивъ имъ, что объ общественныхъ ихъ нуждахъ они могутъ представлять на установленномъ порядкѣ мѣстному начальству, Областному, Губернскому и Главному, а особливо въ настоящее время они могутъ со всею удобностью изъяснить оныя Коммиссіи, которая для составленія новыхъ окладныхъ ясачныхъ книгъ къ нимъ послана и имѣетъ предписаніе входить въ разсмотрѣніе таковыхъ представленій и что въ случаѣ неудовольствія ихъ на рѣшеніе мѣстнаго управленія, они могутъ безпрепятственно присылать свои просьбы министерству внутреннихъ дѣлъ или даже на Высочайшее Имя“...

Государь Императоръ Николай Павловичъ не согласился съ такимъ заключеніемъ Сибирскаго Комитета. На вышеизложенномъ журналѣ его послѣдовала Высочайшая резолюція, подписанная генераль-адъютантомъ Адлебергомъ слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, не изъявляя согласія на заключеніе Комитета, Высочайше повелѣтъ соизволилъ дозволить Якутскимъ старшинамъ прислать въ С.-Петербургъ депутатовъ“.

Такимъ образомъ Императоръ Николай I совершенно не далъ своего одобренія высказанному сибирскимъ комитетомъ возрѣнію на способы ознакомленія съ общественными нуждами черезъ депутатовъ, какъ на мѣру, не приносящую „никакой пользы ни Правительству, ни народу, кромѣ тщетныхъ издержекъ“...

Не смотря, однако, на это вполне точное и опредѣленное Высочайшее повелѣніе, якутскіе депутаты въ Петербургъ допущены не были...

Это невѣроятное на первый разъ обстоятельство фактически совершенно достоверно: ясно выраженная воля Императора Николая I не получила иного осуществленія въ жизни, кромѣ канцелярскаго „исполненія“ по Высочайшей резолюціи, потому что органы мѣстнаго управленія не допустили депутатовъ до Петербурга.

Прикрываясь отъ отвѣтственности бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, мѣстныя власти Восточной Сибири, имѣвшія, само собою разумѣется, причины не желать отправленія якутскихъ депутатовъ въ столицу, затянули подъ разными предлогами выборъ и отправленіе депутатовъ на цѣлыхъ восемь лѣтъ, а въ 1837 году добились разрѣшенія не высылать депутатовъ въ Петербургъ. Насколько убѣдительно обоснована была мѣстными властями Восточной Сибири отмѣна состоявшагося разрѣшенія, можно судить изъ подлиннаго журнала Сибирскаго комитета, въ которомъ, между прочимъ, значилось:

„Вслѣдствіе послѣдовавшаго въ исходѣ 1829 года Высочайшаго Повелѣнія о дозволеніи якутскимъ инородческимъ старшинамъ прислать въ С.-Петербургъ депутатовъ, для представленія ихъ Его Императорскому Величеству и объявленія объ

общественныхъ нуждахъ,—были избраны инородческимъ обществомъ два депутата, отправленіе которыхъ въ столицу было однако-жъ остановлено по случаю прикосновенности ихъ къ дѣлу, по производству ими съ обществомъ незаконныхъ поборовъ, и что на сдѣланное тогда-же якутамъ предложеніе выбрать другихъ депутатовъ они, не изъявивъ своего согласія, рѣшились дожидаться окончанія слѣдствія. Нынѣ-же изъ вступившихъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ донесеній генераль-губернатора Восточной Сибири видно, что отправить депутатовъ въ С.-Петербургъ желали одни родоначальники народа, изъ коихъ многіе впослѣдствіи сами объявили генераль-губернатору, во время обзрѣнія имъ въ 1836 году Якутской области, что за прибытіемъ его не имѣютъ надобности посылать депутатовъ и что просьбы ихъ, составлявшія предметъ депутаціи, имѣлись уже въ виду мѣстнаго начальства и получили законное направленіе. По симъ причинамъ министръ внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, что на отправку означенной депутаціи нынѣ не предстоитъ никакой надобности“.

Сибирскій комитетъ согласился съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, хотя было небезъизвѣстно, что Якутскіе депутаты имѣютъ основательныя причины добиваться пріѣзда въ Петербургъ: слишкомъ ужъ невыносимы были притѣсненія мѣстныхъ властей, жалобы на которыхъ мѣстному высшему начальству оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Но несчастныхъ, жаждавшихъ защиты, правды и милости инородцевъ не пустили предъ лицо царя, на котораго они возлагали послѣднюю надежду...

Трескинъ и Лоскутовъ отбирали бумагу и чернила у населенія, чтобы оно не могло писать жалобъ въ Петербургъ. Позднѣйшіе администраторы употребляли болѣе тонкіе способы. Путемъ всевозможныхъ бумажныхъ учищреній они не допускали до престола ищущихъ Высокой защиты...

Тѣ и другіе достигали цѣли...

Если высшія власти Восточной Сибири осмѣливались безнаказанно неисполнять Высочайшія повелѣнія, то не трудно себѣ представить, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ доходило чиновническое самовластіе и своеволие на мѣстѣ ихъ почти безконтрольнаго властвованія. За высшими чинами не отставала въ своевластіи и наглому попираніи закона и мелкая сошка—и сибирское населеніе продолжало стонать, какъ стонало оно и до Сперанскаго.

Въ срединѣ сороковыхъ годовъ была назначена ревизія Восточной Сибири. Ревизию эту производилъ сенаторъ Толстой. Результаты ея мало извѣстны. Труды ея до сего времени покоятся въ архивахъ. А между тѣмъ данныя ревизіи могли-бы про-

лить не мало свѣта на темныя стороны сибирской жизни вообще и въ частности на своеволие и злоупотребленія восточно-сибирскаго чиновничества всѣхъ степеней и ранговъ.

Во всякомъ случаѣ ревизія сенатора Толстого обнаружила массу беззаконій, безпорядковъ и злоупотребленій. Ревизія производилась около четырехъ лѣтъ. Производилась она весьма тщательно. Въ ея основу были положены довольно широкіе взгляды. Результаты ревизіи не были настолько громки, какъ результаты ревизіи Сперанскаго. Тѣмъ не менѣе, они сопровождались не только смѣной, но даже возбужденіемъ отвѣтственности противъ главнаго начальника края. Прямымъ послѣдствіемъ этой ревизіи было назначеніе на мѣсто увлеченнаго Руперта новаго энергичнаго генераль-губернатора Николая Николаевича Муравьева, впоследствии извѣстнаго графа Амурскаго.

Н. А. Гурьевъ.

(До слѣдующей книжки).

Какъ Старожилка получала надѣлъ.

Деревня Старожилка—это одна изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ селъ и деревень нашей немшеной Сибири, гдѣ поселяне жили еще очень недавно, что называется, припѣваячи, не зная тяжелаго упорнаго труда, не зная тяжелой думы о томъ, какъ добыть насущный кусокъ хлѣба для себя и присныхъ. Расположена Старожилка на возвышенномъ берегу большой рѣки одного названія съ той губерніей, къ которой она принадлежала главнымъ своимъ теченіемъ. Въ разстояніи всего нѣсколькихъ верстъ пролежала большая трактовая дорога, обращенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ великій Сибирскій желѣзный путь. Во всѣ стороны отъ Старожилки раскинулись хлѣбородныя гривы, многотравные покосы и сильно порѣдѣвшія куртины лѣса, преимущественно лиственнаго.

Хозяйство свое обыватели Старожилки вели такъ, какъ его вели вездѣ въ Сибири: паши на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока родится, а перестало родиться, бросай это мѣсто и уходи на другое; и такъ гуляли они съ гривы на гриву безъ запрета, и за десятки лѣтъ перепахали всѣ свои гривы, и начинали опять съ первой. На каждой гривѣ у большинства старожильскихъ мужиковъ были свои избушки и станы, у многихъ были пасѣки. Скотина старожильская не вѣдала пастуха: собираясь съ весны въ табуны и стада, она уходила на вольныя степи, въ тѣнистыя елани, въ поскотину, находила здѣсь обильный кормъ, и приходила домой, когда выпадалъ первый зимній снѣжокъ.

Работой себя старожильскіе мужички особенно не изнуряли,—это не то, что въ Россіи, гдѣ земледѣлецъ въ черномъ тяжеломъ трудѣ отъ зари до зари. Нѣтъ, старожильскіе мужики такъ не дѣлали,—на работу они выѣзжали на парѣ запряженныхъ въ телѣгу сытыхъ лошадокъ, напившись предварительно съ обильной прикусой чайку, а, затѣмъ, пріѣхавъ на пашню, опять за чаекъ, и только тогда, когда солнышко подыметъ высоко надъ горизонтомъ, они брались за соху или косу. Кончали же рабочій день за много времени еще до заката. Да и незачѣмъ имъ было себя особенно утруждать. Ни о какихъ такихъ интенсивныхъ формахъ труда и сельского хозяйства старожильцы не имѣли ни малѣйшаго представленія, не знали также они и того, что такое усовершенствованное скотоводство, да и не откуда имъ было все это знать. Большой Московскій трактъ, горные заводы и пріиска, многоводныя рѣки, обильныя рыбой, безконечная тайга, богатая всякимъ звѣремъ и птицей служили неизсякаемымъ для нихъ источникомъ доходовъ и всегда выручали, когда хлѣбъ не родился.

И не думали никогда старожильцы о томъ, что вмѣсто лихихъ троекъ, вмѣсто нескончаемыхъ вереницъ обозовъ по этому самому Московскому тракту кормильцу лягутъ желѣзные рельсы, засвиститъ и загудитъ паровикъ и стройный рядъ вагоновъ, постукивая въ тактъ колесами, помчится вихремъ чрезъ всю Сибирь до самаго восточнаго моря. И не думали никогда старожильцы, что волны русскіихъ голодныхъ переселенцевъ неудержимо покатаются чрезъ высокій Уралъ и наводнятъ Сибирь. И не думали никогда старожильцы о томъ, что тайга выгоритъ, что звѣря и птицы въ ней станутъ меньше, что рѣки помельются и рыбы станутъ меньше. Не думали никогда старожильцы и о томъ, что земли у нихъ уменьшится, что будутъ имъ давать надѣлы, что сельское хозяйство, одно сельское хозяйство останется имъ на долю. И худо вышло, что они объ этомъ всемъ не думали. Проходили десятилѣтія, пробѣгали годы сытой и малозаботной жизни для Старожилки.

Какъ вдругъ, едва весеннее сибирское солнце начало пригрѣвать вершины холмовъ и долины, едва природа начала просыпаться отъ долгой зимней спячки и повсюду первые зеленые листочки вѣщали близость лѣта, въ деревню Старожилку пришло строгое распоряженіе высшаго губернскаго начальства—готовиться къ землеустройству: выбирать довѣренныхъ, отводить квартиры для могущихъ прибыть чиновниковъ и безпрекословно исполнять всѣ требованія землеустроителей по наряду рабочихъ, подводъ и т. д. Наконецъ прибыли въ Старожилку и сами землеустроители. Еще до открытія землеустроительныхъ работъ старожильцы слышали, что имъ будутъ давать какой-то надѣлъ,

будутъ отрѣзать какія-то лишнія у нихъ земли, но какъ все это будетъ дѣлаться, на какомъ основаніи, на что они имѣютъ право, на что они, — старожильцы, не имѣютъ права *et cetera* — все это было покрыто для нихъ мракомъ неизвѣстности. „Будутъ дѣлать отрѣзки“, вотъ и все, что печерпнули старожильцы изъ всѣхъ этихъ слуховъ. И только тогда, когда въ деревнѣ появились землеустроители, почувствовали старожильцы, что у нихъ творится что-то необычайное, что въ жизни Старожилки долженъ совершиться какой-то переломъ, что дѣйствительность ставить имъ на разрѣшеніе трудную и серьезную дилемму и что отъ рѣшенія этой дилеммы зависитъ все будущее Старожилки.

Открылось въ Старожилкѣ землеустройство тѣмъ, что прежде всего были повѣрены посемейные именные списки, т. е. былъ произведенъ учетъ всего мужскаго населенія деревни. Для этой цѣли собрали всѣхъ домохозяевъ и въ присутствіи ихъ читали списки. Когда повѣрка именныхъ списковъ была окончена, старожильцамъ объявили, что силою такой-то статьи поземельно-устроительнаго закона, они могутъ получить по 15 десятинъ земельного надѣла и по три десятины лѣснаго, всего 18 десятинъ удобной земли на каждую наличную душу мужскаго пола, что они, старожильцы, могутъ получить и больше, чѣмъ по 18 десятинъ на каждую душу мужскаго пола, но тогда они обязываются допринять новыхъ членовъ въ свое общество, и столько, чтобы на душу приходилось-бы все-таки по 18 десятинъ. Наконецъ, старожильцамъ предложили указать: въ какой части своей дачи они желаютъ получить надѣлъ, въ какомъ количествѣ, на какое число душъ, и въ какихъ границахъ, и обо всемъ этомъ, они, старожильцы, должны составить общественный приговоръ. Думали, рядили обыватели Старожилки, какъ тутъ быть, гдѣ надѣлы получить: если получить на сѣверъ отъ деревни, на югъ останутся самая лучшія пахатныя мѣста, если получить на югъ отъ деревни, останутся на сѣверъ самая лучшіе покосы, если получить частью на сѣверъ, частью на югъ и того хуже. Если-же земли получить больше, чѣмъ имъ полагались по наличности душъ, нужно допринимать россійскихъ переселенцевъ, а старожильцы страшно боялись того, что съ прибытіемъ въ ихъ деревню переселенцевъ, у нихъ пойдутъ „россійскіе порядки“. Сообщались много разъ они и въ сборной, и на земской квартирѣ, и на дворѣ того дома, въ которомъ жили землеустроители, и всякій разъ у нихъ ничего не выходило. Богатые тянули въ ту сторону, гдѣ расположились ихъ поля, заимки и пасѣки, бѣдняки не соглашались. Время между тѣмъ шло и отъ старожильцевъ требовали окончательнаго отвѣта и приговора о границахъ надѣла.

Убѣдившись въ концѣ концовъ, что изъ всѣхъ этихъ сходовъ и разговоровъ ничего не выходитъ, что, собственно говоря,

они и сами не знаютъ сколько имъ земли надо, и гдѣ надѣлы получать лучше, старожилыцы рѣшили, наконецъ, писать приговоръ; приговоръ былъ написанъ подѣ диктовку сильнѣйшихъ мірянъ Старожилки, а всѣ остальные подѣ нимъ руку приложили. Такъ и былъ составленъ проектъ надѣла.

Приведенныя мною, читатель, картинки взяты изъ жизни, изъ самой дѣйствительности. Не вѣтъ-ли отъ всего этого какою-то стихійностью, какимъ-то шатаньемъ, не наводитъ-ли все это на грустныя темы о томъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ и жгучихъ вопросовъ деревни, готовящейся вступить въ новую эру,—эру земледѣлія—рѣшается слишкомъ просто? Воспитанный при условіяхъ самыхъ экстензивныхъ формъ народнаго хозяйства старожилъ-сибирякъ, какъ безпомощное дитя, лепечетъ какія-то безсвязныя рѣчи въ то время, когда ему предстоитъ рѣшить дилемму его будущей жизни, вступающей на путь новыхъ вѣяній, новыхъ требованій, отъ которыхъ онъ безгранично далекъ.

Г—ій.

Присолили.

*(Изъ дорожныхъ набросковъ *).*

За станціей К., красиво раскинувшейся вблизи горныхъ утесовъ, начинающихъ собою золотonosную площадь ен—ой тайги, въ ямщикѣ моемъ, сверхъ ожиданія, оказался неумолкаемый краснобай. Съ самага выѣзда со станціи, онъ началъ то и дѣло заглядывать съ козелъ въ повозку и невольно остановилъ на себѣ мое вниманіе.

— Что тебѣ?—наконецъ, сорвалось у меня.

— Да ты, ваше почтенье, къ примѣру, изъ штацкихъ, али изъ торговыхъ? По обличью-то, яко-бы, тово...

— Для чего тебѣ это понадобилось?—прервалъ я.

— Али, на примѣръ, изъ акцизныхъ?—тараторилъ онъ, не обращая на слова мои вниманія.

— Для чего, говорю, знать тебѣ?—снова спросилъ я.

*) Предлагаемый набросокъ написанъ въ 1892 г., т. е. когда еще не была построена сибирская желѣзная дорога, а судебная реформа не коснулась старой сибирской волокиты; теперь же въ Сибири многое уже измѣнилось къ лучшему, тѣмъ не менѣе громадныя пространства и разстоянія сократились весьма немного, не вездѣ увеличенъ до необходимой нормы и медицинскій персоналъ, а благодаря этому лежаніе по мѣсяцамъ труповъ скоростижно-умершихъ въ ожиданіи судебно-врачебныхъ осмотровъ или прибытія врача—чему посвящается нашъ набросокъ—составляетъ пока нерѣдкое явленіе и новаго вѣка.

— По обличью-то, якобы изъ штацкихъ. Я, вотъ, къ примѣру, и самъ грѣшнымъ дѣломъ, тоже при службѣ находился, да вѣрно Владычица не судила дослужить, какъ други, наприкладъ, протчи. Испекся, почитай, безъ масла, да вотъ другой годочикъ и—маюсь.

— Кѣмъ же служилъ ты?

— Старостой, другъ! Сельскимъ старостой! Да ты, поди, и взаболъ, ваше благородье, а я тебя дружкой навеличиваю?

— Все равно, зови и такъ. Но отчего жъ ты не дослужилъ?

— Разсказывать-то много. А дѣло-то, слышь, подошло таково, што цѣла, наприкладъ, притча... За мертвую женьшину, да вотъ—поди ты... какая теперича оказія dospѣлась?!

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ и послушай...

И словоохотливый возница передалъ то событіе, которымъ мы намѣрены подѣлиться здѣсь съ читателями.

„Была у насъ, милой человѣкъ, на прошлый годъ женьшина, вдова. Устиньей звали. Мужъ-отъ былъ негодявой, прожилъ съ ней какихъ-ненабудъ полгода, ушелъ на Олекму, да такъ и сгинулъ. Мальчишко вышелъ, какъ есть художникъ. А она, стало быть, все по чужимъ людямъ. Для работы, наприкладъ, какой, али въ страду—одно слово. Ну, женьшина, значить,—что твоя бомба!“

„Только, братецъ ты мой, этой самой, стало-быть, Устиньѣ, вдругъ выпадаетъ, значить, статья. Наѣзжаютъ къ намъ теперича красильшики по церковной части и, наприкладъ, одинъ гоголь беретъ эту самую Устинью къ себѣ въ канпанейки. Смотримъ—наша Устинья вдругъ заходила козыремъ: и ботинки, наприкладъ, съ востряками и платье, значить, съ прихвосьемъ, ну, однимъ словомъ, на городской манеръ. Такъ и полагаю, что лафа-молъ подошла. Красильшикъ, наприкладъ, свое колѣно приводитъ: посадить теперича ее на столъ, подопретъ ей подъ шею руки, да и начнетъ малевать... А Устя ужъ смекать: сидитъ себѣ и не моргнетъ. Цѣлый, братецъ ты мой, патретъ намалевалъ!“

„Но, вѣдь, это для насъ не касательно? Хоша бы я староста, али другой, протчой! Какое мнѣ теперича дѣло до бабьяго, наприкладъ, положенія, а тѣмъ паче народъ еще гульной, да и по церковной части. Вѣдь, хотъ немного, да смекаю, наприкладъ, чо къ чему клонится!“

„И такъ эта самая канпанья прохлаждалась у насъ мѣсяца съ два. Напоследокъ, красильшикъ, значить, вывелъ свою линію и отъ Устиньи отшатился. Баба бы и осталась бабой. Такъ бы оно и тово... Мало ли, наприкладъ, какова клешебойства бываетъ

съ ихной сестрой? Не теперича сказано: „волосъ дологъ...“ А между тѣмъ, смотри жъ ты, милой человѣкъ, какая выходитъ оказія!“

„Подгонять какъ-то къ избѣ моей почтарь. Смотрю—парнишко бѣлѣ полотна!“

— Чо-моль ты?

— Да красильщица-то-гыть, дядинька, зубы оскалила и языкъ-гыть, напрымѣрь, пялить!

— Гдѣ? говорю.

— Да у Миронова-гыть остожья!

— Да чо, моль, она?

— Ишшо, братецъ ты мой, въ заряхъ-то и понять-то не могу!

— Да мертва-гыть, дядинька... Должно быть-гыть, надо облагать, къ примѣру... удавилась!

„Тошно мнѣ! Ну, вѣстимо, староста. Си-часъ, значить, на сборню, туда же и доказателя. Мальчишко у меня удрогъ, выть давай. Я, живо... Обчесво... Мирона... Воспода, моль, такъ и такъ. Идемъ съ обчесвенниками къ этому самому Миронову остожью и что же, братецъ ты мой? Баба-та доподлинно, вѣдь, удавилась! И ремень-отъ, говорятъ, красильшиковъ!“

„Вѣстимо—кто „охъ“, кто—„ахъ“. Роденьки-то въ деревнѣ, по несчастью, не было, стало-быть и соболѣзности по сибѣ женьшина не предвидѣла. Писарь переписалъ видоковъ, кто и гдѣ, значить, могъ доказать Устинью въ живности на-послѣдкахъ, настрочилъ, чо полагается, и—въ волостно правленье, а къ тѣлу приставили караулъ. На други сутки нагнали волосны, вымѣряли тѣло, въ какомъ оно ростѣ, съ какой теперича стороны къ ему пришелся сиверъ, съ какой полдень, поточили по малости Мирона, потому-де человѣкъ поднялъ руки на себя при его остожѣ, и предоставили тѣло въ холодникъ: тамъ чо послѣдуетъ отъ вышняго начальства“.

„Вотъ тутъ-то, милой человѣкъ, Устинья-то и подвела намъ притчу... Черезъ недѣлю время пригналъ къ намъ восподинъ засѣдатель, присмотрѣлся къ ремню, записалъ чо надо, и уѣхалъ; „покрѣпчае-гыть, робята, караулъ держите, потому-гыть тѣлу будетъ вскрышка!“

„На шестой день пріѣхалъ судебной слѣдственникъ: сызнова перемѣрялъ Устинью, спросилъ, въ кой сторонѣ сиверъ, гдѣ полдни, переписалъ видоковъ, попыталъ у обчесвенниковъ, гдѣ, значить, малуетъ теперь красильшикъ и какимъ средствомъ его можно добыть, чтобы не ударилъ въ утеку, и говоритъ“:

— „Тѣло-гыть должно быть въ сохранности до дохтура Ты-гыть, староста, должонъ смотрѣть, чтобы не вышло какова умаленья, али . каки знаки не прибавились. Главно-гыть дѣло—

удавка: потому-гыть-дохтуръ должонъ будетъ доходить, своя-ли, напрымѣръ, удавка, али—со стороны.“

Наказалъ это и—уѣхалъ.“

„Поляживать наша Устинья. А на дворѣ, братецъ ты мой, страда; православнымъ надо на покось, а тутъ иди теперича мертво тѣло сторожить! кажинны сутки человѣкъ шесть—восемь, потому.. сумнительно, да и одиночкой не идутъ. День за день, тѣло черняе и черняе; пошелъ, значитъ, червякъ и всяка нечись, потому жара...“

„Думали мы, думали, грѣшнымъ дѣломъ, какъ тутъ быть, какую, напрымѣръ, предохранность къ тѣлу поимѣть, чтобы не было умаленья отъ нечисти, однако ничево не выдумали“.

„Поляживать Устинья. Народъ треложится: главно дѣло—караулъ. На другу недѣлю приходитъ ко мнѣ одинъ мужичокъ, да и говоритъ:“

— „Вѣдь, дѣло-то-гыть, Петро Михѣичъ, не пустячко; кабы-гыть и тибѣ и обчесву какой привязки не было, потому-гыть—жара, нечись-гыть одолѣвать, а тутъ главно дѣло—удавка; проточить-гыть червякъ удавку, вотъ-гыть и загвозка? А мой-гыть, глупый разумъ, напрымѣръ, такой: пока тамъ мертвому тѣлу вскрышка, али што, взять да присолить его?! По крайности—сумнительства не будетъ!“

Посудили, порядили объ этомъ съ обчесвянами, да и—тово... взяли бабу-то да и взаболь *присолили*! Гдѣ значитъ, въ какихъ мѣстахъ больше червяка, али нечисти—туда соли пригоршонками посыпали, больше наровили на удавку, а гдѣ, напрымѣръ, одна чернота, на гладкихъ мѣстахъ—тамъ въ розсыпку побросали.“

„На третій день—пыхъ слѣдственикъ и дохтуръ съ рѣзакой. Прямо къ тѣлу. Только взглянули—дохтуръ и забазланилъ... Боже ты мой, милосливый! Чо ровно загорѣлось, али мы, къ примѣру, Устинью на другой манеръ передавили!“

— „Это-гыть што?.. Старосту мнѣ!“

— „Я-моль самой, ваше выс-ко-родье!“

— „Въ чемъ-гыть это она облѣпилась?“

— „Присолили-моль, ваше выс-ко-родье!“

— „Да не сдурѣли ли-гыть вы?“

— „Чтобы-моль сумнительства никакого не было, потому червякъ ужъ очень одолѣлъ и нечись всякая.. А тутъ-моль главно дѣло удавка; червякъ-бы не токмя што ростреложилъ, а я совѣмъ бы съѣлъ ее..“

— „А ты-гыть не знашь, что это дѣло, напрымѣръ, кошшунствомъ называтся и ты-гыть должонъ за это почасть туда, гдѣ Макаръ телятъ не гонять?“

— „Да я-вѣдь-моль, ваше выс-ко-родье, не одиночкой, а съ согласья обчесва!“

— „Тамъ-гыть судъ разбереть!“

«Чо тутъ дѣлать? Вѣстимо—языкомъ не слижешь... Точиль-точиль меня восподинъ дохтуръ, потомъ зачалъ слѣдственникъ. Этотъ больше все въ ахтѣ прописывалъ: кто, напрымѣръ, придумалъ этотъ самый присолъ, сколько соли пошло, чья, напрымѣръ, соль. Много прописывалъ!“

„Вскрышку тѣла кончили. Сумленья никакого не означилось; хотя обчесвяна на-перво, какъ поднимали Устинью, и пробалтывались, что ремень-отъ якобы доподлинно красильшиковъ, а когда дошло до точки—„знать не знамъ“. Посмотрѣлъ восподинъ дохтуръ удавку, обнюхалъ потроха и протчу принадлежность, да и говоритъ: „у женьшины-гыть этой маланхоль была, она-гыть, почитай, отъ рожденья въ петлю наровила.“

„Похоронили Устинью, начальство упалило а меня молодца—почитай на третьи сутки въ городъ... Тамъ, значитъ, вычитали гумагу, што отъ старость на угонъ, потому-де о присолѣ женьшины будетъ слѣдство, да вотъ теперъ и мають: раза по три все вытребовали; поспрашиваютъ по-малости, да и „ступай-гыть домой... до располяженья; съ деревни-гыть, мотри, не шагу“. Чо будетъ—Богъ знать: кто говоритъ высѣдка, кто говоритъ—штраховка; а посаломшикъ, вонъ, Лукичъ—ино плететь: провинности-гыть твоей тутъ, напрымѣръ, совсѣмъ не предвидится: до сорока-гыть день, душа человѣчья и безъ тово, напрымѣръ, по всякому мытарству бродить; вилико-гыть дѣло, что ты, якобы въ догонку ей, соли побросалъ!“ Мужикъ, тоже,—не глупя ково!“

Такъ вотъ, почтенный, какая теперича алилуйя и подходитъ ко мнѣ изъ-за этой самой Устиньи...“

Кузнецовъ Тобольскій.

О патронатѣ.

Въ настоящее время, когда въ западно-европейскомъ обществѣ, а равно и у насъ въ Россіи, растеть сознаніе, что на этомъ обществѣ лежитъ обязанность принять на ряду съ правительствомъ участіе въ дѣлѣ борьбы съ преступностью, какъ явленіемъ соціальнымъ, когда въ Россіи закономъ 12 іюня 1900 г. мѣщанскія и крестьянскія общества лишены права отказываться и не принимать обратно въ свою среду членовъ, отбывшихъ наказаніе въ тюрьмѣ и исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, и когда этимъ закономъ ссылка во многихъ случаяхъ замѣнена этими видами наказанія, своевременно будетъ

познакомиться съ тѣми учрежденіями и обществами, которыя преслѣдуютъ въ отношеніи къ преступникамъ, отбывшимъ наказаніе, цѣли обезпеченія имъ способовъ честнаго добыванія средствъ къ существованію и устраненія возможнаго соблазна къ повторенію преступленія, однимъ словомъ—цѣли оказать имъ нравственную и матеріальную поддержку по отбытіи наказанія и по возможности исправить и возродить преступника къ новой честной и трудовой жизни, возвратитъ его въ среду свободныхъ людей, если не полезнымъ, то, по крайней мѣрѣ, безвреднымъ для общества гражданиномъ. Дѣйствительно, вѣдь, не поголовно-же всѣ попадающіе въ тюрьму суть закоренѣлые преступники; много попадаетъ въ тюрьму преступниковъ случая или только что попавшихъ на скользкій путь преступности, можетъ быть, вполнѣ раскаявшихся въ содѣянномъ преступленіи и искупившихъ его понесеннымъ наказаніемъ. Почти всѣ наши ученые и публицисты единогласно признаютъ не исправляющее, а растлѣвающее вліяніе тюрьмы, а потому по выходѣ изъ тюрьмы для отбывшихъ наказаніе и необходима поддержка со стороны общества, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Фуксъ, обязанности государства по призрѣнію арестанта кончаются съ момента отбытія наказанія.

Для преслѣдованія вышеназванныхъ цѣлей въ Европѣ и Америкѣ образовались попечительныя общества патроната, они получили довольно значительное распространеніе и достигаютъ блестящихъ результатовъ. Первые общества патроната образовались въ Филадельфіи въ 1776 г., въ Даніи въ 1797 г., въ Англіи въ 1816 г., во Франціи въ 1819 г., въ Германіи въ 1826 г. и т. д.

Насколько распространены общества патроната за границей, можно судить по тому, что ихъ въ Баденѣ существуетъ 60, въ Баваріи 144 и въ Пруссіи 231 общество. Въ Россіи-же патронатъ находится въ зародышевомъ состояніи. Въ нашемъ отечествѣ всего 6 обществъ патроната: Кишеневское, Одесское, Московское, Петербургское, Ярославское и Пермское и только. Это для всей Россійской Имперіи съ ея среднесуточнымъ тюремнымъ населеніемъ въ 100.000 человѣкъ и съ 870 мѣстами заключенія! Однако, нельзя сказать, что заботы о преступникахъ, отбывшихъ наказаніе, были чужды нашему правительству и обществу. Нѣтъ, онѣ существовали съ самыхъ древнихъ временъ нашего государства, и наше отечество могло-бы даже опередить въ этомъ отношеніи западную Европу, если-бы, напримѣръ, такой прекрасный институтъ, какъ поручительство по дѣламъ уголовнымъ, образовавшійся не искусственно, а выросшій на исторической народной почвѣ, получилъ надлежащую организацію и не прекратилъ своего существованія. Возвратимся къ сѣдой старинѣ и скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ заботахъ, которыя оказыва-

лись по отношенію преступниковъ. Еще въ Русской Правдѣ мы находимъ совершенно опредѣленные постановленія, изъ которыхъ видно, что вира взыскивалась не съ одного только преступника, она иногда взыскивалась съ территоріальной общины верви, къ которой принадлежалъ преступникъ. Въ такомъ случаѣ вира называлась дикою и взыскивалась съ общины въ двухъ случаяхъ: 1) Когда совершено убійство предумышленное или кража (ст. 80), но община не разыскиваетъ преступника или скрываетъ его (не желая выдать) и 2) когда убійство совершено непредумышленное (въ ссорѣ или на пиру, извинительное по воззрѣніямъ того времени). Въ первомъ случаѣ всѣ члены общины платили виру, которая рассрочивалась на нѣсколько лѣтъ, безъ участія преступника; во второмъ-же случаѣ вервь платила виру съ участіемъ самого преступника въ соотвѣтственной долѣ, т. е. вся сумма виры—40 гривенъ—раскладывалась по числу членовъ общины, въ томъ числѣ и на преступника, и каждый платилъ причитающуюся долю, и, надо думать, что въ этомъ случаѣ вира платилась уже не всѣми членами безъ исключенія, а только тѣми, которые вкладывались въ дикую вину и виру; иными словами—въ одномъ случаѣ вервь имѣла значеніе добровольнаго страхового общества для лицъ, совершившихъ преступленіе. Вступать въ это общество никто не принуждался и тотъ, кто не вступалъ въ это общество, въ случаѣ совершенія преступленія (убійства), платилъ виру единолично, а потому не платилъ и за другихъ. Однако, пользуется помощью общины при уплатѣ виры только тотъ изъ вложившихся, кто совершитъ убійство непредумышленное, извинительное. Съ отмѣною виры въ эпоху судебныхниковъ мы встрѣчаемся съ новымъ отношеніемъ къ преступникамъ, отбывшимъ наказаніе: это поручительство по дѣламъ уголовнымъ. Въ древности на Руси существовало поручительство какъ въ томъ, что обвиняемый или подсудимый не будетъ уклоняться отъ суда и слѣдствія (*порука къ суду*), такъ и въ томъ, что обвиненный впредь не будетъ совершать преступленій (*порука съ суда*). Область примѣненія поручительства начиная съ судебныхниковъ, особенно во время дѣйствія уложенія царя Алексѣя Михайловича, была очень велика. Такъ порукою обезпечивались интересы государственные: 1) порука по боярамъ въ неотѣздѣ и вѣрности Государю, 2) порука по выборнымъ лицамъ судебно-административнаго управленія (по приставамъ, пятидесятскимъ, десятскимъ, губнымъ старостамъ, тюремщикамъ, недѣльщикамъ и др.) въ исправномъ отпращиваніи ими обязанностей службы, 3) порука по казакамъ, стрѣльцамъ и другимъ служилымъ людямъ въ исправной ихъ службѣ, 4) порука по крестьянамъ въ исправной пашнѣ и неуходѣ, при чемъ сюда-же присоединялась порука въ добромъ поведеніи, напримѣръ: „или учнетъ какимъ воровствомъ воровать, зерною и карты играть,

пить или бражничать, и на насъ на порутчикахъ въ томъ пеня великихъ Государей, а пени, что они великіе государи укажутъ и тое великихъ Государей десятинную пашню пахать намъ-же порутчикамъ и наши порутчиковы головы въ его голову мѣсто“ (Акты юрид. Калачева V, № 257 и II, 1684 г. порука въ пашенномъ крестьянинѣ, переселившемся на Тагиль на Государеву пашню). Подобныя-же поруки существовали по монастырскимъ крестьянамъ; 5) порука по посадскимъ людямъ въ исправной жизни и неуходѣ новоселовъ. Далѣе, порукою обезпечивались обязательства административнаго или полицейскаго характера. Случаи примѣненія поруки въ качествѣ мѣры предупрежденія совершенія преступленій можно раздѣлить на 4-группы: *) 1) въ цѣляхъ охраны общества отъ повторенія преступленій лицами уже совершившими преступленіе и наказанными, 2) порука по лицамъ подозрительнымъ, поведеніе которыхъ можетъ нарушить общественный порядокъ, 3) порука въ цѣляхъ наблюденія за чистотою вѣры извѣстныхъ лицъ и 4) порука въ обезпеченіе нравственныхъ достоинствъ духовенства. Мы коснемся здѣсь только первыхъ двухъ случаевъ. Общимъ правиломъ было то, что наказанный преступникъ отдавался на поруки или заключался въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не находилась по немъ порука. На поруки отдавались лица, совершившія слѣдующія преступленія: 1) убійство безъ умысла въ дракѣ или пьянымъ дѣломъ (Допол. указъ 17 февр. 1625 г. къ уст. книгѣ Разб. приказа, Уложеніе А. М. гл. XXI ст. 69, 73), 2) воры, уличенные въ татѣбѣ впервые и пріемщики краденыхъ или награбленныхъ воровскихъ вещей (Уст. Кн. Разб. прик. ст. 32, 34, Уложеніе гл. XXI ст. 64), 3) лица, угрожавшія сжечь домъ или гумно съ хлѣбомъ (Уложеніе X, 22), 4) соучастники въ преступленіи наѣзда (Судебн. 1550 г. ст. 89, Уложеніе X, 19), 5) виновные въ распространеніи возмутительныхъ слуховъ (Собр. Госуд. Гр. и Договоровъ IV № 160), 6) пристанодержатели (Акты юр. Калачева № 260, I, 7) особенно часто примѣнялась порука къ корчемникамъ, уличеннымъ въ тайномъ куреніи и продажѣ вина (Ак. юр. № 303, А. А. Э 1598-1605 г. II № 30, Уложеніе XXV, 3, П. С. З. I № 130, 1654 г.); „тѣмъ корчемникамъ чинить наказаніе, бить кнутомъ нещадно въ торговые дни и сажать въ тюрьму дней на пять и на шесть, смотря по человѣку, а изъ тюрьмы вынявъ, сажать ихъ на крѣпкія поруки съ записями, что имъ впредь такимъ воровствомъ не воровать, корчемнаго питья въ продажу не держать“; 8) виновные въ употребленіи фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ (А. А. Э. I № 100) и нѣкоторые другіе. Интересенъ случай примѣненія поруки въ обезпеченіе согласной

*) С. Никоновъ Поручительство въ его историческомъ развитіи по Русскому праву, стр. 49.

жизни супруговъ и ненанесенія мужемъ побоевъ женѣ: „а будетъ онъ Пароеній за нашею порукою.. надъ женою своею какое дурно учинить или ее пострижетъ безъ властелина вѣдома и на насъ на порутчикахъ... пеня, что архимандритъ съ братіею укажетъ и наши порушецкіе головы въ ихъ мѣсто голова въ голову. (А. Ю. № 326, 1677 г.).

Порука состояла въ томъ, что лицо, взятое на поруки, не будетъ впредь подъ надзоромъ поручителей красть и никакимъ воровствомъ промышлять или въ ручательствѣ вообще о добромъ впредь поведеніи лица, отданнаго на поруки. Для примѣра приведемъ здѣсь двѣ поручныя записи: 1) „е язь Данило Жуканъ, да язь Ерема Исаевъ, да язь Малко Мелишевъ и др., всѣ мы порутчики поручились есми приставу Любиму Мартынову по Богдашкѣ Мелишевѣ и Малякѣ Щаевѣ въ томъ, что приведенъ онъ Богдашка съ краденымъ медомъ, а Маляка Щаевъ съ нимъ въ той кражѣ былъ товарищъ и имъ

Богдашкѣ и Малякѣ впредь, за нашими поруками, меду не красть и никакимъ воровствомъ не промышлять; а буде они, Богдашка и Маляка, впредь учнутъ за нашею порукою красть или какимъ воровствомъ промышлять, и на насъ на порутчикахъ пеня Великаго Государя, а пени намъ порутчикамъ, что Великій Государь укажетъ (Ак. Юр. Калачева № 100 стр. 624) и 2) 26 человекъ крестьянъ дали поручную запись по Иванѣ Петровѣ и сынѣ его Нежданѣ, обвинявшимся въ убійствѣ въ дракѣ въ томъ: „что былъ грѣхъ таковъ: Ивановъ сынъ Нежданъ съ Овдійкомъ Ковригинымъ убили до смерти крестьянина, сосѣда Иванова, Перваго Задворнаго: и впредь Ивану Петрову и сыну его Неждану, живучи за нашею порукою, тѣми лихими дѣлами не промышлять, никакихъ лихихъ дѣлъ не чинить, и на ту вдову на Матрену и на ея дѣти никакимъ зломъ не помышлять, и убійства смертнаго не чинить. А учнетъ Иванъ или сынъ его Нежданъ впредь такимъ воровскимъ дѣломъ промышляти и такое бездѣліе чинити, и на ту вдову и на ея дѣти зло помышляти, ино на насъ на порутчикахъ по сей поручной записи 50 рублей денегъ взять“ (Ак. Юр. № 301, I). Отвѣтственность поручителей состояла въ денежномъ штрафѣ и въ удовлетвореніи убытковъ, причиненныхъ новымъ преступнымъ дѣяніемъ лица, взятаго на поруки, самъ-же рецидивистъ подвергался болѣе строгой уголовной карѣ. (Ак. юр. Калачева № 260, I, Ак. юр. №№ 303, 312 и 326; П. С. З. I № 441).

Въ видахъ предупрежденія преступленій порука примѣнялась также и къ лицамъ, поведеніе которыхъ было почему-либо сомнительно, хотя-бы они еще и не были замѣчены ни въ чемъ дурномъ. Такъ порука примѣнялась по гулящимъ людямъ, бродягамъ, при личномъ наймѣ на работы лицъ новыхъ, приш-

лыхъ, по бурлакамъ, по ремесленникамъ и рабочимъ людямъ. Отвѣтственность поручителей по этимъ людямъ была почти такая-же, какъ сказано выше.

До сихъ поръ мы говорили о поручительствѣ добровольномъ, когда поручители ручались за отбывшаго наказаніе по своей доброй волѣ, но правительство Московское, въ стремленіи своемъ вывести лихихъ людей, старалось установить не только фактъ преступленія, но и то, что всякій схваченный, заподозрѣнный или оговоренный человѣкъ не есть-ли лихой человѣкъ. Средствомъ для этого послужилъ повальный обыскъ, посредствомъ котораго стали доискиваться мнѣнія общины о пойманномъ субъектѣ. И въ этомъ случаѣ правительство Московское, воспользовавшись выработаннымъ въ народѣ институтомъ поручительства, примѣнило его для своихъ цѣлей, измѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ его природу и лишивъ его характера добровольнаго, измѣнивъ отвѣтственность поручителей подъ угрозой уголовныхъ взысканій, заставивъ тѣмъ самымъ слѣдить за лицами, взятыми на поруки и побуждать ихъ къ исправному исполненію своихъ обязанностей. Въ данномъ случаѣ правительство не справлялось съ желаніемъ поручителей взять лицо на поруку, они не могли отказаться отъ взятія на поруки. Вопросъ о примѣненіи поруки при обыскѣ подробно регламентированъ въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, опредѣленія которой вошли въ XXI главу Уложенія. Если половина или болѣе половины обыскныхъ людей одобрявали оговореннаго на обыскѣ («добрили»), то оговоренный отдавался на поруки лицамъ, одобрившимъ его. Порука состояла въ томъ, что „имъ (принятымъ на поруку) впредь не красть, не разбивати и лихимъ людямъ, татемъ и разбойникомъ прїѣзду къ себѣ недержати и татиные и разбойные рухледи не перекупати и инымъ никакимъ воровствомъ не воровати“ (ст. 2 Уст. Кн. Разб. Пр.) Если взятый на поруки субъектъ „учиналъ воровати“, его пытали и казнили (ст. 7, 8, 2 тамъ-же), а съ поручителей взыскивалась „выть“ и кромѣ того, два или три лучшихъ человѣка изъ поручителей подвергались тѣлесному наказанію „за что они воровъ укрываютъ“ (ст. 2, 3, 7 и 8. Уст. Кн. Разб. Пр.; Уложеніе А. М. XXI, 36, 37, 28, 29, 35, 38, 42). При отдачѣ на поруки въ этомъ случаѣ правительство руководилось тѣмъ, чтобы обыскные люди на обыскѣ показывали правильно, если же они несправедливо одобряли обвиняемаго и тѣмъ самымъ дали средство уклониться отъ справедливаго возмездія, то за это и должны нести наказаніе, если же одобренный оказывался человѣкомъ безупречнымъ, то при отдачѣ на поруки никто не былъ въ убыткѣ: ни поручители, ни правительство.

Съ теченіемъ времени, когда порядочныя лица въ силу большой отвѣтственности понятнымъ образомъ перестали брать на

поруки неблагонадежныхъ лицъ, когда за многія преступленія стала назначаться ссылка, и когда администрація и полиція въ Императорскій періодъ получили лучшую организацію, поручительство, какъ мѣра обезпеченія Государственнаго и общественнаго порядка, постепенно исчезаетъ и уничтожается. Заботы о преступникахъ, отбывшихъ наказаніе, сводятся къ полицейскому надзору за ними. Полицейскій надзоръ за отбывшими наказаніе преступникама, какъ мѣра правительственная, осуществляемая органами правительства, относится ко времени воеводскаго управленія. Въ Императорскій періодъ поручительство по дѣламъ уголовнымъ уже вовсе перестаетъ существовать. Правительство однако признавало, что отбывшій наказаніе субъектъ легко можетъ пойти по преступному пути, ибо отбытіе наказанія не является еще гарантіей того, что человѣкъ исправился, особенно въ прежнее время при плачевномъ состояніи тюремъ. Наоборотъ, наказаніе служитъ иногда стимуломъ къ дальнѣйшей преступной дѣятельности, особенно когда преступникъ, лишенный правъ состоянія, сознаетъ всю трудность своего положенія, сознаетъ, что ему почти всѣ пути къ сносному существованію закрыты и иной, не будучи способнымъ къ физическому труду, единственному оставшемуся для него средству существованія, продолжаетъ идти по пути преступности, подгоняемый нуждой и необходимостью достать себѣ средства существованія и зная, что терять и дорожить-то ему особенно нечѣмъ, предпринимаетъ смѣлыя и дерзкія преступленія. Не даромъ говорятъ, что если кто хочетъ искать смѣлаго и отчаяннаго то пусть ищетъ его въ тюрьмѣ. Кромѣ того, одно имя арестантъ предубѣждаетъ общество противъ отбывшаго наказаніе и тѣмъ затрудняетъ ему снискать себѣ работу или занятіе. Все это вызываетъ необходимость принятія мѣръ, слѣдующихъ послѣ освобожденія преступника, въ интересахъ общественной безопасности и пользы для отбывшаго наказаніе въ видахъ возрожденія его къ новой честной и трудовой жизни. Существуетъ два рода такихъ мѣръ, одна изъ нихъ полицейскій надзоръ—мѣра принудительная, рассчитанная непосредственно на охраненіе общественной безопасности, дабы оградить общество отъ возможныхъ новыхъ преступленій со стороны отбывшихъ наказаніе, и другая—патронатъ—мѣра попечительная, болѣе дѣйствительная, имѣющая цѣлью, при посредствѣ моральной и матеріальной поддержки освобожденному, содѣйствовать его личному благу, его возрожденію. А это въ свою очередь ведетъ къ той же общественной безопасности, только болѣе вѣрнымъ и надежнымъ путемъ.

Павель Рязановъ.

До слѣдующей книжки)

„Отчего онъ такъ скоро сгорѣлъ?“

Весенній вѣтеръ тихо колыхалъ цвѣты распустившейся черемухи; окрестный воздухъ былъ пропитанъ ея ароматомъ, властно врывался въ грудь и пробуждалъ въ ней мощь и силу. Съ высоты голубого безоблачнаго неба ласково смотрѣло красное солнце, посылая прощальные лучи и въ бурный ручей, и въ спокойную величавую рѣку, и на зеленѣющій высокій берегъ. Вдали синѣла, словно въ туманѣ, темная лента сосноваго бора.. Время близилось къ вечеру...

— Какъ чудно все это, какъ прекрасно создано! думалъ въ этотъ вечеръ молодой человѣкъ, который случайно былъ на берегу рѣки и любовался открывающеюся предъ его взоромъ картиной. Не ушелъ-бы, если-бы...

И это непрощенное „если-бы“ сразу измѣнило его восторженное настроеніе. Съ этимъ „если-бы“ связана вся его жизнь и свобода, связана крѣпко, прочно и чуть-ли не навсегда. Молодому человѣку было 20 съ небольшимъ лѣтъ, но онъ уже вступилъ на путь самостоятельной, трудовой жизни. Онъ былъ всецѣмъ одинокъ, если не считать дальнюю родственницу старуху, у которой онъ бывалъ лишь по годовымъ праздникамъ. Знакомыхъ, товарищей у него тоже не было: товарищи по школь разсѣялись по лицу земли послѣ выпускныхъ экзаменовъ, иныхъ судьба бросила въ далекіе углы отечества, а новыхъ друзей и знакомыхъ найти такъ трудно... Ему, какъ и нѣкоторымъ его товарищамъ, почему-то, не удалось кончить даже и среднюю школу, онъ, почему-то, ушелъ оттуда, ушелъ—за что-то проклятая своихъ наставниковъ, ведшихъ его „къ познанію блага“... „Почему-то“, „за что-то“,—эти слова такъ часто слышатся въ разговорахъ молодыхъ недоучившихся юношей и такъ горько звучать въ ихъ ушахъ,—что объ этомъ и вспоминать не хочется. Да и къ чему вспоминать? Развѣ отъ этихъ воспоминаній что-нибудь измѣнится, что-нибудь потечетъ въ обратную сторону, кто-нибудь сдѣлается лучше, человѣчнѣе?.. Эхъ! „И погромче насъ были витіи да не сдѣлали пользы перомъ“...

Молодой человѣкъ печально смотрѣлъ вдаль, грустной улыбкой привѣтствовалъ пробудившуюся природу и въ его мысляхъ ютилось одно только убѣжденіе, что все это создано не для него... Почему?..

Потому что онъ на пиру жизни призванъ лишь замыкать торжественное и чудное шествіе счастливыхъ и довольныхъ людей. Онъ никогда не будетъ впереди этого шествія, для этого у него нѣтъ необходимыхъ данныхъ: онъ недоучка, онъ не богатъ, онъ, наконецъ, и не талантливъ. И онъ всю свою жизнь будетъ

чернорабочимъ,—вотъ какъ теперь пройдетъ его вѣкъ... Онъ съ 9 до 2 часовъ ежедневно сидитъ въ канцеляріи, тщательно выводя чернильные крючки по бѣлой бумагѣ, «перебѣляя» разные отношенія и предложенія и со страхомъ и трепетомъ подавая ихъ для подписи лица начальствующаго. Лицо это всегда сухо, апатично и на немъ постоянно рисуется недовольство и утомленіе. Начальство улыбается въ годъ разъ, передъ праздничными наградами, за то хмурится ежеминутно, встрѣчая не надлежаще проставленную запятую, заставляя переписывать бумагу, если въ ней негдѣ расчеркнуться такъ, чтобы изъ росчерка образовалось нѣчто весьма похожее на контуръ мыши съ большимъ зигзагообразнымъ хвостомъ. Къ такому начальству, конечно, не подойдешь запросто, не скажешь ему, что теперь, молъ, лѣто, хочется погулять, подышать запахомъ цвѣтущей черемухи, провести нѣсколько дней беззаботно, спокойно. У начальства такого характера всегда прежде всего на умѣ дѣло, прежде всего долгъ службы и—послѣ всего—все остальное, начиная съ кислыхъ щей за обѣдомъ и кончая нравоученіемъ супругѣ, которая должна хоть влѣзать въ кадочки съ капустой, но имѣть оную всегда въ лучшемъ видѣ...

Молодой человѣкъ не мечталъ о томъ, о чемъ мечтали нѣкоторые изъ его сослуживцевъ. Они на перебой другъ передъ другомъ старались побольше „должить“, переписать, старались, подходя къ начальству, ловить его высоко благородную улыбку, низко склоняться и хихикая закрывать ротъ рукою, въ тоже время успѣвая сказать про товарища, что онъ „вѣчно чепуху пишетъ... вмѣсто полиціи въ консисторію и обратно засылаетъ бумаги“...

— И каждый день одно и тоже, и всѣ дни похожи до приторности одинъ на другой...

Это сознаніе, на лонѣ ликующей природы, еще сильнѣе терзало душу молодого, размечтавшагося чиновника.

— И неужели такъ будетъ вѣчно, съ 20 по 20, до самой смерти?...

Нѣтъ!.. Тревожное, удручающее предположеніе не оправдалось. Кромѣ заботъ о службѣ, о доброкачественной капустѣ и просторныхъ сапогахъ, чтобы не болѣли мозоли, переживающія третью земскую давность, начальство вглядывалось въ подчиненныхъ и хорошо ихъ знало. Начальство поощряло низкопоклонныхъ льстецовъ, но знало имъ цѣну, знало, на что они способны; начальство требовало почтенія, низкихъ поклоновъ и сниманія шапки предъ собою во время встрѣчъ на улицѣ,—но въ тоже время не любило сильно усердствующихъ въ этомъ направленіи;

начальству были любезны благонравные, тихіе молодые люди и притомъ именно такіе, которые не выдумывали-бы пороку, а дѣлали-бы то, что имъ указано и приказано...

Къ числу сихъ послѣднихъ начальство причислило и молодого человѣка, не смотря на его ранній возрастъ и нѣкоторую неопытность.

Представилось мѣстечко,—небольшое, но сразу большого никому дать нельзя. Начальство устроило молодого человѣка какимъ-то помощникомъ начальника какого-то мрачнаго казеннаго учрежденія. Предъ новичкомъ-помощникомъ каждый день мелькали грубыя, озлобленныя фізіономіи, но среди нихъ встрѣчались и добрыя, унылыя, словно застывшія въ тоскѣ и ожиданіяхъ, человѣческія лица. Юный чиновникъ съ искренней любовью смотрѣлъ на послѣднихъ; онъ понималъ, что имъ невыносимы, тѣсны эти каменные стѣны, эти желѣзныя рѣшотки, что ихъ мысли живутъ на свободѣ и, вѣроятно, погибнуть тамъ не сбывшись, погибнуть въ тотъ моментъ, когда этимъ несчастнымъ людямъ смерть навѣки смежить изсохшія отъ слезъ очи. Другихъ подначальныхъ жителей казеннаго учрежденія молодой чиновникъ видѣлъ рѣдко, видѣлъ тогда, когда они чего-либо требовали, чего-нибудь просили или какъ-нибудь угрожали начальству. И къ симпатичнымъ, и къ несимпатичнымъ подчиненнымъ, однако, слѣдовало относиться одинаково строго и онъ придерживался этого,—онъ былъ строгъ въ тѣ минуты, когда его душа жаждала кого-нибудь приласкать, пожалѣть и сама ждала себѣ того-же...

А въ это время, за стѣнами душнаго, сырого, полутемнаго каземата ключемъ была жизнь. —расцвѣтала природа, пѣли птицы, пестрѣли цвѣты, по зарямъ носились легкія дымныя тучки, воздухъ опьянялъ ароматомъ черемухи.

Ларинъ, такі. звали молодого чиновника, благодаря, „казенному мѣсту“ и сопряженнымъ съ нимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, теперь имѣлъ уже возможность внимательно вглядываться въ жизнь, болѣе привязался къ ней и не считалъ ее совсемъ мрачной, созданной вовсе не для него... Онъ быстро почувствовалъ, что именно теперь міръ улыбается только ему... Пара сѣрыхъ, сверкающихъ глазъ, спрятанныхъ въ длинныя темныя рѣсницы, вздернутый носикъ, цѣлая шапка въ мелкія кольца завитыхъ волосъ и весь задорный, полунасмѣшливый видъ маленькой дѣвушки еще болѣе приковалъ его къ жизни. Ларинъ не задумывался надъ этимъ вопросомъ, ему было нѣкогда думать, да и не привыкъ онъ къ этому. Онъ жилъ встрѣчами съ нею, онъ одну только ее хотѣлъ видѣть, она одна въ тихія минуты ночи рисовалась въ его воспаленномъ мозгу, во время дежурствъ по каземату. Ее онъ звалъ во снѣ, ее одну любилъ; за нее готовъ былъ отдать всю свою жизнь и, словно

сомнѣваясь, что онъ такъ крѣпко любить эту дѣвушку, судьба нашла случай испытать молодого человѣка...

Въ компаніи однажды много пили, много сказано было веселыхъ рѣчей, пропѣто бурныхъ, захватывающихъ сердце пѣсенъ.

— А она, всетаки, коварная дѣвчонка! сказалъ влюбленному Ларину его товарищъ послѣ того, какъ услышалъ его первое, робкое признаніе...

— Какъ?

Въ головѣ влюбленнаго все, какъ будто, помутилось. Какъ, она его идеаль, его желанная, она коварная дѣвчонка, онъ—этотъ товарищъ—испыталь это, знаетъ... Не можетъ быть? Это дерзко, нагло...

Ларинъ не сознавалъ, что онъ дѣлаетъ, но сознавалъ, что онъ долженъ дѣлать именно такъ, а не иначе, онъ долженъ вступить за честь дѣвушки, долженъ наказать оскорбителя, убить его...

И въ комнатѣ раздался выстрѣлъ...

Что было потомъ?...

Потомъ начался слѣдующій, совсѣмъ неинтересный, безсодержательный актъ въ жизни влюбленнаго. Его „устранили“, допрашивали, ему было скверно, очень скверно, но.... потомъ все какъ-то снова уладилось и забываться стало... Начальство Ларина имѣло совсѣмъ либеральные взгляды и придерживалось ихъ во всѣхъ случаяхъ, тогда эти взгляды не тревожили ни прошлаго, ни будущаго самого начальства. Выстрѣлъ въ оскорбителя начальство признало „взрывомъ молодого негодованія“, которое испыталь и самъ начальникъ когда-то, „когда легковѣренъ и молодъ онъ былъ“... Инцидентъ былъ пропущенъ сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что выстрѣлъ Ларина былъ неудаченъ и результатомъ его была пустяковая царапина на рукѣ того, въ кого онъ былъ направленъ. Начальство снисшло, оно не могло, по убѣжденію, губить человѣка за молодой порывъ, за минуту увлеченія, что было-бы не гуманно, не современно—и начальство простило Ларина ..

Молодой человѣкъ, однако, былъ очень грустенъ, онъ, видимо, страдалъ и сокрушался, но все же нашелъ успокоеніе въ томъ, что далъ себѣ клятву никогда не доходить до состоянія такъ называемаго „аффекта“. Не хорошо это, грубо, унижаетъ человѣческое достоинство. Ларинъ былъ опять тихъ и скромнень, какъ ягненокъ, и серьезно думаль о томъ, какъ-бы поскорѣе пополнить нѣкоторыя казенныя позаимствованія, безъ которыхъ онъ, живя въ казематѣ, обойтись не могъ...

Молодому чиновнику вскорѣ снова „повезло“. Его скромность и трудолюбіе быстро замѣтили (начальство вѣдь всегда блистаетъ дальновидностью), отнесли къ тому, что „мальчикъ“ совсѣмъ

исправился и будетъ, конечно, умницей и ему опять дали полу-главенство надъ какимъ-то казематомъ съ зачахлыми, больными человѣческими существами...

Вновь потекла сносная жизнь, угрызенія совѣсти о поступкахъ недавняго прошлаго сглаживались, вновь наступала чаровница весна, цвѣла черемуха, по небу носились легкія дымныя тучки и на дежурствахъ въ казематѣ предъ „мальчикомъ“, какъ чудное видѣнье, являлся образъ дивной красоты,—съ такими-же милыми чертами лица, но, увы, слегка поблекшими, съ такими-же порывистыми движеніями души ко всему прекрасному, ко всему далекому, но, увы, не съ такими-же безкорыстными, чистыми, какими были порывы первой любви... Новая пассія требовала денегъ и онъ ихъ ей отдалъ. Онъ отдалъ ей чужія, казенныя деньги, отдалъ въ минуту страстной вспышки, въ минуту опьяненія ея ласками, въ такую минуту, когда никто не владѣетъ собой.

Это было въ весеннюю лунную ночь, когда, казалось, все окружающее раздѣляло его молодое счастье. Ларинъ жилъ, онъ любилъ и былъ любимъ, другихъ думъ у него не было и онъ не звалъ ихъ къ себѣ...

— Но что-же это такое случилось? спросилъ въ наступившее какъ-то сразу сѣрое утро молодой человѣкъ, подходя къ окну и усталой грудью вдыхая струю влажнаго, холоднаго воздуха, въ которомъ уже не было опьяняющаго аромата расцвѣтшей черемухи.

Ларинъ вдругъ понялъ, случайно, на одинъ моментъ лишь давая волю сознанію и разсудку, понялъ, что онъ стоитъ на краю пропасти...

Ее, той женщины, которая ласкала его и опьяняла своей красотой, съ нимъ не было въ это тоскливое пасмурное утро. Она ушла, ушла къ другому, ушла, вѣроятно, навсегда. У Ларина нѣтъ того, что только и нужно этой женщинѣ, у него нѣтъ денегъ и взять ихъ негдѣ, казенный сундукъ опустѣлъ...

Ларинъ чувствовалъ сильное головокруженіе. Ему казалось, что мрачный казематъ со всѣми его обитателями плыветъ куда-то, сѣрая мгла ложится кругомъ, давитъ грудь, а онъ остается опять одинъ, съ щемящей болью въ груди, съ ужасной перспективой людского суда, позора, нищеты и страданій...

Что ждетъ его завтра?

Позоръ,—а можетъ быть простятъ, какъ простили тогда... Позора онъ не снесетъ; всѣ думали и прежде всѣхъ онъ самъ думалъ о себѣ, какъ о человѣкѣ хотя и увлекающемся, но безусловно честномъ. Вѣдь и эти деньги онъ постепенно внесетъ. Начальство еще разъ выслушаетъ его, войдетъ въ его положеніе и проститъ. Проститъ для того, чтобы заставить писать

отношенія и предложенія, чтобы лишить воздуха, тепла и свѣта, чтобы сдѣлать изъ него автомата, вродѣ этого „нѣмого“ переписчика, который можетъ написать докладъ о ссылкѣ самого себя въ каторжныя работы и уразумѣть свою ошибку только тогда, когда канцелярія огласится неистовымъ смѣхомъ товарищей и сослуживцевъ... Или ждать старости когда похолодѣетъ кровь, когда всѣ думы и заботы сведутся къ тому, чтобы имѣть по случаю мозолей просторную обувь и не питаться гнилой капустой,—нѣтъ! не стоитъ!.. Или дождаться что онять дадутъ казематъ подъ опеку, дождаться возможности растраты... Но хватитъ-ли силъ дождаться всего этого, когда чувствуешь, что вся кровь прилила къ сердцу, что въ груди такъ и жжетъ что-то, что сердце мучительно больно замерло въ какомъ-то напряженно тревожномъ ожиданіи... Нѣтъ! Въ такія минуты не ждутъ, не могутъ люди ждать, не ищутъ разумнаго отвѣта, а если и ищутъ, то не находятъ его...

И Ларинъ не нашелъ этого разумнаго, холоднаго, разсудительнаго отвѣта, онъ рѣшилъ роковой вопросъ „быть или не быть“ такъ, какъ подсказало ему его измученное наболѣвшее сердце...

Второй разъ въ жизни, подъ вліяніемъ „аффекта“, Ларинъ выстрѣлилъ уже въ самого себя и не промахнулся: пуля не оцарапала сердце, она пробила его насквозь и молодая начинающаяся жизнь разбилась со всѣми ея преступными и чистыми побужденіями...

Вчера его хоронили, хоронили, какъ говорится, съ помпою. Были вѣнки отъ „товарищей—сослуживцевъ“, отъ какой-то неизвѣстной „прощальная слеза“ и отъ старой, никому неизвѣстной тетки Ларина.

Вокругъ могилы собралась толпа провожатыхъ и задумчиво смотрѣла въ глубокую яму, прислушиваясь, какъ рыхлая земля съ шумомъ падала и закрывала парчевую крышку гроба. На всѣхъ лицахъ виднѣлось чувство недоумѣнія и мнѣ казалось, что эта толпа „и ума не приложитъ—отчего онъ такъ скоро сгорѣлъ!“...

Л. К.

Святые по неволѣ.

(Изъ разсказовъ у сельскаго учителя).

— Удивленъ, пораженъ, неудомѣваешь, не ожидалъ моего визита? Ты думалъ, что наша ссора изъ за школы сдѣлала меня твоимъ непримиримымъ врагомъ? Не удивляйся и паче того не думай, что я измѣнилъ свой взглядъ и явился къ тебѣ съ раскаяніемъ и поклоненіемъ. Нѣтъ, братъ! Я попрежнему думаю, что современное обученіе въ школахъ, какъ и преподаваніе словесности въ казармахъ, пользы не принесетъ. Все равно, учать-ли въ нихъ просвѣщенные учителя, или отставные солдаты и малограмотныя епархіалки, ни знаній, ни умѣнья пріобрѣсти ихъ, никто изъ этихъ школъ не вынесетъ. Ты, братъ, мыслящій человѣкъ, ну и поразмысли: чѣмъ твоя программа обученія отличается отъ программы преподаванія словесности въ казармахъ? Въ той и другой все сводится къ самому существенному: повинуйся и покоряйся, слушайся и подчиняйся, не противься злу и исполняй приказанія, знай словесность на зубокъ и не думай, что къ чему и для чего, а за всѣмъ тѣмъ молися Богу. Я-бы тебѣ наговорилъ еще десятка два синонимовъ изъ твоей школьной программы, но всѣ они сводятся къ одному: знай то, чему тебя учать, а для чего,—не твое дѣло. Пониманія ни отъ учителя, ни отъ ученика не требуется. Не требуется и вопросовъ: почему, отчего и зачѣмъ. Эти вопросы доказываютъ стремленіе къ мышленію, а его-то твоя программа и искореняетъ. Я, помню, самъ привелъ въ бѣшенство своего учителя подобными вопросами. Послѣ оказалось, что онъ и самъ не думалъ надъ тѣмъ, чему меня училъ и не зналъ, для чего самъ учился. По размышленіи выяснилось, что онъ учился для отвращенія къ ученію, и для развитія этого качества въ дѣтяхъ за скромное вознагражденіе. Ты, я знаю, рассчитываешь на Корфа и Ушинскаго, на новое предметное обученіе: они де развиваютъ мысль и самосознаніе. Погоди, дай срокъ, и это у тебя отнимутъ!... Что ты на меня уставился? Думаешь,—съ ума сошелъ? Не сообразишь, какъ это учитель можетъ такъ кощунствовать противъ школы? Это и неудивительно: насъ не учили соображать. Тебѣ что! Бабушки и мамушки твоихъ учениковъ тебѣ не мѣшаютъ, а замѣстители ихъ по своей лѣни рѣдко надоѣдаютъ. Ты можешь невѣдомо выработать двухъ, трехъ мыслящихъ учениковъ. У тебя есть книги, есть съ кѣмъ побесѣдовать и гдѣ поучиться. Какъ же тебѣ при такомъ комфортѣ понять мою злость и презрѣніе къ учительству! Ты представь! Милая бабушка и нѣжная матушка глупы, какъ пробки, невѣжественны, какъ тьма, и при всемъ томъ убѣждены, что

онѣ вмѣстѣ съ состояніемъ получали и умъ и знаніе. Мнять себя образованными, просвѣщенными, корчатъ аристократокъ, и не знаютъ—что значить быть образованнымъ и просвѣщеннымъ, аристократизмъ же понимаютъ, какъ индѣйскій пѣтухъ: распустилъ хвостъ, сдѣлать надутую рожу, пробормотать по-французски—вотъ и аристократъ. Вотъ эти-то малеванья куклы и преслѣдуютъ меня въ классной комнатѣ, какъ овода рабочую лошадь на пахотѣ. Сначала одна мило впустила въ душу хоботокъ, затѣмъ, другая нѣжно пробуравитъ ее, и обѣ сосутъ и сосутъ мою несчастную душу. Лошадь, облѣпленная оводами, счастливѣе меня: она можетъ упасть, повалиться и передавить своихъ кровопійцъ, а я что сдѣлаю? Скажи! Что я сдѣлаю, когда эта кукла на пытливый вопросъ учениковъ отвѣчаетъ за меня: такъ Богъ далъ, такъ принято, такъ батюшка говоритъ, такъ слѣдуетъ, такъ нельзя и т. п. Зло разберетъ, вспылишь, уйдешь изъ классной, а потомъ вспомнишь слова Гусса „святая глупость“! плюнешь и опять терпишь. Нѣтъ! Я не дѣлатель святыхъ: ихъ и безъ моего участія натворять, сколько угодно. Смотри, сколько ихъ кругомъ! Милліоны!... Шабашъ! Убѣгу въ сторожа на желѣзную дорогу, а своихъ силъ на это не положу, не стоитъ. Что я получаю за свой нелегкій трудъ? Горничная и та больше! На желѣзной дорогѣ мнѣ дадутъ будку и денегъ на хлѣбъ. Пухже буду ѣсть, поменьше спать! Ну, чтожъ? Зато буду спокойнѣе и крѣпче спать, а тутъ—я сонъ совсѣмъ потерялъ. Съ голоду не умру, а спокойствіе найду и отъ сумашествія избавлюсь. Да!—

Всю эту тираду возбужденно проговорилъ молодой человѣкъ, ворвавшійся въ квартиру сельскаго учителя Александра Ивановича Розова. Въ своемъ возбужденіи онъ и еще бы говорилъ, но, очевидно, Розовъ усталъ слушать и прервалъ его монологъ.

— Погоди уходить въ сторожа-то, успѣешь, сказалъ онъ.— Садись и скажи, что тебѣ поpritчилось?

Молодой человѣкъ этотъ былъ домашнимъ учителемъ у сосѣдней помѣщицы. Звали его Василій Петровичъ Свѣтловъ.

Послѣ приглашенія Розова, онъ какъ-бы опомнился и сѣлъ, но съ хозяиномъ забылъ поздороваться.

— Нѣтъ, братъ, не то, сказаъ онъ. Жизнь и мысль меня гнетутъ. Холодъ, тоска, нужда и бездѣлье изводятъ въ конецъ!.. Пришелъ на тебя посмотришь и облегчить свою душу твоимъ уравновѣшеннымъ взглядомъ. А! У тебя гость? Что же ты не представишь меня?

Онъ всталъ. Розовъ представилъ его поднявшемуся съ своего мѣста приличному старику лѣтъ семидесяти.

— Василій Петровичъ Свѣтловъ!—домашній учитель помѣщицы Тепловой. Сергѣй Павловичъ Зуровъ!—бывшій управляющій

поэта Хомякова, въ нѣкоторомъ родѣ историческая личность. — Представилъ ихъ другъ другу Розовъ. —

— Здравствуйте! сказалъ Свѣтловъ.

— Очень пріятно познакомиться, Василій Петровичъ! отвѣтилъ Зуровъ — Странно, что я впервой встрѣчаю васъ у Александра Ивановича, а мы съ нимъ давно знакомы.

— Трудно было и встрѣтиться. Я больше года у него не бывалъ: поссорились мы. Впрочемъ, злобы у меня къ нему не было, а не приходилъ я скорѣе изъ боязни унизиться. Но, видно, прелести моей жизни сильнѣе гордости и, вотъ, я первый пришелъ.

— Видно, ты плохо усвоилъ семинарскую науку и не знаешь, что гордость одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, сказалъ Розовъ. — Иначе ты не замедлилъ-бы повидаться съ своимъ товарищемъ. Я-бы и самъ давно у тебя побывалъ, да боялся стѣснить твоихъ аристократокъ своимъ плебейскимъ присутствіемъ.

— Не думаю. Онѣ сами были-бы довольны твоимъ визитомъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ я наслаждаюсь сейчасъ твоимъ лицезрѣніемъ, замѣтилъ Свѣтловъ. Я собственно не собирался придти къ тебѣ сегодня, а пришелъ. Ты представь себѣ: Выхожу я изъ своего чулана на дворъ, вижу кругомъ разрушеніе: заборы, изгороди и разныя надворныя постройки развалились и перемѣшались. Все бѣлоснѣжное поле было устлано этими развалинами, какъ черными костями, а среди этихъ костей стоитъ черный домъ, какъ мертвая богатырская голова. Вышелъ я за ворота, вижу — хаты чернѣютъ, ни звука кругомъ. Представилось мнѣ, что это не деревня, не труженники живутъ въ ней, а какіе-то кающіеся грѣшники въ своихъ пещерахъ и духъ сокрушенія носится надъ ними, надрывая сердце и угнетая умъ. Такъ мнѣ сдѣлалось невыносимо тоскливо и больно, что я прямо пошелъ къ тебѣ. Тутъ я и церковь, и школу, и десятокъ домовъ увижу, на улицѣ людей проходящихъ и проѣзжающихъ посмотрю, а наша деревня — это настоящее заброшенное кладбище, на которомъ и кресты всѣ повалились. Все мертво, мрачно и пусто, даже дымкомъ не потягивается. Жутко!

— Однако, молодой человѣкъ, я нахожу, что вы скверно себя ведете, заявилъ Зуровъ. Вы много думаете, а это опасно для здоровья и вредно для жизни. Надо перестать думать, а не можете — женитесь и поступите учителемъ въ сельскую школу, или въ волостные писаря. Жена, а за ней дѣти перемѣнятъ весь ходъ вашей жизни: при нихъ некогда будетъ думать о чемъ бы то ни было, кромѣ ихъ интересовъ... А вотъ и невѣста къ намъ пожаловала.

Въ это время вошла Марья Николаевна Миловидова, дочь мѣстнаго священника. Розовъ ее почтительно встрѣтилъ, по-

здоровался и представилъ Свѣтлову, а съ Зуровымъ она сама поздоровалась и спросила его:

— Вы кому это, Сергѣй Павловичъ, прочите меня въ не-
вѣсты?

— А вотъ Василю Петровичу, милая барышня! отвѣтилъ
Зуровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! запротестовалъ Розовъ. Избави Богъ! Онъ
ненавидитъ епархіалокъ и сравниваетъ ихъ съ отставными сол-
датами, а училище, въ которомъ онѣ учатся, съ солдатскими
казармами.

— Ну, несовсѣмъ такъ, а близко къ этому, отозвался Свѣт-
ловъ. Съ кѣмъ-же ихъ сравнивать, когда онѣ, при пятеркахъ
по географіи, не знаютъ, что къ югу отъ Москвы теплѣе, чѣмъ
къ сѣверу.

— За что-же такая немилость? спросила Миловидова. Правда,
епархіалки мало образованы и развиты, но онѣ могутъ заняться
саморазвитіемъ и получить дальнѣйше образованіе. Вотъ я, на-
примѣръ, готовлюсь на медицинскіе курсы, другая на педагоги-
ческіе, третья на фельдшерскіе и т. д. Всѣ могутъ быть обра-
зованы и полезны обществу.

— „О мечты, мечты! гдѣ ваша сладость!“ меланхолически
воскликнулъ Свѣтловъ. Видно, барышня, что папаша скопилъ
вамъ малую толику на образованіе: оттого вы такъ и разсуж-
даете. Все это можно при готовыхъ средствахъ. Но горе тѣмъ
бѣднымъ, которыя заберутъ себѣ въ голову такую блажь! Въ
самомъ лучшемъ исходѣ почти всѣмъ имъ грозитъ самоубійство: одна
отравится, другая застрѣлится, третья съ голоду умретъ, четвертая
отъ чахотки погибнетъ, а пятая съ отчаянія замужъ выйдетъ. Пос-
лѣдней хуже всѣхъ: похоронитъ она всякія умственные стремленія,
будетъ „работать, нянчить и“ страдать, и „отцвѣтетъ, не успѣвши
расцвѣсть“, а когда умирать будетъ жизни спасибо не скажетъ.
А то еще и хуже бываетъ... Но оставимъ эту печальную тему
и вернемся къ интересному предложенію Сергѣя Павловича же-
нить меня съ спасительною и полезною цѣлью. Ты какого мнѣ-
нія, Александръ Ивановичъ, объ этой панацее?—обратился
Свѣтловъ къ Розову.

Миловидова сочла для себя неудобнымъ участвовать въ раз-
сужденіяхъ о женитьбѣ и простилась съ компаніей, оставивъ
Розову свои упражненія по латинскому языку. Розовъ прово-
дилъ ее и послѣ нѣсколькихъ минутъ разсѣянности отвѣтилъ
Свѣтлову.

— Что ты меня спрашиваешь? Развѣ забылъ, чему насъ съ
тобою учили и какое мнѣніе внушали о женитьбѣ? „Могый вмѣс-
тити да вмѣстити“.

— То есть могущій жениться, пусть женится! объяснилъ Свѣтловъ. На это, братъ, всякая скотина способна, а первѣе человекъ. Онъ сколько ни пишетъ на этотъ счетъ себѣ законовъ, а все беззаконничаетъ.

— Не прикидывайся дуракомъ и не угрожай своей мизантропіей! воскликнулъ Розовъ. Ты отлично знаешь, что приведенныя мною слова имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ. Зачѣмъ же ты юродствуешь?

— Знаю, братъ, знаю, а, все-таки, смысла то этого я и не понимаю, сказалъ Свѣтловъ.

Зуровъ, чувствуя, что разговоръ угрожаетъ новой ссорой пріятелей, обратился къ Свѣтлову. Миротлюбивый Розовъ успокоился и охладѣлъ.

— Чтоже тутъ непонятнаго? сказалъ Зуровъ.—Если можешь дѣвственникомъ прожить—живи, а не можешь—женись; но только не потурецки и не по древнему закону.—Одну женщину возьми и никакой другой: ни Рахили, ни Агари, ни, тѣмъ болѣе, блудницы. Эта роскошь доступна только Соломону, да султану. Вижу зря васъ учили въ семинаріи, когда и этихъ пустяковъ путемъ не растолковали.—Не утерпѣлъ не уколоть старикъ Зуровъ.

— Въ послѣднемъ я вполне съ вами согласенъ, Сергѣй Павловичъ, но перваго никакъ не могу усвоить, не смотря на ваше любезное и образное толкованіе, сѣзавилъ Свѣтловъ. Гдѣ вы найдете такого человека, который бы въ здоровомъ состояніи былъ свободенъ отъ этого деспотически властнаго инстинкта жизни?—продолжалъ онъ.—Если говорятъ о такихъ людяхъ, то я не въ состояніи вѣрить; Если такіе люди не женились явно, то были женаты тайно, если не реально, то мысленно, или ненормально.

— Ну, это ложь! вскричали Зуровъ съ Розовымъ.

— Я самъ зналъ такого человека! крикнулъ Розовъ.

— И я былъ близко знакомъ съ такимъ! подхватилъ Зуровъ.

— Расскажите, господа, о нихъ! сказалъ Свѣтловъ.—Я буду очень радъ воспріятію такихъ поучительныхъ примѣровъ. Можетъ быть, я и поумнѣю. До сихъ поръ я не могъ представить себѣ такихъ людей даже въ возможности. Если-бы они были возможны, то какъ бы могли появиться разныя изувѣрскія секты, въ родѣ скопцовъ, напимѣръ; для чего бы тогда нужны были монастыри, пустыни, подвиги и т. п. искусственныя мѣры.

— Слушай, Оома невѣрный! воззвалъ къ Свѣтлову Зуровъ.

Въ это время подали самоваръ. Розовъ занялся приготовленіемъ чая, а Зуровъ началъ свое повѣствованіе.

— Я, господа, выросъ на барскомъ дворѣ, а моей школой была контора, гдѣ меня научили читать, писать и считать конторщики.

— Самое это лучшее дѣло!—не вытерпѣлъ не замѣтить Свѣтловъ. —Особенно, если это примитивное обученіе одобрилъ поэтъ Хомяковъ. Извините, что я васъ прервалъ!

— Нужно не прерывать, а не извиняться, сказалъ Зуровъ и продолжалъ.

— Кто былъ мой отецъ я и теперь не знаю. Всѣ называли меня экономкинымъ сыномъ, но я и въ этомъ сомнѣвался. Какъ помню, маминымъ вниманіемъ я не пользовался. Изрѣдка, мимоходомъ, бывало, она бросить мнѣ вопросъ: «ну что, свинухъ, учишься?» И прибавить: „учись, учись!“ Въ конторѣ все же лучше, чѣмъ за сохой. Другого отношенія ко мнѣ я отъ нея не помню. Выросъ я среди дворовыхъ мальчишенъ, но не такъ работалъ, какъ эти мои сверстники. Одинъ изъ нихъ, Васька, особенно памятенъ мнѣ съ дѣтства. Узналъ я потомъ и всю его жизнь до самой смерти. Умеръ онъ въ прошломъ году и, навѣрно, теперь блаженствуетъ въ раю. Вся жизнь его была сплошная святость.

Вотъ объ этой то жизни, раба божія Василія я и расскажу вамъ, господа! Нужно бы жизнь его обрисовать на манеръ житія, да я въ семинаріи не учился и не сумѣю этого сдѣлать. Буду рассказывать попросту.

Былъ у насъ на дворѣ кучеръ. Звали его Сидоромъ. Роста онъ былъ высокаго, широкоплечій, сильный, съ густыми, кудрявыми волосами на большой головѣ. Видъ его былъ внушительный и пріятный. Однимъ словомъ, барскій кучеръ.

Всѣ дворовые относились къ Сидору съ невольной сдержанностью и серьезностью.

Самъ онъ никогда не смѣялся и ни съ кѣмъ не шутилъ. Не смотря на свое вдовство и мягкость нрава, онъ никогда не заигрывалъ съ женщинами. Единственнымъ проявленіемъ его нѣжности была ласка въ свободную минуту къ своимъ дѣтямъ. Какъ ни старался баринъ женить его, ничего не вышло. Онъ не хотѣлъ обзаводиться мачихой для своихъ дѣтей, которыхъ очень любилъ и нерѣдко надъ ними плакалъ. Дѣтей у него было двое: сынъ Василій и дочь Агафья. Пристроилъ онъ ихъ при скотномъ дворѣ, поближе къ молоку. Скотница была женщина немолодая, сердечная, относилась къ ребятамъ ласково и присматривала за ними. За это Сидоръ платилъ ей подарками, привозимыми изъ Москвы, гдѣ ему перепадали деньжонки отъ чужихъ господъ и чиновниковъ, за развозку ихъ по домамъ съ барскаго вечера. Никогда онъ не пьянствовалъ. Вся его трата была на одежду дѣтей и себѣ на рубаху и сапоги. Верхнее платье было господское. При такомъ положеніи, кажется, можно-бы жить и не унывать, но Сидора все что-то томило. Была-ли то грусть по покойной женѣ или предчувствіе бѣды, которая надъ

нимъ стряслась, когда его сыну было семь, а дочери пять лѣтъ.

Управляющій у насъ былъ строгій и жестокій человѣкъ. Избави Богъ, не исполнить сразу его приказа,—запорить.

Такъ и случилось съ Сидоромъ.

Передъ Святой управляющій получилъ отъ барина изъ Москвы приказъ выслать ему лошадей для переѣзда на лѣто въ отчину. Въ самую Великую Субботу управляющій наказалъ Сидору ѣхать въ Москву на тарантасѣ четверней, а другимъ двумъ рабочимъ на телѣгахъ поодиначкѣ гнать десять подводъ. Рабочіе тотчасъ-же собрались и уѣхали, а Сидоръ остался. Человѣкъ онъ былъ богобоязненный и страшился ѣхать подъ Великій день Свѣтлаго Христова Воскресенья. Онъ хумалъ: схожу завтра къ заутренѣ, отстою обѣдню и уѣду. Четверней-то я ихъ живо догоню и въ Москву во время пріѣду. Такъ и сдѣлалъ.

На Свѣтлый День, послѣ обѣдни, Сидоръ запрягъ четверню въ тарантасъ и только хотѣлъ ѣхать, а тутъ нелегкая и нанеси управляющаго.

— Какъ! закричалъ онъ. Ты не уѣхалъ! Ты смѣешь не слушаться меня!

И пошелъ поносить и ругать Сидора всячески, не даетъ ему даже слова выговорить.

Сидоръ слѣзъ съ тарантаса и упалъ ему въ ноги, но управляющій оттолкнулъ его сапогомъ и разбилъ лицо въ кровь.

— На конюшню эту скотину! приказалъ онъ дворовымъ. Всыпать ему сколько влезетъ! Ѳедька! Отдери его, а самъ поѣзжай въ Москву, да смотри—во время поспѣвай!

Дворовый Ѳедька давно мѣтилъ въ первые кучера, съ баринѣмъ ѣздить, а пока онъ былъ вторымъ кучеромъ и ѣздилъ съ кѣмъ попало.

Чужая душа потемки. Быть можетъ, этотъ Ѳедька съ умысломъ тутъ подвернулся и обрадовался, когда ему приказали драть Сидора.

Съ болью и горечью въ сердцѣ, но безъ страха Сидоръ пошелъ на конюшню. Что тамъ было, я не знаю: Сидоръ во время порки не кричалъ. Сказывали, что онъ подъ конецъ сказалъ: „Дѣточки мои милыя, сиротки горкія! Спаси васъ Богъ“.

Послѣ порки его замертво отнесли въ людскую, а черезъ три дня онъ благословилъ дѣтей, попросилъ скотницу пожалѣть ихъ и Богу душу отдать.

Вся дворня послѣ того отъ Ѳедьки, какъ отъ чумы, сторонилась. Была-же, значить, жалость и у дворни: никакое битье ее не выколотило.

— А вы, Василій Петровичъ, говорите, что въ школѣ душу опустошаетъ ученье, а вотъ, видите, души-то человѣческой не уничтожаетъ и сѣченье. Вѣдь, душа-то безсмертная. Ее не изведешь, какъ ни старайся: все напрасно будетъ.

— Виновать! Малость преувеличилъ, сознался Свѣтловъ. И въ школѣ сохраняютъ свою душу оголтѣлые камчадалы. Оттого они, когда примутся за самостоятельную работу, и бываютъ людьми трудолюбивыми и мыслящими, которыхъ, какъ говоритъ статистика, приходится одинъ на миллионъ. Когда нѣкоторые изъ нашей семинаріи задумали идти въ университетъ и стали самостоятельно готовиться къ коллеквіумъ, то въ ужасъ пришли отъ своего невѣжества. Оказалось, что, проучившись десять лѣтъ, имъ пришлось по математикѣ начать съ ариѳметическаго сложенія, по латинскому языку—съ склоненія. Чѣмъ же школа занималась, какъ не устраненіемъ понятій о наукахъ и жизни. Развѣ это не опустошеніе души?

— Замолчи ты съ своими нападками на школу! сказалъ Розовъ. —Продолжайте, Сергѣй Павловичъ!

— Извините, господа за мое предыдущее отступленіе отъ сути разсказа, сказалъ Зуровъ: Но, вѣдь, такъ принято: когда говорятъ о замѣчательномъ человѣкѣ, то вскользь касаются и его родителей. А сынъ Сидора Василій, по моему мнѣнію, дѣйствительно былъ замѣчателенъ.

Когда умеръ отецъ, маленькій Вася весь день горько плакалъ навзрыдъ, пока не свалился и не заснулъ. Да и послѣ его маленькое, нѣжное сердечко на части разрывалось отъ горя. Бывало, возметъ онъ на колѣни свою сестренку и проливаетъ надъ ней неутѣшныя слезы. А та, несмысленокъ, обнимаетъ его, цѣлуетъ и умаливаетъ не плакать. Картина жалостливая! Такія крошки и такъ нѣжно чувствуютъ! Было бы недурно воспринять это добро отъ нихъ и взрослымъ.

Но предаваться своему горю Васѣ недолго пришлось. Неусыпный глазъ бурмистра скоро его примѣтилъ, и, чтобы онъ даромъ не ѣлъ барскаго хлѣба, назначилъ его въ подпаски скотнику, а прежняго подростка опредѣлилъ въ шорную для учебы.

Сталъ Вася вставать лѣтомъ со свѣтомъ и бѣгать по полю за страшными, рогатыми коровами. Исколить, бывало, о жневе свои босыя ноженки, кровь идетъ, а онъ все бѣгаетъ, скотника боится. Разъ какъ-то оглашенная корова вздумала въ жару удрать домой. Вася и скотникъ пустились ее перенимать. „Бѣги, Васька, бѣги!“ кричитъ скотникъ. А самъ, чтобы онъ быстрѣе бѣжалъ, пустилъ ему въ догонку свой длинный кнутъ и такъ стегнулъ Васю, что бѣдный ребенокъ свалился съ ногъ. Послѣ долго не заживалъ разсѣченный рубецъ на его тѣльцѣ.

Такъ все лѣто, до поздней осени, будни и праздникъ, съ ранняго утра до темной ночи маленькій Вася бѣгалъ по полю и стерегъ коровъ. Бывало, ждетъ не дождется короткой ночи, чтобы заснуть и забыть свою каторжную жизнь.

— Въ родѣ нашихъ школьниковъ, которые ждутъ не дож-дутся каникулъ и съ полтрети считаютъ, сколько секундъ и терцій осталось томиться въ школѣ. Видно имъ также сладко учиться, какъ бѣдному Васѣ коровъ пасти.—Не утерпѣлъ не вставить Свѣтловъ своей черточки.

— Зимою, продолжалъ Зуровъ, Вася вставалъ съ пѣтухами и ѣхалъ съ скотникомъ въ стога и ометы навивать сѣно, или солому и отвозить на скотный дворъ коровамъ. Днемъ онъ поилъ и кормилъ ихъ ненасытныхъ, таскалъ молоко и воду, словомъ, исполнялъ всѣ приказанія, кто-бы ихъ ни давалъ. Только поздно вечеромъ, когда всѣ работы прекращались, онъ видѣлся съ своей сестренкой, которая въ скотной избѣ тоже безъ дѣла не сидѣла: ей поручалось мыть ложки и чашки, благо онѣ деревянные и малютка ихъ разбить не могла.

Но и такая безпросвѣтная и трудовая жизнь не обошлась для Васи безъ вопіющаго горя, которое потомъ онъ всю жизнь безропотно носилъ въ своемъ любящемъ и нѣжномъ сердцѣ.

Когда Васѣ было лѣтъ двѣнадцать, сестра заболѣла оспой. Лечить ее не лечили: она сама отвалилась въ заднемъ углу скотной избы, но съ тѣхъ поръ ослѣпла.

Такое несчастіе для Васи было такъ тяжело, какъ бы онъ потерялъ свою сестру. Зеркало души ея померло для него. Прежде онъ видѣлъ любовь и нѣжность въ глазахъ ея и находилъ въ томъ отраду и успокоеніе, а теперь онъ только чувствовалъ это въ ея печальныхъ и нѣжныхъ словахъ, въ ея душу проникающемъ осязаніи.

При свиданіи съ нимъ, она, бывало, обниметъ его своими трепещущими отъ радости рученками, ощупаетъ его: весь-ли онъ съ ней и такой-же ли, какъ прежде.

— Ахъ, Вася, Вася, какъ я несчастна! воскликнетъ, бывало, она со слезами.

Это восклицаніе переполняло Васю горькою жалостью и онъ вмѣстѣ съ нею плакалъ.

Безпредѣльная жалость къ сестрѣ всецѣло овладѣла Васей. Онъ безъ устали работалъ и беспрестанно думалъ, чѣмъ-бы утѣшить дорогую сестренку и облегчить ея пожизненное страданіе. Онъ готовъ былъ пожертвовать собою за всякаго, кто съ ласковымъ участіемъ и состраданіемъ отнесется къ его сестрѣ. Всѣмъ онъ услуживалъ: не было просьбы или приказанія, которыхъ бы онъ не исполнилъ.

Слѣпая сестра чувствовала страданіе своего братца и старалась казаться спокойной и занятой обычной работой. Она по-прежнему убирала избу, мыла посуду, пряла и шила. Вдѣваніе нитки въ иголку сначала ей не давалось, но современемъ она приспособилась дѣлать это языкомъ и шила безъ посторонней помощи бѣлье для себя и брата до самой смерти.

Зуровъ задумался. Очевидно, онъ соображалъ, какъ ступевать свою роль въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

— Чтоже вы остановились? спросилъ Свѣтловъ.

— Пари держу, сказалъ Розовъ, что Сергѣй Павловичъ провинился въ этой исторіи какимъ нибудь добрымъ дѣломъ и стѣсняется говорить о немъ. Не скромничайте, Сергѣй Павловичъ, и рассказывайте.

— Такъ-то, въ постоянномъ трудѣ и заботѣ, прожилъ Василій все дѣтство, юность и молодые годы, продолжалъ Зуровъ. — Онъ ни въ гости не ходилъ, ни на вечеринки, ни въ хороводы: все некогда было. Напротивъ, вся мужская часть двора пользовалась этими удовольствіями за его счетъ. То конюхъ придетъ, просить: „Василій, голубчикъ! побудь за меня въ конюшнѣ: мнѣ дозарѣзу нужно быть вечеромъ въ деревнѣ“. То сторожъ ночной обратится съ такою же просьбой. И Василій сидѣлъ въ конюшнѣ, билъ въ чугунную доску у магазиновъ и т. п.

За такимъ недосугомъ и заботой о сестрѣ, Василій не видалъ какъ молодость прошла, и не успѣлъ подумать не только о женитьбѣ, но даже о невѣстѣ.

Когда Василю было уже подъ сорокъ, а я служилъ у Хомякова управляющимъ, съ нимъ чуть не случилась такая-же бѣда, какая сгубила его отца.

Баринъ его нанялъ себѣ управляющаго изъ нѣмцевъ. Человѣкъ онъ былъ грубый, плутоватый, но умомъ не отличался. Чтобы показать свое стараніе и заботу объ улучшеніи имѣнія, онъ привелъ изъ заграницы коровъ, какой-то особой породы. Коровы эти почему-то не привились и сталидохнуть одна за другой. На трупѣ каждой коровы Василя, какъ водилось, сѣкли, въ видѣ жертвы для умилоствленія коровьяго бога. Когда-же послѣдняя изъ заграничныхъ коровъ издохла, то управляющій такъ разсвирѣпѣлъ, что хотѣлъ Василя отдать въ солдаты.

Зуровъ опять замолкъ.

— Ну, ну! Вижу, вижу, что вы тутъ что-то напроказили Сергѣй Павловичъ! — сказалъ Розовъ.

— Кайтесь, кайтесь въ своемъ прегрѣшеніи! Большого наказанія не будетъ, кромѣ благодарности, которой вы не долюбиваете. Продолжайте! — поощрилъ его онъ.

Зуровъ крикнулъ и, подумавъ, сталъ рассказывать дальше.

— Сижу я однажды поздно ночью и занимаюсь, по наущенію Хомякова, описаніемъ чудодѣйственнаго колодца съ явленной иконою, куда мы съ нимъ ѣздили на богомолье, — вдругъ входитъ Василій и бухъ мнѣ въ ноги.

— Батюшка, Сергѣй Павловичъ! молить онъ. Пожалѣйте мою сестру: отдайте ее въ какую нибудь богадѣльню. Меня въ

солдаты сдають: она безъ меня совсѣмъ пропадетъ. Нашъ управляющій держать ее не будетъ: вѣдь, она ни на что не нужна. Побираться тоже не можетъ: она слѣпая. Помогите, ради Христа! Онъ васъ наградить.

Мнѣ сразу представилась жестокая кончина Сидора и печальная жизнь Василя съ сестрой. Я попросилъ его идти домой и сказалъ, что въ солдаты его не отдадутъ, а самъ уже кое-что сообразилъ. Василій опять поклонился мнѣ въ ноги и ушелъ.

На другой день я съѣздивъ къ Тепловскому управляющему, у котораго жилъ Василій, узналъ, сколько онъ заплатилъ за заграничныхъ коровъ, и отдалъ ему деньги. Такимъ образомъ, на манеръ Чичикова, я приобрѣлъ коровьи мертвыя души.

Но приобретениемъ мертвыхъ коровьихъ душъ я не удовольствовался и захотѣлъ купить двѣ живыя, человѣческія души: Василя и его сестру. За нихъ я обѣщалъ Тепловскому управляющему заплатить столько же, сколько заплатилъ ему за издохшихъ коровъ. Назначилъ я такую цѣну за людей потому, что люди были русскіе и не стоили дороже заграничныхъ коровъ. Управляющій былъ очень доволенъ и черезъ недѣлю привезъ мнѣ купчую крѣпость на Василя съ сестрой.

Это было лѣтъ за десять до воли. Вотъ и все.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы что-то утаиваете. Извольте быть откровеннымъ и доводите рассказъ до конца,—сказалъ Розовъ.

— Слово изъ пѣсни не выкидывайте!—поддержалъ его Свѣтловъ.

— Ну, что же вамъ еще? спросилъ Зуровъ. Купилъ двухъ человѣкъ и сталъ собственникомъ и въ нѣкоторомъ родѣ помѣщикомъ безъ помѣстья.

— Куда же вы ихъ дѣвали? спросили оба слушателя.

— Куда дѣвалъ?—отвѣтилъ вопросомъ Зуровъ.

Видно было, что ему стѣснительно отвѣчать на заданный вопросъ.

— Если бы они были помоложе, продолжалъ онъ съ неохотой и раздраженіемъ, то я откормилъ бы ихъ барскимъ хлѣбомъ и съѣлъ. Вы думаете, я не читалъ совѣта Свифта покупать ребятъ вмѣсто поросятъ, потому что они ровно ничего не стоили и были вкуснѣе поросятъ, когда откормишь. Это Свифтъ зналъ по опыту: ему пришлось ѣсть въ Парижѣ пирожки съ начинкою изъ дѣтскаго мяса и они показались ему очень вкусными. Признаюсь, я въ то время, хотя и самъ пописывалъ въ журналахъ, но былъ такъ наивенъ, что принялъ сатиру поэта за совѣтъ экономиста и намѣревался изъ своихъ крѣпостныхъ наготовить въ прокъ солонины. Но мнѣ пришло въ голову, что они вдвое старше самыхъ старыхъ коровъ, а потому мясо ихъ будетъ очень жестко для моихъ зубовъ. Я зналъ,

что въ экономіи старыхъ коровъ продають, а не оставляють на солонину. Зналъ я также, что за моихъ старыхъ крѣпостныхъ гроша не дадутъ, а работать имъ, за неимѣніемъ помѣстья, нечего. Что же мнѣ было дѣлать? Зря кормить ихъ было жаль корма, я и рѣшилъ прогнать свою собственность: идите на всѣ четыре стороны! Ну, конечно, я далъ имъ вольную, чтобы имъ было почемъ, а не чѣмъ жить.

— Жесточайшій вы изъ смертныхъ, Сергѣй Павловичъ! воскликнулъ Розовъ.

— Жестокъ то не я, а крѣпостная душа сугубо жестока, — сказалъ Зуровъ. — Когда я прогонялъ своихъ крѣпостныхъ и давалъ имъ вольную, то они оба пали мнѣ въ ноги и стали причитать:

— Батюшка, кормилецъ, благодѣтель нашъ! Куда же мы пойдёмъ? Съизмала дальше своей деревни нигдѣ не бывали. Оставьте, ради Христа, у себя и приставьте къ чему ни на есть. Мы, вотъ, какъ будемъ стараться: довольны будете!

— Что съ ними подѣлаешь! Пошелъ я къ барину, повинился въ своей глупости и упросилъ его помѣстить моихъ крѣпостныхъ въ лѣсную сторожку: лѣсъ караулить. Тамъ они прожили лѣтъ десять послѣ воли и умерли.

— Что-то вы, Сергѣй Павловичъ, очень торопитесь? — необычно мягко сказалъ Свѣтловъ. Десять лѣтъ до воли, да десять послѣ воли: неужели за это время вы съ ними не видались?

— Какъ не видался! Да интереснаго-то ничего не было, отвѣтилъ Зуровъ. Одна только встрѣча была болѣе или менѣе характерна... Какъ-то во время отдыха на покосѣ молодежь обоего пола стала жировать, а Василій оперся на грабли и пристально смотреть на эту возню. Я сдуру и спроси его:

— Что, братъ, завидно? Небось по старой памяти и ты не прочь-бы облюбовать какую либо молодуху?

Онъ печально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Что вы батюшка, баринъ! Я отъ роду женщины не зналъ. Мнѣ стало стыдно и я уже серьезно спросилъ его.

— Отчего же такъ, другъ сердечный!

— Сначала, батюшка, баринъ, тяжелая работа, отвѣчалъ Василій, а потомъ старость и забота помѣшали мнѣ думать объ этомъ.

Послѣдній разъ я видѣлъ Василія передъ смертью. Онъ радовался и благодарилъ Бога, что ему привелось умирать послѣ сестры съ легкимъ сердцемъ и спокойной душой.

Этимъ и закончилъ свой рассказъ Зуровъ.

— Печальная исторія! протянулъ Свѣтловъ.

— Ну, Александръ Ивановичъ, теперь за тобой очередь повѣствовать, — обратился онъ къ Розову.

— Я не могу такъ много и такъ интересно рассказывать о своемъ святомъ, какъ это сдѣлалъ Сергѣй Павловичъ. У него изъ одного святого вышло три страстотерпца, изъ коихъ два дѣвственника. Я такъ подробно не зналъ всей жизни своего святого, чтобы обрисовать его съ такою точностью. Мой святой былъ учителемъ въ духовномъ училищѣ. Звали его Александръ Ивановичъ Воскресенскій.

— Врешь, братъ! Среди учителей даже приблизительнаго святого быть не можетъ,—возмутился Свѣтловъ.—Я самъ учился въ духовномъ училищѣ и отлично знаю этихъ мастеровъ.

— Всяко бываетъ,—отпарировалъ Розовъ.—Въ твоёмъ училищѣ не было святого учителя, а въ моемъ былъ. Чтобы сразу убѣдить тебя въ этомъ, я прошу вспомнить, что при нашемъ поступленіи въ семинарію ученики нашего училища лучше остальныхъ трехъ отличились на экзаменѣ по русскому языку. А отчего это? Оттого, что Александръ Ивановичъ училъ безъ учебниковъ, а устно и письменно. Безтолковую зубрежку онъ презиралъ и своихъ школьниковъ считалъ какъ бы студентами университета. Насъ, четыре брата, у него выучились и какъ первый купилъ грамматику Востокова, такъ и теперь новенькая она хранится у старухи матери въ родѣ реликвіи.

— Ну, эго дѣло другого рода!—успокоился Свѣтловъ. За это его можно сопричислить къ лику святыхъ, разъ онъ пренебрегалъ учебниками и презиралъ зубрежку. Отвратительнѣй, бессмысленнѣй и въ тоже время обязательнѣй этого упражненія ничего быть не можетъ. Для иллюстраціи обязательности этой безсмыслицы я приведу примѣръ. У насъ въ училищѣ былъ способный мальчикъ. Онъ всегда старался осмыслить урокъ. Отъ этой самостоятельной работы у него получился вотъ какой курьезъ. Въ священной исторіи ветхаго завѣта есть фраза: „и съ отцами твоими внидешъ въ гробъ твой“. Мальчикъ никакъ не могъ понять этой фразы. Онъ недоумѣвалъ, какъ живущій еще человѣкъ, послѣ своей смерти могъ войти въ гробъ съ своими отцами, которые давнымъ давно умерли и сгнили. Что-то тутъ не такъ. И, разобравши фразу слово по-слову, рѣшилъ дѣтскимъ умомъ, что въ ней опечатка. Нужно было, по его мнѣнію, написать: „и внидешъ въ гробъ твой съ очами твоими“, то-есть, что онъ не ослѣпнетъ до самой смерти. Въ классѣ этотъ умный мальчикъ такъ и отвѣтилъ урокъ. Представьте его изумленіе и пораженіе, когда, послѣ произнесенія имъ указанной фразы, раздался гомерическій хохотъ сначала батюшки академика (теперь архіерея), а потомъ попугайскій всего класса.

— Ну и отлилъ пулю! захлебываясь отъ смѣха, протянулъ достойный академикъ.

Въ чемъ состояла эта пуля, осталось неизвѣстнымъ какъ для сконфуженнаго мальчика, такъ и для всего класса. Послѣ

уже, когда самъ злополучный мальчикъ узналъ о своей ошибкѣ отъ старшаго брата и разсказалъ намъ, мы узнали, въ чемъ состоялъ курьезъ. Но въ награду за признаніе менторы изъ учениковъ сказали милому мальчику. „Впередъ не философствуй, братъ, а учи какъ напечатано. Хорошо, что батюшка былъ веселъ, а то бы онъ выдралъ тебя за это. Ты знаешь, какъ строго на счетъ священнаго писанія сказано: „Аще кто убавить или прибавить, да будетъ анаѳема проклятъ! „И анаѳема-то черезъ фиту написана. Страшно! добавляли маленькіе менторы.

Этимъ Свѣтловъ закончилъ свою иллюстрацію и попросилъ Розова разсказывать объ Александрѣ Ивановичѣ Воскресенскомъ.

— О немъ, господа, я, какъ сказалъ, лично мало знаю, — продолжалъ Розовъ, — но Александръ Ивановичъ былъ товарищемъ и пріятелемъ моего отца. Они вмѣстѣ учились и вмѣстѣ кончили курсъ въ семинаріи. Отца начальство опредѣлило въ священники, а Александра Ивановича въ учителя. Онъ былъ горбать, а по правиламъ священникъ долженъ быть безъ тѣлесныхъ недостатковъ, о душевныхъ же въ нихъ ничего не сказано. Вотъ чему обязанъ Александръ Ивановичъ своимъ учительствомъ.

— Такъ онъ былъ горбатый! воскликнулъ Свѣтловъ съ надеждой, что настоящаго святого изъ него не выйдетъ.

— Молчи же, Василій Петровичъ! остановилъ его Розовъ. Къ чему такіе возгласы? Или ты думаешь, что горбатые не могутъ быть прекрасными, умными и святыми людьми? Твой нелѣпый возгласъ доказываетъ, что ограниченность ума непріятнѣе горба. Пожалуйста, не перебивай меня.

— Это такъ нечаянно сорвалось, — сконфуженно сказалъ Свѣтловъ. Я не виноватъ, что мнѣ въ школѣ внушили, будто только въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ. Это римляне выдумали, которые только и думали, что о войнѣ и грабежѣ. Имъ и нуженъ былъ воинственный духъ здоровяка, а насъ заставляютъ руководствоваться этой мудростью при лигѣ мира, отрицающей совсѣмъ войну. Продолжай, братъ! Я буду нѣмъ, какъ рыба.

— Отъ отца я узналъ, продолжалъ Розовъ, что Александръ Ивановичъ былъ круглымъ сиротой, да, кажется, сиротой и родился, такъ какъ родителей своихъ не помнилъ. Учились они съ отцомъ въ бурсѣ на казенномъ кошту и пользовались всѣми ея преимуществами, такъ прекрасно описанными Помяловскимъ. Результатомъ этихъ прелестей было то, что маленькаго Сашу однажды бурсаки такъ притиснули къ ребру парты, что его безъ чувствъ отнесли въ больницу, гдѣ онъ пролежалъ цѣлую треть. Послѣ того у него стали расти горбы: на груди и спинѣ. Самъ онъ изъ живого, милаго и красиваго мальчика сдѣлался вялымъ, съ болѣзненнымъ лицомъ и несообщительнымъ. Но „не быть бы счастью, да несчастье помогло“. Послѣ этого случая

бурсаки не стали такъ приставать къ Сашѣ и даже относились съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ къ нему. А онъ безъ помѣхи зубрилъ свои уроки, хорошо ихъ отвѣчалъ и часто помогалъ своимъ лѣнивымъ врагамъ.

Учителемъ Александръ Ивановичъ былъ прекраснымъ. Учасъ у него, мы не признавали себя школьниками, а каждый мнилъ себя сочинителемъ. Бывало, Александръ Ивановичъ задастъ намъ письменное склоненіе, или спряженіе или разборъ по предложеніямъ и частямъ ихъ, мы другъ друга и спрашиваемъ: „ты написалъ сочиненіе?“ Написалъ, отвѣтишь. „А я, братъ, нѣтъ. Боюсь не успѣю къ сроку. Стыдно будетъ“.

Вы, господа, представьте только этихъ малышей такъ разговаривающими и картина нарисуетъ милая, веселая и пріятная. На взглядъ учителей и грамотныхъ взрослыхъ эти разговоры маленькихъ сочинителей казались наивными и смѣшными, а неграмотные серьезно смотрѣли на нихъ, слушали и удивлялись ихъ мудрости.

Извините, господа, за маленькое отступленіе, сконфуженно вымолвилъ Розовъ и продолжалъ.

— Кромѣ учительства, Александръ Ивановичъ занималъ должность помощника инспектора и смотрителя больницы. По должности помощника инспектора, онъ былъ обязанъ ходить по ученическимъ квартирамъ. Однажды, раннею весной, когда земля еще не оттаяла, онъ пришелъ къ намъ на квартиру и засталъ двухъ малышей, играющими на дворѣ въ ладышки (бабки). Одинъ изъ нихъ былъ босикомъ, онъ и накинулся на него.

— Какъ ты смѣешь босикомъ бѣгать! Въ больницу ко мнѣ хочешь попасть? Поди, поди тебя посѣкутъ!

Вошли въ квартиру. Тамъ ему докладываютъ, что розогъ нѣтъ.

— Какъ розогъ нѣтъ! шутливо воскликнулъ онъ. А вотъ розги! Видите, въ углу за провинность стоятъ, что васъ, шалуновъ, не учать.

Онъ взялъ изъ угла травяной вѣникъ, вынулъ изъ него былинку и приказалъ виновнику лечь на лавку. Тутъ выискались сѣкуторы, хотѣли взять у него былинку и высѣчь ею преступника.

— Нѣтъ! сказалъ онъ. Вы будете его жалѣть и плохо высѣчете. Я самъ его выпорю.

— Я не буду его жалѣть! заявилъ тутъ одинъ изъ мальчиковъ.

Александръ Ивановичъ съ грустью посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Стыдно быть жестокимъ и не жалѣть своего товарища. Если ты не хочешь пожалѣть его теперь, то онъ не пожалѣетъ тебя, когда и съ тобою случится такое же несчастіе. Онъ выпоретъ тебя еще безжалостнѣе, чѣмъ ты хочешь его высѣчь.

Послѣ это нравоученія Александръ Ивановичъ поднялъ рубашенку у лежавшаго на лавкѣ мальчика и сталъ его сѣчь былинкой по прогалинѣ между штанишками и поясомъ рубашки.

Сѣчетъ и приговариваетъ: „не будешь бѣгать босикомъ, когда земля еще не оттаяла? Не будешь? А, больно! Ну, смотри! Не смѣй приходить ко мнѣ въ больницу, когда заболѣешь!“

И онъ, бросивъ былинку, обратился къ старшему брату наказаннаго преступника съ нагоняемъ, что онъ не смотритъ за малышомъ. Изъ оправданій брата оказалось, что сапоги малыша отданы въ починку и что онъ выбѣжалъ на дворъ босой безъ вѣдома брата. На другой или третій день послѣ этого случая, Александръ Ивановичъ, уходя съ урока, приказалъ провинившемуся мальчику зайти къ нему на квартиру. Мальчикъ пришелъ. Квартира Александра Ивановича при больницѣ напоминала келью. Она состояла изъ одной небольшой комнаты съ ширмами, отдѣляющими кровать. Мебели у него было: столъ безъ названія, что то въ родѣ дивана и четыре дешевыхъ березовыхъ стула.

Александръ Ивановичъ встрѣтилъ мальчика ласково и спросилъ: — Не болитъ ли, малютка, у тебя головка и какъ ты себя чувствуешь?

— Голова у меня не болитъ, отвѣтилъ мальчикъ, но мнѣ не здоровится какъ-то: чувствую большую слабость въ ногахъ и ознобъ въ спинѣ.

— Вотъ видишь, неразумный! замѣтилъ ему Александръ Ивановичъ. Навѣрно простудился. Вотъ что дѣлается, когда маленькіе мальчики бѣгаютъ босикомъ по мерзлой землѣ и играютъ въ ладышки. Лучше-бы ты зубрилъ что-нибудь, или мамѣ письмо писалъ. Тогда-бы ты былъ умный мальчикъ и не заболѣлъ-бы. Мальчикъ почему то тихо заплакалъ и опустилъ голову. Надо думать, воспоминаніе о мамѣ взволновало его.

— Ну чего же ты, милый, плачешь? Богъ дастъ, мы тебя вылечимъ, когда придешь ко мнѣ въ больницу,—нѣжно сказалъ Александръ Ивановичъ и ласково погладилъ ребенка по головѣ. А теперь, вотъ что, возьми-ка мои сапоги и носи. У нихъ каблуки высоки, такъ ты зайди къ сапожнику и попроси его малость ихъ подрубить. За это заплати ему вотъ эти десять копѣекъ, да, смотри, не потеряй ихъ.

— Ну, иди домой съ Богомъ, да не забудь сказать брату, чтобы онъ напоилъ тебя малиной и потеплѣе укуталъ на ночь.

— Каковы нѣжность, сердечность и любовь!—невольно воскликнулъ Розовъ и продолжалъ рассказывать.

Малина и укутыванье на ночь мальчику однако не помогли: на другой день его привели въ больницу. Прекрасный и добрый врачъ Г. сразу опредѣлилъ у него воспаленіе легкихъ и съ успѣхомъ сталъ лѣчить.

Во все время тяжелой болѣзни мальчика Александръ Ивановичъ раза три въ день навѣщалъ его. Когда же кризисъ миновалъ и обезсиленный ребенокъ сталъ сознавать окружающее, онъ пришелъ къ нему и сказалъ, чтобы ободрить его:

— Ну теперь ты выздоровѣешь! А, знаешь, къ тебѣ мама скоро прїѣдетъ и гостинцевъ привезетъ: я ей письмо послалъ. Не унывай!

На самомъ дѣлѣ Александръ Ивановичъ письма матери мальчика не писалъ. Онъ зналъ, что въ село, отстоящее на тридцать верстъ отъ почтоваго пункта, письмо попасть не могло. По этому онъ собралъ однажды школьниковъ изъ ближнихъ къ родинѣ мальчика селъ и наказалъ имъ дать знать съ оказіей его матери, чтобы она прїѣхала.

Но не успѣли мальчики исполнить прїятнаго порученія, какъ мать мальчика сама прїѣхала.

Когда она повидалась съ больнымъ сыномъ и поплакала надъ нимъ, Александръ Ивановичъ пригласилъ ее къ себѣ въ гости и узналъ отъ нея, что она прїѣхала просто по внутреннему зову. Безотчетная тоска еѣ страшно томила. Она объяснила ее несчастіемъ съ дѣтьми и прїѣхала.

Послѣ Александръ Ивановичъ этому факту очень удивлялся. Вотъ каковъ былъ Александръ Ивановичъ. Жаль, что я не умѣю рассказывать. Я бы желалъ такъ ярко обрисовать его святость, чтобы лучи ея просвѣтили человѣческія души, согрѣли и умягчили закаленные людскія сердца.

— Однако, Александръ Ивановичъ, ты главнаго-то, все-таки, не сказалъ, заявилъ Свѣтловъ. Суть вашихъ съ Сергѣемъ Павловичемъ доказательствъ состоитъ въ томъ, какъ рисуемые вами святые относились къ женитьбѣ. А ты объ этомъ умалчиваешь.

— Въ рѣшеніи этого вопроса я долженъ сослаться на свидѣтельство отца: самъ я ничего объ этомъ не знаю,—сказалъ Розовъ. Однажды Александръ Ивановичъ прислалъ съ нарочнымъ моему отцу записку такого содержанія. „Милый другъ! я боленъ и, быть можетъ, скоро умру. Прїѣзжай проститься! Съ дѣтства мы съ тобой жили мирно, съ миромъ и проводи меня къ тотъ свѣтъ. Отецъ, конечно, сейчасъ поѣхалъ къ Александру Ивановичу и когда вернулся, то первыми его словами дома были слѣдующія: „Да! Умеръ святой человѣкъ. Смотрите дѣти: не забывайте Александра Ивановича! Онъ всю жизнь сосредоточилъ въ любви къ вамъ и въ жалости къ сиротамъ. Изъ за васъ онъ отказался отъ женитьбы, отъ своей семьи“. Единственный разъ у него на этотъ счетъ было искушеніе, какъ онъ мнѣ открылся.

Обыкновенно, Александръ Ивановичъ на лѣтнія каникулы уѣзжалъ куда нибудь въ село. Одно лѣто онъ отступилъ отъ этого обыкновенія и остался въ городѣ. Дѣла нѣтъ, знакомства мало; повадился я, говорилъ онъ, похаживать отъ нечего дѣлать къ отцу Петру, а у него была хромоватая и уже не молодая дочь Анна Петровна: особа добрая и прїятная. Все, бывало, она приглашаетъ меня гулять съ ней за городъ. Я и подумалъ: не сдѣлать ли мнѣ ей предложеніе? Казалось мнѣ, что она и за

горбатаго пойдеть, если не по любви, то, просто, по желанію быть замужемъ. Но ты самъ знаешь, говорилъ онъ, какъ я туго думаю, да это и къ счастію. Смотрю, каникулы прошли, пріѣхали дѣти и я забылъ свои мечты. За то какъ теперь я счастливъ, какъ мнѣ покойно умирать, что я послѣ себя не оставляю маленькихъ мучениковъ. Положимъ, ихъ много остается, но въ существованіи этихъ несчастныхъ я не виноватъ и душу мою не тяготитъ отвѣтственность за нихъ.

Это были одни изъ послѣднихъ словъ Александра Ивановича Воскресенскаго, какъ передавалъ мнѣ отецъ.

Такъ заключилъ свой рассказъ Розовъ.

— Однако, господа, вы своими рассказами чуть не лишили меня ожесточенныхъ мыслей противъ современности съ ея прошлымъ,—заявилъ Свѣтловъ. —Но я знаю, что крѣпостники пользуются для этого всѣми средствами и на удочку не поддамся. Мнѣ хорошо извѣстно, что одинъ изъ васъ крѣпостникъ экономическій, а другой политическій. Святыхъ вашихъ я не могу признать за настоящихъ, которые жертвовали бы собою за идею, и во имя ея оставались дѣвственниками на всю жизнь. Ваши герои—*святые по неволѣ*, а настоящихъ святыхъ я посоветую вамъ искать въ четьи-менеѣ, а не въ жизни. Не сердитесь за мои слова! Прощайте! Мнѣ до ночи нужно поспѣть въ свою конуру, а то могутъ съѣсть меня простые волки, а я обреченъ на съѣденіе человѣковъ волковъ. Свѣтловъ одѣлся и ушелъ, а Зуровъ и Розовъ задумались.

Д. С—въ.

26 іюня 1901 года. Томскъ.

Юношѣ.

О, не страшись, когда неожиданно надъ тобою
Суровая гроза бушуетъ и гремитъ:--

Она лишь сонный духъ твой чудно оживить
И мужество въ тебѣ надолго укрѣпить.

Иди впередъ, иди съ надеждою святою!

* * *

Гроза умчится прочь... Могучею душою,

Во имя истины, добра и красоты,

Я знаю, до конца бороться будешь ты.

Иди впередъ, иди съ надеждою святою!

Г. А. Вяткинъ.

Матеріалы для исторіи города Томска.

I.

Очеркъ санитарнаго состоянія г. Томска и мѣропріятій противъ холерной эпидеміи въ началѣ семидесятыхъ годовъ. По даннымъ городского общественнаго управленія.

Прежде, чѣмъ перейти къ детальному изложенію затронутаго вопроса, мы считаемъ не лишнимъ освѣтить, хотя нѣсколько, то состояніе, въ которомъ находился г. Томскъ, когда дѣлами его завѣдывала, такъ называемая, шестигласная дума.

Какова, можно сказать, *хаоса бытность* довременна царила въ то время въ умахъ, дѣлахъ и отчетахъ тогдашнихъ заправителей городскихъ дѣлъ, видно, между прочимъ, изъ того, что вопросъ о „неопрятности и неустроенности“ Томска, „который“, кстати сказать, „былъ заушенъ съ самого основанія“, тянулся уже не одинъ десятокъ лѣтъ.

По части благоустройства въ десятки лѣтъ не было сдѣлано ничего къ улучшенію города, не устроено не только ни одной улицы, ни даже ни одной квадратной сажени полотна дороги, ни одной капитальной канавы, ни одного рѣчнаго взвоза, ни общественнаго сада, ни театра, ни тротуара, однимъ словомъ ничего, что бы означало слѣды хозяйственнаго управленія.

„Благоустройственныя затѣи“ тогдашнихъ отцовъ города всего лучше проявились въ дѣлѣ возведенія зданія для Полицейскаго Управленія и въ устройствѣ, такъ называемой, набережной рѣчки Ушайки.

На постройку перваго было затрачено болѣе тридцати тысячъ общественныхъ денегъ; но зданіе оказалось съ перваго же раза никуда негоднымъ: оно оказалось построеннымъ непрочно и къ жилью и къ помѣщенію полиціи и пожарной команды непригоднымъ.

„Вслѣдъ за окончаніемъ“ его, оно грозило разрушеніемъ и потребовало немедленной перестройки и сверхъ того ежегоднаго ремонта на счетъ тѣхъ же городскихъ суммъ.

На устройство набережной рѣчки Ушайки было затрачено прежнимъ управленіемъ до десяти тысячъ рублей, на самомъ же дѣлѣ набережной почти не существовало.

Разумѣется, за всѣми такими „операціями“ былъ благопечущійся, всезнающій и всепонимающій контроль со стороны, такъ называемой, строительной комиссіи,—надзоръ, вѣроятно, небезвыгодный для участниковъ ея.

Санитарныя условія опредѣлялись, между прочимъ, тѣмъ, что „зимою снѣгъ, сдуваемый съ горъ въ громадномъ количествѣ,

весною таялъ, а лѣтомъ дождевая вода стекала также вся въ городъ, гдѣ, при отсутствіи нивелированныхъ канавъ, смѣшивалось все это съ землею и въ видѣ сплошной грязи разливалось по улицамъ и дворамъ обывателей“.

Всякаго рода нечистоты валялись на всѣхъ вообще улицахъ, а въ особенности около монастырской ограды, берега рѣки Томи и рѣчки Ушайки, а также и прочія городскія мѣста были сплошь завалены всевозможнаго рода нечистотами; въ соотвѣтствіи съ этимъ были и торговыя бани, владѣльцы коихъ спускали нечистоты прямо въ Ушайку.

Не менѣе банныхъ нечистотъ портили воду въ рѣкѣ Ушайкѣ, „имѣющіяся на ней плотины при толчеяхъ Еренева, Аверьянова и мельницы Исаева, въ которыхъ вода во время сухого лѣта до того портилась, что ее не пилъ даже скотъ и дохла въ ней рыба“.

Причина порчи воды заключалась еще въ томъ, „что отъ постоянного толченія дуба въ эти пруды садилось много пыли, и, кромѣ того, владѣльцы и арендаторы, въ цѣляхъ укрѣпленія плотины, валили въ воду навозъ“.

Послѣдствіемъ такого укрѣпленія плотинъ былъ, между прочимъ, такой случай.

Въ октябрѣ 1871 года санитарная коммиссія, только что организованная, рѣшилась спустить воду изъ этихъ водохранилищъ.

„Когда вода была пущена, на плотинѣ Исаева почти невозможно было стоять отъ дурнаго запаха и вода эта нѣсколько часовъ распускала зловоніе на протяженіи всей Ушайки до самой Томи“.

Таковы были санитарныя условія, когда въ 1871 году появилась въ городѣ Томскѣ холера.

Имѣющійся у насъ подъ руками матеріалъ ничего не говоритъ, кто былъ, такъ сказать, первымъ виновникомъ и распространителемъ эпидеміи въ тотъ годъ.

Городскому Общественному Управленію, только что организованному на началахъ Положенія 16 іюня 1870 года, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности пришлось столкнуться съ этимъ крайне непріятнымъ явленіемъ.

Въ цѣляхъ предупрежденія и пресѣченія дальнѣйшаго развитія этой болѣзни Дума нашла нужнымъ принять слѣдующія мѣры: обязала жителей города поддерживать чистоту въ своихъ усадьбахъ, не загрязняя источниковъ питьевой воды, улицъ, переулковъ, площадей города, предложила владѣльцамъ мельницъ на Ушайкѣ спустить воду временно; если же они противъ этого запротестуютъ, обратиться къ установленнымъ на это въ законѣ мѣрамъ, не загрязнять также береговъ Ушайки и Томи и воспретила спускать банныя нечистоты въ Ушайку.

Для наблюденія за мѣропріятіями были избраны отъ Думы особые уполномоченные въ числѣ 70 человекъ, которые были снабжены инструкціями.

Срокъ на приведеніе въ исполненіе былъ назначенъ семидневный со дня опубликованія жителямъ постановленія. Для лицъ недостаточныхъ очистка была отнесена на городскія средства.

Постановленіе въ этомъ смыслѣ состоялось 5 октября 1871 г. за № 6.

Въ тотъ же день и потому же предмету состоялось еще постановленіе за № 7.

Городской Голова (г. Тецковъ) заявилъ Думѣ, что Комитетъ общественнаго здравія, по случаю усиленія случаевъ холеры въ г. Томскѣ, постановилъ открыть для помѣщенія больныхъ холерныя отдѣленія, для чего необходимо было нанять въ двухъ мѣстахъ особые дома съ тѣмъ, чтобы какъ наемъ этихъ помѣщеній, содержаніе и леченіе въ нихъ больныхъ, наемъ фельдшеровъ и прислуги для этихъ отдѣленій, такъ и наемъ извозчиковъ въ ночное время для врачей, — отнести на городскія средства.

Независимо этого, Приказъ Общественнаго Управленія, отъ 4 октября за № 2167, просилъ Городскую Управу отпустить для усиленія средствъ открытаго холернаго отдѣленія при больницѣ Приказа 250 рублей на наемъ одного фельдшера и 6 человекъ прислуги.

Дума предоставила Городской Управѣ употребить для означенной выше надобности изъ 10309 рублей 98 копѣекъ, имѣвшихся свободныхъ остатковъ отъ городскихъ расходовъ, отъ тысячи пятисотъ до трехъ тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы Управа въ израсходованіи этихъ денегъ представила надлежащій отчетъ; если же этой суммы оказалось бы недостаточно, то Управа обязывалась войти въ Думу съ особымъ на этотъ счетъ представленіемъ. Холерныя отдѣленія были открыты въ домѣ Дмитріева на Пескахъ, на Болотѣ въ домѣ Бородина, Рѣшетскаго и на верхней Елани въ домѣ Портнягина.

На этомъ дѣло и кончилось въ 1871 году.

Въ 1872 году 8 февраля состоялось въ Думѣ постановленіе за № 30 о приобрѣтеніи въ Ирбити, чрезъ посредство находившагося тамъ Городского Головы Тецкова, пятисотъ пудовъ купороса и десяти тысячъ пудовъ извести въ г. Томскѣ.

Затѣмъ, въ засѣданіи 11 апрѣля 1872 года Дума разсматривала постановленіе санитарной комиссіи, состоявшееся въ отвѣтъ на мѣры, предложенныя Комитетомъ общественнаго здравія и изложенныя въ постановленіи его отъ 17 января 1872 года.

Комиссія съ своей стороны нашла необходимымъ открыть холерныя отдѣленія въ тѣхъ же, по возможности, мѣстностяхъ,

какъ и въ прошломъ году, или же противъ городской роши въ домѣ чиновницы Дорониной. Вопросъ о снабженіи ихъ на первый разъ принадлежностями былъ разрѣшенъ комиссіею по постановленію на 15-ое февраля.

Коммиссія полагала вмѣнить жителямъ въ обязанность поддерживать чистоту возможными способами и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить число наблюдателей.

Для удобства небогатыхъ обывателей Загорнаго предмѣстья и Уржатки выкопать на средства города колодцы; по части же содержанія скотобойни—руководствоваться 852 статьею Устава медицинской полиціи.

Въ то же время комиссія сочла неудобнымъ отбирать отъ содержателей питейныхъ заведеній особыя подписки въ исполненіи акцизныхъ правилъ, такъ какъ они обязаны были исполнять ихъ самимъ закономъ.

Относительно кожевенныхъ, клеевыхъ и другихъ заводовъ комиссіею были выработаны особыя правила.

Согласно съ заключеніемъ Комитета общественнаго здравія и статей изъ правилъ во время холерной эпидеміи (официальное прибавленіе къ № 37) „Сѣверной почты“ (1865 года № 254) комиссія находила необходимымъ снабдить на время эпидеміи первоначальными медицинскими пособіями всѣхъ священниковъ для раздачи обращающимся къ нимъ и просить епархіальное начальство, не признаетъ ли оно возможнымъ сдѣлать распоряженіе о распространеніи чрезъ священниковъ гигиеническихъ правилъ.

Капитальная очистка города съ нивелировкой и проведеніемъ канавъ должна была, по мнѣнію комиссії, начаться лѣтомъ; въ данный же промежутокъ времени слѣдовало только предложить жителямъ озаботиться уборкою нечистотъ съ улицъ и дворовъ, по мѣрѣ таянія, о чемъ уже было сказано выше; относительно устройства на пристани холернаго отдѣленія комиссія сдѣлала свое заключеніе, выразивъ его въ постановленіи 15 февраля 1872 года.

Къ заключенію санитарнаго комитета о томъ, чтобы воспрепятствовать устройству новыхъ бань на Ушайкѣ, а существующія не исправлять, комиссія сочла необходимымъ добавить,—предложить содержателямъ бань сдѣлать особыя ямы для банныхъ помой и ямы эти содержать въ чистотѣ.

Пруды на Ушайкѣ предложить владѣльцамъ очистить на свой счетъ, запросивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ, не уступятъ ли они Городскому Общественному Управленію до окончанія срока контрактовъ занимаемая ими мѣста.

Разсмотрѣвъ постановленіе комиссії отъ 9 марта со всѣми къ нему приложеніями, Городская Дума за № 45 опре-

дѣлила: постановленіе и правила утвердить, исключая въ первомъ 3 пунктъ, по коему поручила Управѣ, предварительно устройства колодцевъ, осмотрѣть указанные мѣста и опредѣлить, на сколько устройство ихъ удобно; резервуары сохранять въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, а также и находившійся у военного лазарета, возобновить и колодецъ близъ него, и 12 —не дозволять въ существующихъ баняхъ только капитальныхъ исправленій, и во вторыхъ, т. е. правилахъ (къ сожалѣнію, вовсе неприложенныхъ къ цитируемому постановленію) вовсе исключить 16 пунктъ.

Городская Управа, представляя вниманію Думы въ засѣданіи 28 апрѣля того же года правила о соблюденіи чистоты и реэстръ наблюдателямъ за оною, просила указать способъ объявленія жителямъ выработанныхъ санитарною комиссіею правилъ.

Дума, постановленіемъ за № 58, опредѣлила правила и избранныхъ наблюдателей за чистотою и опрятностью города, въ числѣ 213 человекъ, утвердить окончательно, а, затѣмъ, когда правила будутъ отпечатаны, по распоряженію начальника губерніи въ официальныхъ вѣдомостяхъ, поручить Управѣ отпечатать двѣ тысячи экземпляровъ ихъ на счетъ экстраординарныхъ суммъ и раздать жителямъ чрезъ упомянутыхъ наблюдателей.

Правила эти, носившія характеръ обязательнаго постановленія, грѣшили, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ не различались требованія общественной чистоты отъ домашней; кромѣ того, они грозили разными наказаніями за несоблюденіе ихъ, что уже вовсе выходило изъ компетенціи Городского Общественнаго Управленія, и, наконецъ, правила на случай появленія холеры носили въ себѣ отпечатокъ требованій личной гигиены, имѣя мало общаго съ характеромъ обязательнаго постановленія въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ законъ.

Не взирая на эти „правила“, на базарѣ совсѣмъ отсутствовали отхожія мѣста и потребовалось вмѣшательство администраціи, чтобы городъ выстроилъ таковыя. (Постановленіе Думы 5 мая 1872 г. за № 52).

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири увѣдомилъ начальника губерніи, а этотъ послѣдній городского голову, отъ 6 августа 1872 г. за № 3454, что 25 іюля въ прибывшей въ г. Тюмень арестантской партіи заболѣло два человека холерою, изъ коихъ одинъ умеръ.

Такъ какъ болѣзнь эта, по примѣру прошлаго года (вотъ, значитъ, источникъ появленія этой болѣзни въ Томскѣ!) можетъ съ слѣдующимъ пароходомъ сообщиться въ Томскъ, то для принятія мѣръ къ предупрежденію эпидеміи губернское начальство просило городского голову собрать 7 числа августа въ 7 часовъ

вечера Думу и пригласить отъ имени его полиціймейстера и всѣхъ медиковъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, а также лекаря Оржешко, которому разрѣшено было поступить на государственную службу.

При этомъ губернаторъ присовокупилъ, что онъ самъ будетъ присутствовать на засѣданіи и такимъ образомъ стѣснять свободу сужденій.

По прибытіи 7 августа на засѣданіе Думы начальника губерніи и по открытіи городскимъ головою засѣданія, губернаторъ предложилъ на обсужденіе Думы: во 1-хъ, объ устройствѣ на Черемошинской пристани холернаго отдѣленія на 10—15 чело-вѣкъ со всѣми принадлежностями; во 2-хъ, привести въ порядокъ и осмотрѣть чрезъ инспектора врачебной управы, члена городской управы и полиціймейстера остальные холерныя отдѣленія; въ 3-хъ, о снабженіи холерныхъ отдѣленій бѣльемъ, кухнею, посудой и медикаментами; въ 4-хъ, о наймѣ фельдшеровъ и прислуги для холерныхъ отдѣленій; въ 5-хъ, о приглашеніи медиковъ завѣдывать холерными отдѣленіями и объ ассигнованіи медикамъ вообще суточныхъ денегъ въ размѣрѣ 3-хъ рублей, такъ какъ для поданія помощи заболѣвающимъ они должны нанимать экипажъ; въ 6-хъ, о ежедневномъ осмотрѣ всѣхъ продуктовъ на базарѣ, употребляемыхъ въ пищу, особою комиссіею изъ городского врача, члена городской управы и полиційскаго чиновника; въ 7-хъ, объ очищеніи бассейновъ съ водою, такъ какъ три изъ существующихъ были засорены и въ 8-хъ, объ очищеніи улицъ и площадей.

Дума опредѣлила: 1) такъ какъ появленіе холеры всего скорѣе можно ожидать въ партіяхъ арестантовъ, прибывающихъ на пароходѣ, то необходимо, чтобы пароходы съ арестантами останавливались, не доходя Черемошинской пристани, на заимкѣ Томскаго Алексѣевского монастыря: если окажутся больные холерой, то оставлять ихъ на этой заимкѣ, такъ какъ на остановку здѣсь заболѣвшихъ холерою на пароходахъ изъявилъ согласіе, по отзыву Городскаго Головы, Архимандритъ монастыря, который уступалъ подъ помѣщеніе холерныхъ свой домъ на этой заимкѣ съ платою по 50 рублей въ мѣсяцъ; а потому это помѣщеніе и приспособить для означенной цѣли, уплачивая со дня занятія ежемѣсячно по пятидесяти рублей съ тѣмъ, чтобы половина этой суммы уплачивалась изъ городскихъ доходовъ, а другая была отнесена на счетъ тюремнаго комитета.

На той же заимкѣ должны были останавливаться точно также и пароходы частныхъ владѣльцевъ, если бы на нихъ оказались больные холерою.

2) Холерное помѣщеніе на означенной заимкѣ снабдить бѣльемъ, посудой и мебелью, устройтъ его на 10 кроватей, 5

для арестантовъ и 5 отъ города; для пассажировъ же отдѣлить особое помѣщеніе.

3) Для упомянутого холернаго отдѣленія просить назначить фельдшера изъ тюремной больницы, а прислугу нанять отъ города; если-же не окажется желающихъ изъ вольныхъ, то просить экспедицію назначить изъ водворяемыхъ по примѣру прошлаго года.

4) Для завѣдыванія этимъ холернымъ отдѣленіемъ просить вольнопрактикующаго врача Скавинскаго; если же онъ не изъявитъ на это согласія, то городского врача.

5) Расходы по леченію и содержанію арестантовъ и лицъ свободныхъ состояній въ упомянутомъ холерномъ отдѣленіи, а также вознагражденіе врачу, который будетъ завѣдывать холернымъ отдѣленіемъ, должны быть распределены между городомъ и тюремнымъ Комитетомъ по числу больныхъ арестантовъ и лицъ свободныхъ состояній. Если же лицъ свободного состоянія не будетъ въ больницѣ, то всѣ расходы падаютъ на средства Комитета, почему войти въ соглашеніе съ нимъ въ отношеніи вознагражденія врача.

6) На случай появленія холеры поручить Управѣ открыть въ городѣ три холерныхъ отдѣленія, снабдивъ ихъ всѣми принадлежностями, указанными въ журналѣ Думы 11 апрѣля 1872 года, съ тѣмъ, чтобы одно отдѣленіе было открыто немедленно, а остальные два по наступленіи надобности.

Нанятые для этой цѣли дома осмотрѣть чрезъ одного изъ членовъ Городской Управы, Инспектора Врачебной Управы и Полицеймейстера.

7) Вознагражденіе медикамъ опредѣлить по окончаніи эпидеміи, выдавая только по 2 рубля суточныхъ на разъѣзды врачамъ, завѣдывающимъ холерными отдѣленіями, когда появится эпидемія; врачу же, который будетъ завѣдывать холернымъ отдѣленіемъ на архимандритской заимкѣ, производить со дня поступленія больныхъ холерою и начатія леченія ихъ по 5 рублей въ сутки и на разъѣзды отпустить по два рубля.

Всѣ дѣйствія по наблюденію за холерными отдѣленіями были возложены на Городскую Управу, которой, однако, предоставлено было Думою право войти съ докладомъ о назначеніи особаго комитета народнаго здравія, если она сочтетъ возложенное на нее порученіе обременительнымъ для себя.

8) На рынкахъ г. Томска всѣ продукты, употребляемые въ пищу, ежедневно осматривать особою комиссіею, составленной изъ городского врача, члена управы и полицейскаго чиновника.

9) Безотлагательно осмотрѣть всѣ бассейны съ водою, очистить и привести ихъ въ самый лучшій видъ.

10) Просить наблюдателей обязать обывателей немедленно приступить къ очисткѣ улицъ, дворовъ и ретирадъ, обсужденіе

же вопроса относительно очистки площадей было отложено до слѣдующаго засѣданія Думы.

11) На расходы, вызываемые содержаніемъ и завѣдываніемъ холерныхъ отдѣленій, было ассигновано на первый разъ изъ наличныхъ городскихъ суммъ пятьсотъ рублей.

Въ засѣданіи Городской Думы 13 августа 1872 года Городской Голова доложилъ Думѣ заявленіе гласнаго Ненашева, пріѣхавшаго въ Томскъ на пароходѣ Колчина „Косаговскій“, о томъ, что Колчинъ, не смотря на требованіе полицейскаго чиновника, подѣзжавшаго на лодкѣ у деревни Орловой къ пароходу съ тѣмъ, чтобы предупредить привозъ больныхъ на пристань, не хотѣлъ остановиться и выслушать распоряженіе губернатора.

Присутствовавшій на засѣданіи Думы полицеймейстеръ присовокупилъ къ этому, что на пароходѣ Колчина оказались больные.

Вслѣдствіе этого Дума постановила просить начальника губерніи сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ пароходы были останавливаемы внѣ города и больные холерою пассажиры и арестанты были помѣщаемы въ холерное отдѣленіе на архимандритской заимкѣ.

Не смотря на то, что засѣданіе Городской Думы 7 августа состоялось въ присутствіи Губернскаго начальства, однако, оно осталось очень недовольно представленной ему копіею этого постановленія, о чемъ и извѣстило Городского Голову двумя предложеніями.

Выслушавъ это обстоятельство въ засѣданіи 21 августа, Городская Дума постановила: изъ всѣхъ расходовъ по содержанію и леченію больныхъ въ холерномъ отдѣленіи на Архимандритской заимкѣ и вознагражденіе врача за завѣдываніе этимъ отдѣленіемъ принять половину расходовъ на счетъ города, а другую половину просить тюремный комитетъ отнести на свои средства; сообщить Начальнику губерніи, что въ постановленія Думы 13 августа никакихъ уменьшеній или увеличеній въ отношеніи вознагражденія врачамъ дѣлаемо не было и только вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ гласныхъ, возбужденныхъ преній по вопросу о вознагражденіи врачей и недостаточности средствъ города, Дума нашла необходимымъ, въ цѣляхъ нѣкотораго контроля и оцѣнки заслугъ врачей, опредѣлить имъ вознагражденіе по окончаніи эпидеміи, выдавая безъ задержанія одновременно съ появленіемъ эпидеміи только разѣздныя деньги врачамъ, завѣдывающимъ холерными отдѣленіями, по два рубля въ сутки.

Въ засѣданіи Городской Думы 27 сентября 1872 года былъ избранъ предсѣдателемъ санитарной комиссіи гласный А. И. Акуловъ, впредь до выздоровленія члена Городской Управы О. И. Акулова, избраннаго ранѣе въ предсѣдатели этой комиссіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Управѣ было поручено составить для предсѣдателя инструкцію, какія дѣла онъ могъ разрѣшать единолично и какія онъ долженъ былъ вносить на разрѣшеніе Управы.

Ассигнованные на борьбу съ эпидеміей 500 рублей были вскорѣ израсходованы, почему Городская Управа вошла въ Думу съ докладомъ объ ассигнованіи на этотъ предметъ еще тысячи рублей.

Городская Дума, признавая съ своей стороны необходимымъ ассигнованіе денегъ, протоколомъ засѣданія 27 сентября 1872 г. за № 84 разрѣшила Управѣ употребить на расходы по содержанію холерныхъ отдѣленій изъ наличныхъ городскихъ суммъ одну тысячу рублей и поручила ей вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно собирать свѣдѣнія о количествѣ больныхъ въ каждомъ холерномъ отдѣленіи, содержаниемъ городомъ.

15 декабря 1872 г. Городская Дума опредѣлила (№ 105) выдать врачамъ, завѣдывающимъ холерными отдѣленіями, Капульцевичу 81 рубль и Скавинскому 72 рубля за труды ихъ по леченію больныхъ въ этихъ отдѣленіяхъ во время эпидеміи, оставивъ безъ послѣдствій жалобу Скавинскаго относительно неправильнаго расчета его за завѣдываніе холернымъ отдѣленіемъ на Архимандритской заимкѣ, каковой расчетъ Дума признала произведеннымъ правильно *).

Выработанныя санитарною комиссіею и утвержденныя Думою правила относительно соблюденія чистоты въ городѣ и о прочемъ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, почему они были вновь по постановленію Думы 3 апрѣля 1873 года за № 120 переданы для пересмотра и измѣненія въ ту же комиссію.

6 іюля 1873 г. за № 2568 Начальникъ губерніи предложилъ Городской Управѣ объ открытіи холернаго отдѣленія на архимандритской заимкѣ.

По постановленію Городской Думы 9 іюля 1873 года за № 144 было ассигновано на этотъ предметъ 400 рублей и открытіе холернаго отдѣленія, а равно и снабженіе его всѣмъ необходимымъ было возложено на Городскую Управу.

Этимъ постановленіемъ и заканчивается рядъ мѣропріятій, предпринятыхъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ противъ холеры въ теченіе 1871, 1872 и 1873 годовъ.

Такимъ образомъ мы исчерпали весь матеріаль по затронутому вопросу.

Считаемъ въ тоже время нужнымъ оговориться, что матеріаль этотъ недостаточно полонъ, страдаетъ отрывочностью, отсутствіемъ

*) Въ 1872 году было израсходовано на содержаніе холерныхъ отдѣленій 1664 р. 66¹/₂ к. и пожертвовано въ томъ же году на очистку города въ предупрежденіе развитія холеры—526 р. 70 к.

емъ многихъ данныхъ, мы, напимѣрь, совершенно ничего не знаемъ, какъ своевременно исполняла Управа постановленія Думы по части принятія мѣръ противъ холерной эпидеміи; точно также намъ совершенно неизвѣстно ни количества больныхъ, ни числа выздоровѣвшихъ и умершихъ.

Повидимому, и самъ исполнительный органъ Городского Общественнаго Управленія не очень то интересовался этою регистраціею, если принять во вниманіе постановленіе Думы, отъ 24 сентября 1872 года за № 84, о ежедневномъ учетѣ больныхъ, и замѣтить при томъ, что постановленіе это состоялось уже на второй годъ появленія въ городѣ эпидеміи.

Да и сама Дума какъ будто не придавала дѣлу той важности, которой оно заслуживало по существу.

Въ началѣ она какъ будто даже и отрицала важность и необходимость скорого принятія разныхъ энергичныхъ мѣръ для борьбы съ появившейся уже эпидеміею. Подтвержденіемъ этому служить то обстоятельство, что 5 октября она сначала рѣшаетъ предпринять рядъ бумажныхъ мѣръ и только подъ давленіемъ журнала Комитета общественнаго здравія постановляетъ въ тотъ же день организовать дѣло подачи помощи населенію, которое не впервые только было поражено этимъ ужаснымъ бѣдствіемъ, но среди коего случаи заболѣванія начинали уже усиливаться, учащаться.

Точно также слѣдуетъ поставить Думѣ въ большой упрекъ ея сутяжничество по вопросу объ отпускѣ средствъ на вознагражденіе врачей, которымъ она ассигновала въ началѣ только однѣ развѣздныя, пообѣщавшись расчитаться потомъ, по окончаніи эпидеміи, да и тутъ вступила въ нежелательныя, чисто грошевыя, пререканія съ однимъ изъ врачей, жертвовавшимъ своею жизнью за какое-то ничтожное вознагражденіе въ видѣ семидесяти двухъ рублей.

Нѣкоторымъ извиненіемъ этого нѣсколько безучастнаго отношенія къ дѣлу можетъ служить, по крайней мѣрѣ, относительно 1871 года, то, что эпидемія захватила гласныхъ въ расплахъ: первое засѣданіе вновь организованной Думы состоялось 20 августа, выборы Членовъ Городской Управы 2 сентября, а 5 октября 1871 года пришлось вырабатывать мѣры не на случай холеры, а для борьбы съ появившейся уже. При этомъ мы никогда также не должны забывать, кому Городское Общественное Управленіе, а еще болѣе мало въ чемъ повинные жители города обязаны были появленіемъ этой страшной гостии и, однако, не взирая на то, что городъ былъ тутъ рѣшительно не причемъ, на него старались относить по возможности и всѣ расходы по принятію мѣръ противъ эпидеміи, оставаясь еще подчасъ не совсѣмъ до-

вольными, почему это городская казна такъ скупа на денежные отпуска.

Всего, конечно, безотрадноѣ было въ данномъ случаѣ положеніе необезпеченной части городского населенія, оплатившей подъ тѣмъ или инымъ видомъ изъ послѣднихъ своихъ крохъ разныя благоустройственныя и неблагоустройственныя затѣилицъ, такъ или иначе, прямо или косвенно вершившихъ тогда городскія дѣла.

А. М. Серебrenиковъ.

Енисейская губернія.

(Статистико-экономическій очеркъ).

(Окончаніе, — см. V и VI кн. текущаго года).

Нижніе военскіе чины пользуются въ г. г. Красноярскѣ, Канскѣ и Ачинскѣ въ военныхъ лазаретахъ, а въ остальныхъ — помѣщаются въ больницы общественнаго призрѣнія.

Кромѣ того, въ г. г. Красноярскѣ, Енисейскѣ и Минусинскѣ функционировали амбулаторныя лѣчебницы, обставленныя довольно сносно и въ нихъ, кромѣ подачи медицинскаго совѣта, больные снабжаются бесплатно медикаментами. При Красноярской лѣчебницѣ имѣется хирургическій баракъ на восемь кроватей, гдѣ оказывается медицинская помощь бѣднымъ больнымъ бесплатно. Въ 1899 г. въ немъ получили пособіе 92 больныхъ, которымъ было сдѣлано 104 операціи; въ настоящемъ-же, 1901 г., заканчивается постройкой зданіе Общества врачей Енисейской губерніи для помѣщенія въ немъ своей аптеки и лѣчебницы; зданіе каменное, помѣщается въ центрѣ города на главной, Большой (Воскресенской) улицѣ и довольно оригинальной архитектуры.

Для проходящихъ переселенцевъ въ г. Ачинскѣ и на ст. „Ольгинской“ устроены больнички съ постоянными кроватями и содержаніемъ на средства спеціального фонда вспомогательныхъ предпріятій Сибирской желѣзной дороги.

Въ Туруханскомъ краѣ больные пользуются бесплатнымъ лѣкарствомъ отъ врача, также какъ и сельское населеніе въ прочихъ уѣздахъ губерніи, но, къ сожалѣнію, лѣкарства эти выписываются въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, что ихъ недостаточно было-бы и для одного селенія, и врачъ, прописавъ лѣкарство, волей-неволей вынужденъ совѣтовать крестьянину ѣхать за нимъ въ городъ.

Для пополненія кадра низшаго медицинскаго персонала при Обществѣ врачей въ г. Красноярскѣ существуетъ женская фельдшерская школа, въ которой обучалось 72 ученицы.

Число больныхъ въ городскихъ больницахъ за 1899 г. выразилось такъ: оставалось къ 1899 г.—291 чел., въ 1899 г. заболѣло—2877, выздоровѣло—2590, умерло 309 и осталось къ 1900 г.—269 человекъ.

Кромѣ городскихъ больницъ, въ городахъ существуютъ еще тюремныя больницы на средства Енисейскаго губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества и его отдѣленій: красоярская на 150 кроватей, канская на 40, ачинская на 35, минусинская на 30 и енисейская на 24.

Въ этихъ больницахъ къ 1899 г. оставалось больныхъ 228, въ 1899 г. заболѣло 2977, выздоровѣло 2883, умерло 76 и осталось къ 1900 году 246.

Къ числу заболѣваній посѣщающихъ Енисейскую губернію относятся: коклюшъ, гриппъ, брюшной тифъ, дифтеритъ, дезинтерія, корь, натуральная оспа и др. Всѣхъ заболѣваній заразными болѣзнями было зарегистрировано въ 1899 году 8208 съ 167 смертными случаями.

Изъ эпизоотическихъ заболѣваній встрѣчаются: сибирская язва, повальное воспаленіе легкихъ, саль, бѣшенство и др. Въ 1899 году болѣзнями этими заболѣло 2738 головъ, изъ нихъ выздоровѣло 2019, пало и убито 693. Въ числѣ заболѣвшихъ животныхъ было 262 лошади, 264 головы крупнаго рогатаго скота и 2212 овецъ.

Безъ сомнѣнія, эти официальные цифры далеки отъ истины, т. к. о многихъ случаяхъ заболѣваній и смерти не доходило до свѣдѣнія подлежащихъ властей.

Какъ на отрадное явленіе среди медицинскаго персонала мы можемъ указать на практикующіеся нынѣ сѣзды участковыхъ врачей. Такъ, 16-18 февраля происходилъ въ г. Минусинскѣ сѣздъ, на которомъ обсуждались нужды медицинскаго дѣла въ уѣздѣ. Изъ разсужденій и представленныхъ врачами данныхъ выяснилась громадность разстояній, на которыхъ разбросаны въ участкѣ селенія и которыя долженъ преодолевать какъ медицинскій персоналъ, такъ и населеніе; такъ, напр., въ Бейскомъ участкѣ нѣкоторые улусы отстоятъ отъ резиденціи врача на 180 верстъ, въ Новоселовскомъ на 170 и т. д. и вотъ на такія разстоянія нужно вести и трудно больного старика и задыхающагося отъ дифтерита ребенка, или чтобы достать роженицъ, истекающей кровью, врача нужно употребить трое сутокъ.

Для всѣхъ участковъ безъ исключенія было установлено: а) недостаточность медицинской помощи населенію вслѣдствіе разстояній,—и уже этотъ одинъ фактъ принуждалъ врачей придти къ выводу объ увеличеніи числа участковъ; б) большое количество населенныхъ мѣстъ, которое долженъ обслуживать участокъ; такъ, въ Абаканскомъ участкѣ 58 селеній, въ Каратузскомъ 45, въ Ермаковскомъ 43, а въ Енисейскомъ 249; в) громадное неудобство при такихъ разстояніяхъ и такомъ количествѣ селеній представляетъ и число жителей въ участкѣ,—такъ въ Абаканскомъ участкѣ 32 тысячи жителей, въ Каратузскомъ—34 тысячи, въ Ермаковскомъ—32 тысячи и т. д.

Этими-то, главнымъ образомъ, соображеніями руководствовался сѣздъ, постановивъ выразить желаніе, чтобы были открыты новые участки: одинъ въ Индринской, одинъ въ Тесинской, и одинъ въ Шуменской волости. Въ новыхъ предположенныхъ участкахъ число жителей не менѣе 16 тысячъ въ каждомъ. Затѣмъ, въ

удаленныхъ отъ резиденцій врачей пунктахъ назначить 11 фельд-шеровъ.

Со своей стороны пожелаемъ, чтобы указанія минусинскихъ врачей не остались въ области пожеланій, а скорѣе-бы осуществились.

Богадѣльни и др. благотворительныя учрежденія губерніи. На счетъ бывшаго Енисейскаго приказа общественнаго призрѣнія, кромѣ 5 городскихъ больницъ, содержались въ г. Красноярскѣ богадѣльня на 22 кровати для лицъ разнаго званія и на 20 кроватей для инвалидовъ и родовспомогательное отдѣленіе съ приютомъ для дѣтей, на содержаніе которыхъ, вмѣстѣ съ Красноярскою гороховою больницею, въ 1899 году израсходовано 31166 р. 24 к.; на уѣздныя же больницы израсходовано: въ Канскѣ 9015 р. 34 к., въ Енисейскѣ 6611 р. 20 к., въ Минусинскѣ 4775 р. 31¹/₄ к. и въ Ачинскѣ 3346 р. 44³/₄ к. Затѣмъ, слѣдя за развитіемъ благотворительности въ губерніи, мы видимъ, что въ 1874 г. въ г. Красноярскѣ учреждено Синельниковское общество благотворителей и попеченія сиротъ; въ 1875 году Щеголевская богадѣльня; въ 1884 г. открыто общество попеченія о начальномъ образованіи; въ 1885 г. открыта городскою думою бесплатная лѣчебница для приходящихъ, помѣщающаяся съ 1888 г. въ собственномъ каменномъ домѣ, устроенномъ на пожертвованный почетнымъ гражданиномъ Л. П. Кузнецовымъ капиталъ въ суммѣ 12406 р. 47 к.; при лѣчебницѣ этой, какъ мы ранѣе сказали, имѣется Александровскій хирургическій баракъ; 12 февраля 1889 г. открытъ общественный музей и библіотека; 14 января 1892 г. открытъ при Красноярской городской управѣ ломбардъ; въ декабрѣ 1898 г. открыта городскою думою общественная чайная, помѣщающаяся на Новобазарной площади и, наконецъ, 6 мая настоящаго 1901 г., совершена торжественно закладка *народнаго дома*, въ которомъ будетъ помѣщаться и народный театръ; каменное зданіе народнаго театра будетъ довольно красивой архитектуры. Въ г. Енисейскѣ одна богадѣльня, содержащаяся на средства города. Въ г. Ачинскѣ одна богадѣльня, построенная на благотворительный капиталъ; отопленіе и освѣщеніе зданія, погребеніе умершихъ и другіе мелочные расходы производится изъ суммъ города. Въ г. Канскѣ для бѣдныхъ престарѣлыхъ жителей содержится на счетъ городскихъ средствъ особый для ихъ приюта домъ.

Сельскихъ богадѣленъ на всю губернію только 14, а именно: одна въ Красноярскомъ уѣздѣ, содержащаяся на 0/0 съ капитала, пожертвованнаго покойнымъ купцомъ Матонинымъ; одна въ Енисейскомъ уѣздѣ, содержится на 0/0 съ капитала, завѣщаннаго въ пользу ея умершимъ коммер. совѣт. Кытмановымъ въ 1897 г.; четыре въ Ачинскомъ уѣздѣ, — здѣсь крестьяне и солдаты призрѣваются на средства сельскихъ обществъ, а ссыльно-поселенцы — на денежное пособіе, отпускаемое отъ казны, и на dobroхотныя приношенія; кромѣ того, въ с. Ужурскомъ, этого-же уѣзда, имѣется ночлежный домъ, въ которомъ призрѣваемые снабжаются только бесплатнымъ отъ общества помѣщеніемъ и отопленіемъ, пищею-же и одеждою пользуются отъ добродѣтельныхъ приношеній; въ Минусинскомъ уѣздѣ шесть богадѣленъ; въ Канскомъ уѣздѣ двѣ богадѣльни, которыя отопляются и освѣщаются на счетъ общества, а содержаніе призрѣваемымъ доставляется благотворителями.

Вообще сельская благотворительность стоитъ далеко не на должной ей высотѣ, между тѣмъ какъ, благодаря массѣ ссыльнаго элемента, въ ней здѣсь чувствуется крайняя необходимость.

Народное образованіе въ Енисейской губерніи чуть-ли не находится въ еще болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ медицинская часть: на населеніе въ 607851 человекъ въ губерніи къ 1 января 1900 г. числилось всего учебныхъ заведеній 283, съ учащимися въ нихъ 11662 (7844 м. и 3818 ж. п.). Въ общее число учебныхъ заведеній входило: а) 63 сельскихъ начальныхъ съ 3083 учащимися обоего пола (2216 м. п. и 867 ж. п.); б)

135 церковно-приходскихъ школъ и 44 школы грамотности съ 4385 учащимися. Одно начальное училище приходится на 9164 человекъ, а считая церковно-приходскія школы и школы грамотности — на 2625 человекъ. *Начальныхъ сельскихъ училищъ* въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1891 по 1896 г. включительно) прибавилось *одно*, тогда какъ *церковно-приходскихъ* 32. Говорить о томъ, какъ поставлено ученіе въ церковно-приходскихъ школахъ, мы не будемъ, т. к. объ этомъ вполне достаточно писалось и въ сибирской и россійской періодической печати и вся несостоятельность этихъ школъ является нынѣ вполне доказанной, а потому остается лишь пожелать скорѣйшаго увеличенія числа министерскихъ школъ.

Даже самъ офиціальный отчетъ признаетъ число существующихъ въ губерніи школъ далеко не удовлетворяющимъ потребности въ образованіи. Изъ специальныхъ учебныхъ заведеній въ губерніи имѣются: техническое желѣзнодорожное училище (84 учащихся), Щеголевское ремесленное 2-хъ классное училище (47 учениковъ) и сельское ремесленное училище (18 м. и 18 ж. п.). Къ числу уже существующихъ учебныхъ заведеній въ скоромъ времени присоединится имѣющая быть открытой въ с. Березовскомъ, Вознесенской в., Красноярскаго у., *учительская духовная семинарія*, въ которой будутъ обучаться дѣти сельскихъ обывателей, приготавливаясь къ педагогической дѣятельности въ церковно-приходскихъ школахъ. При семинаріи этой предполагается преподаваніе агрономическихъ наукъ, которое будетъ вести специалистъ агрономъ.

Музеевъ въ губерніи существуетъ всего *три*, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто по своимъ коллекціямъ занимаетъ Минусинскій музей, основанный стараніями Н. М. Мартыанова. Музей этотъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и далеко за границей и рѣдкій изъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Сибирь, не завертывалъ въ Минусинскъ, чтобъ ознакомиться съ коллекціями его музея. Къ 1 января 1900 г. музей имѣлъ предметовъ естественно-историческаго отдѣла 18148, антропологическаго 569, этнографическаго 2371, археологическаго 12901, горнопромышленнаго 1092, промышленнаго 2048, сельско-хозяйственнаго 2864, образовательнаго 8445, педагогическаго 1632, нумизматическаго 2432, въ лабораторіи и рабочемъ кабинетѣ 258, а всего 52776. Музей находится въ собственномъ помѣщеніи. Кстати, здѣсь замѣтимъ, что основателю музея Н. М. Мартыанову съ 25 марта н. г. назначена пожизненная пенсія въ 600 руб. Это очень рѣдкая награда общественному дѣятелю, говоритъ „Вост. Обзоръ“, очень рѣдкое въ нашей жизни офиціальное признаніе общественныхъ заслугъ *нечиночника*. Второе по количеству предметовъ — Енисейскій музей: Онъ имѣетъ: предметовъ мѣстныхъ естественно-историческаго отдѣла 9407, антропологическаго 2077, технического 1567, книгъ, чертежей, плановъ, картинъ и пр. 1968 и немѣстныхъ произведеній и монетъ — 2781, помѣщается въ собственномъ зданіи И, наконецъ, третій музей въ г. Красноярскѣ открытъ 12 февраля 1889 г. Въ настоящее время онъ имѣетъ предметовъ: въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ 563, въ естественно-историческомъ 7579, этнографическомъ 863, археологическомъ 3066, промышленномъ 445, нумизматическомъ 1098, а всего 13614. Не смотря на свое болѣе чѣмъ десятилѣтнее существованіе онъ помѣщается въ совершенно несоотвѣтствующемъ ему зданіи. Отчетовъ о его состояніи почему-то не появлялось въ печати уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

О положеніи переселенческаго дѣла въ Енисейской губерніи посѣтившій Сибирь для изученія этого дѣла ст.-секр. А. Н. Куломзинъ въ своемъ отчетѣ говоритъ, что во время его поѣздки въ Сибирь дѣло водворенія здѣсь переселенцевъ лежало на состоящихъ при мѣстномъ генераль-губернаторѣ переселенческихъ чиновникахъ, и хотя послѣднимъ приходилось, въ то же время, завѣдывать продовольственными пунктами и вообще нести спеціально по переселенческому дѣлу рядъ разнообразныхъ и сложныхъ обязанностей, при которыхъ имъ было весьма трудно относиться съ должною тщательностью къ управленію всѣхъ своихъ обязанностей, — тѣмъ не менѣе въ дѣятельности ихъ ст. сек. Куломзинымъ не было усмотрѣно никакихъ упущеній подобныхъ тѣмъ, которыя найдены были въ дѣятельности большинства крестьянскихъ чиновниковъ. О необходимости реорганизации переселенческаго дѣла говоритъ и извѣстный знатокъ его А. А. Кауфманъ въ очеркѣ своемъ „Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка“ *). Законодательство послѣднихъ лѣтъ, пишетъ онъ, сосредоточивъ высшее руководство переселенческимъ дѣломъ въ рукахъ спеціальныхъ органовъ—сибирскаго комитета, подготовительной комиссіи и переселенческаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ и создавъ особые мѣстные органы для завѣдыванія переселенческимъ движеніемъ и для землеотводныхъ работъ, остановилось на полнуги и возложило труднѣйшую задачу—устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ—на обремененные и безъ того не легкимъ дѣломъ органы мѣстнаго крестьянскаго управленія. Намъ кажется, что и эта сторона переселенческаго дѣла должна бы быть ввѣрена особымъ должностнымъ лицамъ, для которыхъ, прежде всего, устройство переселенцевъ было бы жизненнымъ дѣломъ, и которые, будучи органами спеціально—переселенческихъ центральныхъ учрежденій, получали бы отъ нихъ то единообразное направленіе въ своей дѣятельности на пользу переселенія, котораго такъ не достаётъ нынѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнымъ, мѣстнымъ органамъ по части устройства переселенцевъ. Что мысль эта начинаетъ находить нынѣ, хотя и слишкомъ медленно, доступъ въ правительственныя сферы, объ этомъ можно заключить, между прочимъ, потому, что въ самые послѣдніе годы все учащаются командировки чиновниковъ переселенческаго управленія для исполненія обязанностей по устройству переселенцевъ въ такіе районы, которые представляются, въ томъ или другомъ отношеніи, особенно важными или трудными, или въ которыхъ почему-либо мѣстная крестьянская администрація окончательно не успѣваетъ справиться съ переселенческимъ дѣломъ.

Движеніе переселенцевъ въ Енисейскую губернію отъ г. Томска до г. г. Ачинска, Красноярска и Канска производилось по Средне-Сиб. ж. дорогѣ, до Минусинска же тѣлежнымъ путемъ; или до Красноярска по той же жел. дорогѣ, а отъ Красноярска до Минусинска воднымъ путемъ. Г. Ачинскъ былъ трактомъ, гдѣ велась болѣе или менѣе правильная регистрація всѣхъ проходящихъ переселенцевъ какъ въ другіе города Енисейской губерніи, такъ и дальше въ Восточную Сибирь, но, къ сожалѣнію, этихъ цифровыхъ данныхъ мы въ настоящее время не имѣемъ подъ руками. Регистрація обратныхъ переселенцевъ производилась весьма неточно, такъ какъ многіе переселенцы отправлялись обратно по желѣзной дорогѣ, не заявляя объ этомъ переселенческому чиновнику. Главными причинами обратнаго движенія являются: трудность устройства самостоятельнаго хозяйства, (тайга, непосильность разработки лѣса, или другая крайность—полное безлѣсье и степь), отсутствіе заработковъ около поселковъ новоселовъ, еще

*) См. „Русс. Эконом. Обзорѣніе“ II кн. за 1901 г.

не окрѣпшихъ въ хозяйствѣ, отсутствіе того размѣра помощи, на который рассчитывали по своимъ предположеніямъ переселенцы, полное незнакомство съ участками, на которые они шли, тоска по родинѣ и др.

Народное образованіе среди переселенцевъ почти отсутствуетъ, такъ какъ изъ всѣхъ поселковъ губерніи лишь самое незначительное число имѣетъ школы, въ остальныхъ-же являются въ роли педагоговъ выгнанные за пьянство и другія художества сельскіе писаря, отставные солдаты, поселенцы и др.

Въ заключеніе настоящаго обзора Енисейской губерніи мы не можемъ не выразить ей пожеланія во 1-хъ, побольше школъ, школъ и школъ, между которыми, безъ сомнѣнія, желательны и профессиональныя; во 2-хъ, упрядоченія медицинскаго и переселенческаго дѣла; въ 3-хъ, принятія лучшихъ, болѣе радикальныхъ мѣръ въ борьбѣ съ пожарной стихіей, въ 4-хъ, развитія промышленности заводской и фабричной, на что, съ проведеніемъ Сибирской ж. дороги, можно вполне рассчитывать. Только при этихъ условіяхъ жизнь губерніи пойдетъ впередъ ускореннымъ темпомъ по пути прогресса и экономическаго преуспѣванія.

Александръ Голодниковъ.

Н. А. М—съ.

Не робѣй! Рукою нѣжной
Сдвинь скорѣе челнъ:
Пусть несетъ насъ въ путь безбрежный
По лазури волнъ!

* *
*

Пусть вѣтрило рветъ и мечетъ
Встрѣчный ураганъ:—
Отъ тоски и мукъ излѣчатъ—
Буря да туманъ!

*
* *
*

Пѣсню русскую, родную
Заведемъ съ тобой
И кручину роковую
Унесетъ волной.

Пав — ловъ.

По Алтаю.

(Продолженіе, -см. V и VII кн. за тек. годъ).

Отплывши версты двѣ отъ бома, мы услышали шумъ Сарокшинскаго порога, а чрезъ версту уже и переваливали его. Покачало, поколотило и помочило насъ порядочно; но переѣхали благополучно. Порогъ этотъ въ длину будетъ сажень полтораста или двѣсти и человекѣ, не привычному къ качкѣ, а въ особенности слабо-нервному, покажется на немъ довольно жутко. Плотъ какъ будто летитъ, ударяясь иногда о большіе крупные каменья, только-что покрытые водою. Волны воды, спереди, сзади и съ боковъ, такъ и рвутся на плотъ, окачивая васъ милліонами брызгъ. Шумъ страшный.

Подплывая къ Тулою (рѣчка, верстахъ въ 10-ти отъ Кебезеня), мы увидѣли и Тулойскій камень, омываемый съ одной стороны Тулоемъ, а съ другой — Біею. Объ камень этотъ въ большую воду, въ особенности когда сильно разыграется Тулой, разбилося не мало плотовъ и погибло не на одинъ десятокъ тысячъ разнаго рода сырья. Послѣднимъ, положившимъ все свое состояніе у этого камня, былъ нашъ знакомый осѣдлый инородецъ Антипъ Суртаевъ. Онъ похоронилъ у этого камня медъ, кожи, бѣлки, соболя, орѣхи и другаго сырья тысячъ на десять, чѣмъ и покончилъ свою торговлю, а теперь живетъ на своей заимкѣ, тоже, на Тулоѣ и занимается хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Поровнявшись съ камнемъ, мы увидѣли, что за нимъ, верстахъ въ полуторахъ, у берега стоятъ четыре плота:

— Что за чудо! плетишко, какъ будто бы мой, говоритъ намъ Михайло.

Всматриваемся пристально: на плотахъ показался народъ, машутъ.

— Да мой и есть! подтверждаетъ Михайло. — Да чего же они тутъ дѣлаютъ; вѣдь, имъ теперь уже нужно быть въ Турочакѣ, а ни какъ не у Тулоя?

Подплыли къ плотамъ, — спрашиваемъ: „что случилось?“

— У одного плота продольная оплотина изломалась! — отвѣчаютъ.

Остановились.

— Гдѣ же вожакъ то? спрашиваетъ хозяинъ.

— Ушелъ домой, и больше ѣхать не хочетъ! — кричатъ съ плоту.

Отправился хозяинъ осматривать плотъ.

Дѣйствительно, одна продольная оплотина у задняго сплотка оказалась отломленной и плотъ, вмѣсто нея, стянули канатомъ.

— Гдѣ и какъ, спрашиваетъ хозяинъ, изломали оплотину? Оказывается, что оплотину изломали о Тулойскій камень. Дѣло происходило такъ: на Біѣ, за полверсты отъ камня, являются два теченія—одно изъ нигъ, болѣе сильное, идетъ вдоль праваго берега рѣки прямо на Тулойскій камень, а другое отходитъ къ лѣвому берегу. Этимъ то, болѣе покойнымъ и неопаснымъ теченіемъ, хорошіе вожаки и проводятъ свои плоты. Тулойскій же вожакъ задумалъ вести плоты правымъ теченіемъ изъ желанія поскорѣе проплыть камень. Рабочіе, бывшіе съ нимъ, а въ особенности Иванъ изъ Турочаку, самъ проводившій уже нѣсколько разъ плоты, стали противъ этого протестовать, но, тѣмъ не менѣе, вожакъ поставилъ на своемъ и повелъ плоты подъ правымъ берегомъ.

Первые три сплотка мимо камня проскочили благополучно, а четвертый такъ сильно ударился оплотиною о камень, что она переломилась на двое. Къ счастью, у поперечной оплотины, на томъ концѣ, гдѣ изломалась продольная, былъ привязанъ канатъ (которымъ плоты привязываются, обыкновенно, къ берегу, когда ихъ нужно, остановить на ночь) и Иванъ (спорившій съ вожакомъ рабочіи) успѣлъ перекинуть канатъ на другой конецъ оплотка, гдѣ рабочіе, натянувши его, успѣли закинуть на конецъ другой поперечной оплотины, чѣмъ и замѣнили временно изломанную оплотину. Тѣмъ самымъ и спасли плотъ, иначе быстротой теченія его разбросало бы весь по бревну.

Остановивши плоты за камнемъ, такъ какъ плыть далѣе до исправленія оплотины было невозможно, вожакъ, вмѣсто того чтобы поскорѣе приступить къ перемѣнѣ изломанной оплотины, принялся ругаться съ Иваномъ и упрекать его за то, что онъ не могъ отбиться отъ камня и затѣмъ—отправился домой, говоря: „пусть Иванъ самъ ведетъ плоты, а онъ за это дѣло больше приниматься не хочетъ!“

Рабочіе до пріѣзда хозяина исправить плотъ себя обязанными не считали и потому цѣлые сутки лежали, грызли сухари и попивали чаекъ, да варили еще похлебку изъ молодыхъ утокъ съ ячменной крупкой. Благо утокъ по берегамъ Біи—масса, а ружье и порохъ Иванъ всегда возитъ съ собой.

— Ну, что намъ теперь дѣлать? Ъхать далѣе такъ нельзя. Прежде всего нужно исправить изломанную оплотину, а затѣмъ искать вожака.

Подобралъ хозяинъ бревно для новой оплотины и заставилъ рабочихъ долбить на немъ уши, а самъ поѣхалъ въ Тулой—искать вожака.

Сидимъ и ждемъ, что будетъ далѣе?...

Одинъ изъ рабочихъ взялъ литовку и пошелъ косить траву для лошадей, которыхъ мы вели на нашихъ сплоткахъ. Прошло

не болѣе 3-хъ или 4-хъ минутъ, какъ отъ берега изъ травы, прямо къ намъ на плоты поднялось цѣлое гнѣздо молодыхъ утятъ вмѣстѣ съ уткою и селезнемъ. Я не вытерпѣлъ, схватилъ лежащую около меня двустволку и выстрѣлилъ. Стая повернула поперекъ рѣки, а трое молодыхъ утятъ остались на мѣстѣ и медленно поплыли внизъ по теченію.

Ну, думаю себѣ, я подстрѣлилъ ихъ! Лодки нѣтъ, собаки не было, унесетъ водой, и только. „Дубина“, мысленно обругалъ я самъ себя, и взглянулъ на рѣку.

Смотрю—рабочій, который ушелъ косить траву, одного изъ убитыхъ мною утятъ уже поймалъ и подплываетъ къ другому, поймавъ второго, поплылъ къ третьему. Ну, значитъ, утята мои не пропали.

Оказалось, что рабочій этотъ и выгналъ ихъ изъ травы именно для того, чтобы дать мнѣ случай выстрѣлить. Мы, въ свою очередь, принялись чистить этихъ утокъ. Утята оказались отъ большой утки и жирные. Очистивши утятъ, мы принялись и варить ихъ. Тѣмъ времененъ вернулся Михайло.

Тулойскаго вожака онъ не засталъ дома, а другого никого найти не могъ, и потому, исправивши оплотину, порѣшилъ плоты довѣрить гнать за нами до Турочака Ивану, тѣмъ болѣе, что тутъ опасныхъ предстояло всего только два мѣста—Кузенскій порогъ и Ашеуловъ камень. Затѣмъ, Михайло, распросивъ Ивана о томъ, какъ онъ думаетъ гнать въ этихъ мѣстахъ плоты, и удовлетворившись его отвѣтами, порѣшили отправляться въ путь.

Нашъ салъ съ Михайловыми плотами пошелъ впередъ, а Иванъ сзади. На Кузенскомъ порогѣ насъ покачало порядочно, и въ среднемъ сплоткѣ выбросило три сутунка трехаршинныхъ и унесло водой,—Иванъ же со своими плотами проплылъ благополучно. Благополучно проплыли мы и Ашеуловъ камень, тоже не мало погубившій плотовъ.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Турочакъ.

Отъ села Турочакъ до деревни Ожинской.

Утромъ въ Турочакѣ мы встали рано и отправили лѣсорубочные наши билеты къ лѣсническому съ просьбою осмотрѣть поскорѣе и заклеить пригнанный лѣсъ. Осмотръ, клейменіе, счетъ да подсчетъ продолжались до 4-хъ часовъ вечера и только въ 5-ть часовъ мы, получивши билетъ, тронулись въ путь. Вожакъ у четырехъ заднихъ сплотовъ остался Иванъ, потому что въ Турочакѣ никого желающаго вести плоты не нашлось.

Верстахъ въ 5-ти ниже Турочака, на правомъ берегу Біи стоитъ, такъ называемый, Прагонный камень. Это высокая каменная стѣна (въ родѣ брандмауера), высунувшаяся въ Бію подъ прямымъ угломъ, сажень на 15 или на 20. О камень этотъ,

повидимому, такой страшный плоты не разбиваются, такъ какъ собственно сильнаго прибою къ нему нѣтъ; а напротивъ — плотъ, попавшій за него, если вожакъ не успѣетъ отбиться отъ теченія, начинаетъ гулять въ водоворотѣ безъ конца. И если вожакъ неопытный и попадетъ въ этотъ водоворотъ въ первый разъ, то будетъ гулять въ немъ сколько угодно времени, ибо выбиться даже бывалому изъ него можно не особенно скоро.

Водоворотъ этотъ мѣстные жители называютъ *праиономъ*, а камень — *праионнымъ*.

Чтобы проплыть этотъ камень благополучно опытные вожаки дѣлаютъ такъ: сажень за 150 или 200, оставляютъ струю теченія, прямо несущуюся къ концу камня, и поворачиваютъ по правому берегу рѣки, гдѣ теченіе очень лонованое и ровное; затѣмъ, подплывши къ камню, вмѣстѣ съ теченіемъ, идутъ возлѣ самага камня потихоньку на средину рѣки. Въ концѣ камня передній конецъ плота откалываютъ отъ камня шестами и лишь только отколютъ его на столько, что между плотомъ и камнемъ можно будетъ работать весломъ, то рабочіе на переднемъ отколотомъ концѣ по два человѣка со стороны начинаютъ сильно грести впередъ, чтобы успѣть переплыть сильную струю теченія въ то время, пока задній конецъ плота находится еще подъ защитою камня. Перейдя эту струю и выбравшись изъ нея, вожакъ потомъ уже безопасно пройдетъ не только мимо прогона, но и мимо *плиты*, находящейся саженьяхъ въ четырехъстахъ отъ прогоннаго камня.

Черезъ полчаса времени послѣ проѣзда плиты мы увидѣли на лѣвомъ берегу Біи и знаменитый Кипятокъ, о твердыни котораго каждое лѣто разбивается не одинъ плотъ.

Кипятокъ — это отвѣсная каменная стѣна, опускающаяся въ воду; длиною эта стѣна будетъ около версты и стоитъ на поворотѣ Біи.

П. Дмитріевъ.

(До слѣдующей книжки).

Миссіонеръ отецъ Лавель.

(Воспоминаніе былого).

„Маменька! расскажите мнѣ еще разъ про моего папу, какъ якуты хотѣли топить его“.

Такъ говорилъ пятнадцатилѣтній мальчикъ Петя, ласкаясь къ своей матери и заставляя ее, можетъ быть, въ сотый разъ рассказывать несчастное событіе изъ жизни своего родителя. Воспоминаніе о покойномъ отцѣ, должно быть, такъ нравилось

этому мальчику, что онъ каждый разъ, когда прїѣзжалъ изъ училища погостить къ своей матери, всегда просилъ ее рассказывать о немъ. Такъ было это въ августѣ мѣсяцѣ 1900 года. И вотъ какой рассказъ слышалъ я изъ жизни покойнаго отца Павла.

„Семнадцать лѣтъ тому назадъ не радостна была для насъ св. Пасха,—начала мать Пети, вдова, женщина лѣтъ сорока. Бывало, какъ дождешься свѣтлаго Христова Воскресенія, такъ нарадоваться не можешь—на душѣ какъ-то легко и отрадно, въ народѣ вездѣ встрѣчаешь привѣтъ да ласку. И народу около церкви и на колокольнѣ бывало много, и народъ такой веселый и колокольный звонъ гудѣлъ какъ-то привѣтно. Но не такъ было въ Пасху 1879 года. Еще въ страстную недѣлю въ нашемъ улусѣ народъ, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, началъ толпами собираться около своей управы,—судить и рядить о томъ, какъ бы не отдаться подъ работу золотопромышленнику. Шумъ, перемѣшанный съ бранными словами, и крикъ часто долетали до нашихъ ушей. Какой-то злонамѣренный человѣкъ распространилъ между ними молву, что миссіонеры и писаря продали якутовъ золотопромышленнику, что у нихъ есть указъ и бумаги, которыя надобно сыскать и отнять. Такой шумъ и крикъ якутовъ продолжался до свѣтлаго Христова Воскресенія. И въ этотъ великій праздникъ не образумились якуты и не почтили воскресшаго Господа. Никто почти не пришелъ ни къ утрени, ни къ литургіи—одни поселенцы да нѣсколько человѣкъ тунгусовъ посѣтили храмъ Божій. А къ улусной управѣ съ самаго утра изъ всѣхъ нашихъ улусовъ начало съѣзжаться несмѣтное множество народу. Къ вечеру шумъ, крикъ и брань усилились. До насъ дошли слухи, что улуснаго писаря утащили изъ дому въ управу, тамъ разодрали на немъ всю одежду, вырвали у него волосы на бородѣ и головѣ и жестоко высѣкли розгами, требуя отъ него золотопромышленническихъ бумагъ. Мужъ мой, желая уговорить взбунтовавшихся якутовъ, вышелъ изъ своего дому; съ нимъ вмѣстѣ вышла и я; дошла до церкви и остановилась тамъ на паперти. А отецъ Павелъ пошелъ въ управу къ шумѣвшей толпѣ народа. Долго онъ убѣждалъ якутовъ, что никто ихъ не отдавалъ золотопромышленнику, что никакого указа о продажѣ якутовъ, требуемаго ими, ни у кого нѣтъ, что они напрасно встревожились отъ ложной молвы, и просилъ ихъ успокоиться и разойтись по домамъ, отпустить и не тиранить писаря. Народъ какъ будто послушался своего духовнаго отца. И отецъ Павелъ пошелъ домой. Но едва отошелъ онъ отъ нихъ сажень на сто, а идти ему нужно было подлѣ церкви, какъ человѣкъ сорокъ якутовъ съ крикомъ: „лови его,—онъ морочить насъ, у него дѣла и указы о продажѣ насъ подъ работу золотопромышлен-

нику“,—бросились за нимъ ловить его. Но онъ поспѣшилъ взойти на церковную паперть, и мы заперли за собою двери. Долго съ крикомъ и проклятіями ходилъ народъ около оконъ храма. Иные намѣревались ломать стекла и выбивать двери, но другіе не приказывали наступать на храмъ Божій, а совѣтовали морить насъ голодомъ. Такъ провели мы первый день святой Пасхи. Въ страхъ и печали прошла ночь на понедѣльникъ. Съ восходомъ солнца снова толпы народа начали собираться—то около церкви, то около нашего дому, то около управы,—шумъ и говоръ не утихали. Около полудня вся бунтующая масса народа собралась къ одному мѣсту. Мы изъ любопытства вошли на колокольню—и что же увидѣли? Всѣ бумаги, находившіяся въ шкафахъ управы, были вынесены среди народа, и туда же вывели связаннаго по рукамъ, измученнаго и избитаго улуснаго писаря. Грамотный поселенецъ, выбранный толпою народа, началъ перебирать принесенные документы и искать указа о продажѣ якутовъ подъ работу золотопромышленнику. Когда же ничего не было найдено, тогда писаря повели къ озеру, раздѣли до-нага и начали на изстеганное въ кровь тѣло лить съ головы холодную воду. Ведеръ сто было вылито на несчастнаго, и онъ безъ чувствъ былъ брошенъ у озера. Потомъ народъ съ яростію бросился въ дома нашего дьякона и причетниковъ. Вездѣ все перерыли, вездѣ все переискали. Во время обыска дьякона не было дома. Опасаясь послѣдствій бунта якутовъ, онъ хотѣлъ тихонько скрыться изъ дому и уѣхать въ безопасное мѣсто, но имѣлъ несчастіе попасться въ руки бунтовщиковъ. За 15 верстъ отъ нашего улуса поймали его,—сняли съ него верхнюю одежду, связали ему руки, бросили его въ телѣгу и привезли обратно въ улусъ. Народъ, съ требованіемъ указа бросился къ нему. Дьяконъ кротко отвѣчалъ, что нѣтъ у него никакихъ указовъ, что онъ ничего не знаетъ. Тогда нѣкоторые изъ дерзкихъ якутовъ начали драть его за волосы, иные сѣкли его арканами, другіе плевали ему въ лицо,—и наконецъ, и его повели къ озеру обливать холодной водой. Много и долго терпѣлъ онъ, наконецъ, лишился чувствъ. И все это должны были мы видѣть; всю брань и угрозы должны были слышать.

Ярость взбунтовавшихся якутовъ не ограничилась тиранствомъ дьякона и писаря. Они бросились на церковнаго строителя,—„и онъ вмѣстѣ съ миссіонерами продалъ насъ“, и столь жестоко пытали и терзали несчастнаго, что онъ вскорѣ скончался въ жестокихъ мукахъ. Каково же было намъ, голоднымъ, сидѣть въ церкви и ждать себѣ подобной участи!

Въ такомъ неотрадномъ положеніи мы находились въ церкви трие сутокъ. Съ наступленіемъ четвертаго дня толпы народа около церкви и управы замѣтно стали рѣдѣть. Верстъ за двадцать

отъ нашего улуса, куда принадлежала наша управа, пріѣхали нарочные якуты созывать народъ на общій инородческій сходъ. Надобно сказать, что въ то время бунтовали якуты не въ одномъ нашемъ улусѣ, но во всемъ нашемъ округѣ и въ нѣкоторыхъ смежныхъ улусахъ. Когда народъ отозванъ былъ въ городъ Олекминскъ, мы ночью тихонько вышли изъ церкви къ себѣ въ домъ, и намѣрены были выѣхать изъ улуса въ безопасное мѣсто. Но едва успѣли придти домой и утолить свой голодъ, какъ человѣкъ двадцать якутовъ окружили нашъ домъ. Человѣкъ шесть пришли къ намъ въ кухню, расположились какъ у себя дома, стали присматривать за нами, чтобы мы никуда не скрылись, но не сдѣлали тогда ни мнѣ, ни о. Павлу никакого оскорбленія.

На другой день рано утромъ—это было въ пятницу на св. недѣлѣ—пріѣхали къ воротамъ нашего дома около 30 якутовъ,—кто съ арканомъ, кто съ коломъ, кто съ рогатиной, а у нѣкоторыхъ даже были ружья. Изъ нихъ человѣкъ восемь пришли къ намъ въ домъ и сказали: „мы пріѣхали по батька, инородческое общество зоветъ его въ думу“. Я какъ увидѣла якутовъ, такъ и замерла отъ страха; пала на грудь отца Павла и зарыдала; твой братецъ Митя, тетя и бабушка окружили насъ и также плакали.

Больно и грустно и тяжело было мнѣ и всѣмъ намъ разставаться съ о. Павломъ. Знали мы, что не радость, а мученіе и пытки, или даже самая смерть ожидаютъ его: мы видѣли, какъ мучили дьякона и писаря, какъ тиранили строителя, и чувствовала въ сердцѣ своемъ, что тоже, если не худшее ожидаетъ и о. Павла. Жалко было намъ, а пособить было нельзя. Что могли сдѣлать мы, слабыя, беззащитныя женщины противъ вооруженной толпы? Они видѣли нашъ плачъ, наши слезы и не тронулись ими. Мы, на колѣняхъ, просили оставить о. Павла въ покоѣ не возить его, но они не послушали нашей просьбы, а повторили снова, что большое инородческое общество зоветъ батьку къ себѣ на отвѣтъ. Что было дѣлать? Нужно было собираться. Одѣлся онъ и пошелъ за ворота, а я въ слезахъ, обезсиленная отъ скорби, съ двухлѣтнимъ Митей побрела провожать его. Сѣлъ онъ въ якутскую худенькую телѣженку; сѣли съ нимъ тутъ и три якута. Снялъ онъ шляпу и, глядя на церковь, перекрестился. Я поднесла ему своего сына,—онъ, благословляя его, прослезился; горячая слеза коснулась щеки моей, когда онъ прощался съ нами. Потомъ онъ снова перекрестился и тронулась съ нимъ телѣга, а за ней и всѣ пріѣхавшіе якуты. Упала я тогда на землю и не помню, какъ меня принесли въ комнату,—а когда я пришла въ сознаніе, снова тяжелая грусть, какъ камень, задавила мнѣ сердце. Я думала, что мнѣ больше

не увидать о. Павла, или увижу его, но измученнаго, истерзаннаго, обезображеннаго. Одна мысль чернѣе, мрачнѣе другой гнѣздились въ головѣ моей и не давали мнѣ покоя. Присѣла я къ окну и смотрѣла въ даль за церковь по дорогѣ, которая вела въ городъ Олекминскъ, все ждала, не пріѣдетъ ли оттуда кто-нибудь и не скажетъ ли что-нибудь о моемъ о. Павлѣ. Такъ просидѣла я до восьми часовъ вечера. А какъ мучительно долго тянулось тогда время: часы казались сутками! Я все ждала и смотрѣла. Отъ напряженнаго ли зрѣнія или отъ сердечной боли, только слезы постоянно накатывались на глаза мои и туманили мой взоръ. Я протру ихъ платкомъ, осушу ихъ и опять смотрю. Чувствовало тогда мое сердце, что я не напрасно смотрю, что я должна увидѣть его; но предчувствіе мое не оправдалось.

Передъ закатомъ солнца, вдали по дорогѣ къ городу, показалась черная точка, потомъ другая, и онѣ, чѣмъ ближе подвигались, тѣмъ болѣе росли и росли. Наконецъ, можно было видѣть людей, ѣдущихъ въ телѣгахъ и верхомъ. Народу ѣхало долго и много. У меня такъ и забилося сердце, я такъ и хотѣла проникнуть взоромъ въ эту движущуюся массу, нѣтъ ли въ ней моего о. Павла.—узнать, живъ ли онъ, здоровъ ли? Но дорога, версты за полторы передъ самымъ улусомъ, проходила лѣсомъ и ложбиною; такъ трудно, даже невозможно было узнать, кто проѣзжалъ и кого провозили въ улусъ къ управѣ. Потому я послала няню маленькаго Мити—распросить, гдѣ о. Павелъ, не случилось ли чего съ нимъ? Чрезъ полчаса няня прибѣжала въ слезахъ и говоритъ: „Матушка! нашего батюшку прикованнаго къ телѣгѣ привезли изъ города; шелъ онъ почти всю дорогу пѣшкомъ, измучился и усталъ; а ему и отдохнуть не дали и не накормили, а прямо посадили при управѣ въ каталажку за желѣзную рѣшетку и заперли тамъ, чтобъ завтра утромъ надъ нимъ судъ чинить“.

Что было мнѣ дѣлать при такой убійственной вѣсти? Первою моею мыслию было идти къ нему, увидаться съ нимъ, упросить якутовъ выпустить его домой. Но обдумала, что это невозможно: человекъ десять бунтовщиковъ стерегли меня.

Въ скорби душевной, не находя въ себѣ силъ пособить своему горю и не видя вокругъ себя ни отъ кого помощи, я обратилась съ молитвою къ Заступницѣ нашей, предъ Нею излила всю скорбь своего сердца, отъ Нея просила себѣ отрады и облегченія участи моего мужа. Я молила Ее, чтобы Она не разлучила меня и моего малютку съ нимъ. Всю ночь я не могла сомкнуть глазъ, не спали со мною вмѣстѣ тетя и бабушка; одинъ только Митя, лежа на кровати, наслаждался безмятежнымъ сномъ. Я какъ посмотрю на него, такъ и прошибетъ меня слеза. Много въ это время передумало и перечувствовало мое материнское сердце!

А что въ то время думалъ о. Павелъ, удаленный отъ насъ, заключенный въ сырую тѣсную конуру?! Тамъ не брошено ему было для отдыха ни кошмы, ни подушки; не дано ему было для ночи и сальнаго огарка; однѣ только голыя доски были для него ложемъ,—лишили его даже и куска хлѣба, ему сказали: „завтра приведутъ къ озеру, такъ напьешься“.

Что же могъ онъ чувствовать отъ окружающей его обстановки; что могъ онъ подумать объ ожидающемъ его будущемъ?! Онъ покорился необходимости и молчалъ, погрузившись въ черныя, какъ ночь, свои думы, и ждалъ безотраднaго утра. Вотъ начало приближаться и утро.

Свѣтъ, пробившись сквозь щели досчатой заборки, проникъ и въ мѣсто его заключенія. Зашевелились сторожа управы, заходилъ народъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше было слышно шуму и говору. Не смотря на то, что тогда былъ послѣдній день Пасхи, не слышно было колокольнаго звону и народу не было видно около церкви. Она, матушка, какъ будто осиротѣла; никто не шелъ въ нее изъ ея служителей: ни якуты, ни русскіе не брели въ нее, какъ будто всѣ стали чуждаться ея.

День съ утра былъ такой солнечный, но холодный и вѣтренный. Около обѣденъ солнышко скрылось за тучки и весь день не показывалось. Народъ, пообѣдавши, началъ съѣзжаться изъ сосѣднихъ улусовъ къ управѣ. Мимо нашихъ оконъ то и дѣло проѣзжали якуты къ сборному мѣсту. Когда ихъ много собралось, тогда и начали судъ чинить надъ о. Павломъ: вывели его изъ каталажки на улицу и поставили среди народа,—и одинъ изъ якутовъ порѣчистѣе, говоритъ ему: „отдай, батька, бумаги, которыми вы, попы, вмѣстѣ съ писарями продали насъ, якутовъ, подъ работу золотопромышленнику. Грамотные поселенцы говорятъ, что эти бумаги у васъ спрятаны; мы знаемъ, что уже вы продали насъ, и мы теперь цѣлыхъ пять лѣтъ должны работать на золотопромышленника. Бѣлый царь не заставилъ бы насъ загоны городить, картофель да пшеницу сѣять въ нихъ; да какія-то новыя сохи строить;—нынѣ, что недѣля, то новинка какая нибудь придетъ въ управу, и все въ тягость намъ—да ужъ и начальство то инородческое не въ могоуту намъ стало—все притуганиваетъ насъ къ какимъ то новинкамъ, да поборамъ—на стать золотопромышленникамъ. Мы вѣдь слыхали отъ знающихъ людей что у золотопромышленниковъ дѣлается: тамъ и бабы, и мужчины подъ землей работаютъ,—и у насъ теперь тоже начинается творится. Скажи, батька, всю правду гдѣ указъ, которымъ вы продали насъ. Скажи, мы и не потрогаемъ тебя, а только возьмемъ его къ себѣ, чтобъ не работать на золотыхъ пріискахъ.“

Что ни говорилъ имъ о. Павелъ въ опроверженіе ихъ заблужденій—все было напрасно. Они не повѣрили его словамъ

и, оставивъ его подъ карауломъ, пошли къ намъ въ домъ для обыску.

Съ крикомъ и бранью они вошли въ наши комнаты, стали требовать для обыска всѣ шкафы и сундуки. Я сказала: что хотите, то и дѣлайте, а у меня ничего не спрятано. Тогда они отперли мои сундуки—все изъ нихъ выбросали, все перетрясли, все измяли, всѣ мѣха и бѣлье переверочали и скомкали. Не удовольствовавшись этимъ, нѣкоторые пошли на вышку, другіе въ амбаръ,—тамъ вездѣ и все обшарили и пересмотрѣли,—въ домѣ каждый уголокъ былъ пересмотрѣнъ, каждая вещь общупана и сдвинута съ своего мѣста. Наконецъ, начали ломать полъ въ горницѣ, принесли ломъ и пещню и вскрыли половицу. Когда и тамъ никакихъ бумагъ не оказалось,—злость стала бѣсить ихъ. Они начали ходить по разбросанной одеждѣ, топтать что попадалось подъ ногу; нѣкоторые даже начали мнѣ угрожать пыткой. „Надо плетью поподчивать попадью или покупать у озера такъ скажетъ, гдѣ спрятаны бумаги“, но одинъ старикъ изъ среды ихъ сказалъ: „мы за нее не отвѣчаемъ хоть и побьемъ ее, а отвѣтимъ, ребята, за ребенка, который у ней,—вишь она непраздна; а что какъ выкинетъ отъ нашихъ побоевъ, да мертвого, тогда намъ не уйти отъ острога,—нѣтъ, ребята лучше оставьте ее, да пойдете къ попу, станемъ его пытать“. И безумная толпа со злостью пошла изъ нашего дому къ управѣ.

Несмотря на его оправданія, что онъ невиноватъ, что у него нѣтъ того, что они требуютъ,—они его не слушали сняли съ него подрясникъ и начали лить на голову воду. Неудовлетворившись этой пыткой, одинъ изъ якутовъ закричалъ, что надо топить его,—другіе подхватили: „надо топить“. И вотъ принесли веревку, сдѣлали изъ нея петлю и надѣли на тѣло подъ мышки, потомъ въ другой разъ обернули веревку кругомъ тѣла и завязали узелъ, а концы привязали къ соснѣ и обмотали около нея. О. Павелъ, дрожа отъ холода и страха, благословилъ трепещущею рукою озеро, чтобы опуститься въ него. Но въ эту минуту прибѣжалъ якутъ и съ сильною энергическою бранью закричалъ на якутовъ: „какъ вамъ не стыдно топить духовнаго отца, отпускать душу на смерть безъ покаянія“ и, съ силой пробившись къ о. Павлу, началъ развязывать на немъ веревку. Якуты начали было противиться. Тогда о. Павелъ сказалъ: „прошу васъ, дайте мнѣ сходить домой и проститься съ своимъ семействомъ; вы знаете, что у меня есть жена и малютка сынъ,—дайте мнѣ въ послѣдній разъ поглядѣть на нихъ и благословить ихъ; посмотрите, какъ я продрогу, едва могу говорить съ вами; по крайней мѣрѣ въ своемъ семействѣ согрѣюсь и приготовлюсь къ смерти. Я отъ васъ никуда не убѣгу; тогда что хотите, то со мной и дѣлайте“. Нѣкоторые изъ якутовъ, сжалившись надъ

просьбою о. Павла, развязали его и подъ карауломъ чловѣкъ десяти привели къ намъ. Одни изъ нихъ остановились въ кухнѣ, а другіе сѣли у воротъ и сѣнныхъ дверей, сторожа выходъ. Безумные, они не понимали, что мы, обезсиленные горемъ, нетолько не думаемъ о побѣгѣ, но едва двигаемся по комнатѣ! Не помню какъ я встрѣтила отца Павла, не помню какія были мои первыя слова при встрѣчѣ съ нимъ, только помню, что его лицо было посинѣлое, губы дрожали, волосы на головѣ и бородѣ были мокрые въ беспорядкѣ, рубаха также была мокра и прильнула къ тѣлу. Я велѣла поставить самоваръ, дала о. Павлу валявшееся на полу сухое бѣлье; надѣла на него теплый подрясникъ и принимала всѣ мѣры, чтобы согрѣть его. Пришла къ намъ туть тетя и бабушка съ маленькимъ Митей, отецъ взялъ малютку на руки и заплакалъ.

„Послѣдній разъ,—сказалъ онъ,—я держу тебя; останешься ты сиротой, и дологъ и труденъ вѣкъ покажется тебѣ; подросешь ты и станешь спрашивать про своего папу, а тебѣ укажутъ только его могилку и скажутъ: „папа у Бога“. Онъ прижалъ сына къ своей груди и зарыдалъ, заплакалъ и малютка, а мы всѣ въ нѣмомъ горѣ смотрѣли на эту сцену; слезы катились по щекамъ нашимъ. Долго никто изъ насъ не рѣшался нарушить благоговѣйную тишину,—всѣ смотрѣли на о. Павла въ безмолвіи.

„Да,—сказалъ онъ первый, я пришелъ проститься съ вами и благословить васъ. Не привелъ видно мнѣ Господь побольше пожить. Въ ранней молодости прекратятся дни мои. Сокрушаюсь я о томъ,—обратился онъ ко мнѣ, что долга и горька тебѣ покажется жизнь твоя безъ меня. Тебѣ еще нѣтъ и двадцати лѣтъ, а твоему малюткѣ и двухъ лѣтъ, что же ожидаетъ васъ въ будущемъ? Но да будетъ воля Божія!“ Онъ всталъ и подошелъ къ иконѣ Заступницѣ Божіей Матери и мы всѣ подошли и начали молиться. Вдругъ во время молитвы, услышали шумъ за воротами и движеніе въ кухнѣ, смежной съ нашей горницей. Отворяемъ двери, смотримъ,—тамъ уже изъ якутовъ никого нѣтъ. Смотримъ въ окно—но! какая радость: чловѣкъ тридцать казаковъ проходило мимо нашего дома по направленію къ управѣ. О. Павелъ сколько было силъ сталъ стучать въ окно, кричать и звать къ себѣ. Подѣхалъ офицеръ и сказалъ: „не беспокойтесь, батюшка, насъ много, и вы внѣ опасности“. Тогда онъ далъ распоряженіе нѣкоторымъ казакамъ остаться около дома, а прочимъ идти къ управѣ,—и самъ вошелъ къ намъ въ комнаты.

„Видно у васъ Мамай воевалъ въ домѣ,—сказалъ онъ, все разбросано, смято и разбито“. Мы рассказали ему все подробно о беспорядкахъ якутовъ. Онъ успокоилъ насъ, что подобныхъ

своеволей не будетъ болѣе, что „я дотолѣ не уйду съ своими казаками изъ вашего мѣста, пока все не успокоится здѣсь“. Мы слушали отъ него это радостное слово и, какъ-будто, боялись ему вѣрить; намъ казалось это обманомъ чувствъ. Такъ неожиданно поражены были мы благовременнымъ прибытіемъ всеннаго отряда! Опоздай онъ часомъ,—и Богъ знаетъ, что-бы было съ нами! Я была увѣрена, что якуты, по своему предубѣжденію, по своей злости, исполнили-бы свои угрозы; на нихъ не подѣйствовали-бы ни наши мольбы, ни наши слезы. Но благодареніе Богу, что такъ благополучно разрѣшилась тогда предстоящая гроза!

Офицеръ со своими казаками пробылъ у насъ цѣлый мѣсяцъ. Зачинщики бунта были переловлены и отправлены нѣкоторые въ городъ Якутскъ, а другіе на каторгу. У насъ въ улусѣ и около насъ въ улусахъ было водворено спокойствіе.

Но не прошло это несчастное событіе безъ худыхъ послѣдствій для о. Павла. Онъ отъ простуды захворалъ—открылась у него горячка, потомъ чрезъ два мѣсяца сильный кашель и опухоль; и послѣ того, въ продолженіи двухъ лѣтъ, рѣдко былъ онъ здоровъ, а въ маѣ мѣсяцѣ 1874 года скончался.

Епархіальное начальство наградило его за терпѣніе набедренникомъ. Вотъ документъ,—и она указала на бумагу, висѣвшую на стѣнѣ въ деревянной рамкѣ, который я храню и который напоминаетъ мнѣ несчастное прошедшее».

Такъ закончила вдова свой рассказъ объ о. Павлѣ. Я всталъ, подошелъ къ стѣнѣ и прочелъ:

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

„Миссіонеру Олекминскаго округа, Нерюктейскаго улуса, Павлу Нерчинскому. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 22 апрѣля 1871 года за № 5438, предписано васъ, миссіонера Павла Нерчинскаго, изъ уваженія къ благоразумнымъ дѣйствіямъ во время мятежа между инородцами, наградить набедренникомъ“...

Много грустныхъ думъ навѣялъ на меня рассказъ объ о. Павлѣ. Тутъ мнѣ представилось: и непонятая якутами заботливость правительства объ улучшеніи ихъ быта, и понятіе якутовъ о работѣ на золотыхъ пріискахъ, и ихъ энергическая рѣшимость—не отдаться во власть золотопромышленнику; ихъ желаніе крѣпко стоять за блага царя. И сколько вслѣдствіе этихъ

понятій и заблужденій наказано бунтовавшаго народу, сколько сослано на каторгу и умерло подъ пулей казаковъ?! Сколько отъ этого осталось осиротѣвшихъ семействъ безъ надзора и руководителя? Сколько разорилось хозяйствъ отъ утраты рабочихъ рукъ и сколько, наконецъ, прежде времени сошло въ могилу отъ самыхъ бунтовщиковъ! И все это отъ заблужденія,—отъ желанія якутовъ свергнуть съ себя налагаемое на нихъ, по ихъ понятіямъ, насильственное иго работъ на золотыхъ приискахъ....

П. Куз—ъ.

Смѣсь.

Пѣсни забытыхъ людей.

Нѣкоторыя мѣстности далекаго, холоднаго, безпріютнаго Якутскаго края съ 40-хъ годовъ избраны были для поселенія въ нихъ ссыльныхъ скопцовъ (ранѣе они ссылались и въ Туруханскій край). Съ теченіемъ времени, количество ссыльныхъ скопцовъ въ Якутской области начинаетъ уменьшаться, вѣроятно, отъ того, во первыхъ, что число послѣдователей скопческой секты, а слѣдовательно и число ссыльныхъ, уменьшается подъ вліяніемъ распространяющагося просвѣщенія; а вторыхъ—отъ естественной убыли скопческаго населенія. Вымрутъ сибирскіе скопцы—умрутъ съ ними и ихъ пѣсни, сложенные въ изгнаніи на чужбинѣ.

Пѣсни Сибирскихъ скопцовъ, правильнѣе стихи и распѣвы, слишкомъ мало извѣстны, а въ печати, сколько мнѣ извѣстно, и совсѣмъ не появлялись. Мнѣ случайно досталась громадная рукопись, съ нѣсколькими стами скопческихъ распѣвовъ—обрядовыхъ, обличительныхъ, „начальныхъ“ и даже, такъ сказать, эпическаго характера. Стихи и распѣвы эти представляютъ, по моему мнѣнію, извѣстный интересъ не только въ смыслѣ изученія обрядовой стороны скопческой секты, но и чисто этнографическій. Вотъ почему я и намѣренъ, если будутъ благоприятствовать обстоятельства, въ будущемъ издать упомянутую выше рукопись въ значительной ея части. Теперь-же я подѣлюсь нѣсколькими изъ распѣвовъ сибирскихъ скопцовъ съ читателями „Сибирскаго Наблюдателя“.

Н. А. Гурьевъ.

I.

На восточной сторонѣ, въ Туруханской во землѣ
Въ пятьдесятъ восьмомъ году
Во Израильскомъ роду
Застснали, зутужали всѣ послѣдніе сироты

Горючія слезы лили,
 Бога—Батюшку просиди
 Умилась наша надежда,
 Искушитель, Живой Богъ!
 Мы скучились холодать,
 Душой, тѣломъ голодать.
 Власти гонять, „свои“ быють,
 Жить въ просторѣ не даютъ,
 За нами все дозируютъ,
 Вкупѣ быть не позволяютъ,
 Не велятъ славить Творца,
 Тебя, нашего Отца.
 Обольщаютъ и стращаютъ,
 На широкъ путь совращаютъ,
 Кто-жъ тебя хочетъ забыть,
 Обѣщаютъ воротить..
 О, Надежда! Ты услыши,
 Подай помощи намъ свыше,
 Помогни намъ Крестъ нести
 И свои души спасти.
 Укрѣпи ты въ своей вѣрѣ,
 Мы готовы-же измѣрить
 Всю ту хладную Сибирь,
 Гдѣ Ты, Батюшка, самъ былъ.
 Искушитель услышалъ,
 Черезъ Духа прѣвѣщалъ:
 „Вы Страдатели скорцы
 И дѣль Божіихъ дѣльцы!
 Крестъ безъ ропота несите,
 Тѣмъ свои души спасите,
 За зло добромъ платите —
 И себя обогатите
 Но не явнымъ богатствомъ,
 А небеснымъ, други, царствомъ.
 А еще, други, скажу,
 Васъ отсюда провожу
 Дальше, други, на Востокъ
 Куда ходилъ самъ Господь.
 Тамъ земля Обѣтованна
 И Даваться будетъ манна
 Со седьмого, други, неба:
 Не останетесь безъ хлѣба.
 Тамъ всего я урожу,
 А васъ дальше провожу
 Во Якутскій, други, край
 И устрою тамъ свой Рай.
 Только вы, мои любезны,
 Испушайте рѣки слезны
 О своихъ вы объ душахъ,
 Такъ никто не будетъ нагъ.
 Любовь Божью наблюдайте,
 Креста съ себя не складайте.
 Святымъ Духомъ вы владайте,
 Купно въ любви пребывайте.
 Такъ и въ дальней сей странѣ
 Всегда будете при мнѣ.
 Укромчу лютыхъ звѣрей

И непутевыхъ людей
 Урожу явнаго хлѣба—
 Берегитесь только лѣва (?)
 Будьте всегда во исправѣ
 И держитесь страны правой“.
 Глаголь этотъ совершился,
 И Израиль снарядился
 Во путь, дальнюю дорогу.
 И просили всѣ въ помощь
 Милосерднаго Творца,
 Искупителя Отца.
 Трудно было имъ итти..
 Ужъ не знали какъ и быть!
 Кандалы хотъ не носили,
 А слезъ много поросили.
 Но тѣмъ себя утѣшали,
 Что Божью волю совершали.
 До Иркутска доходили
 И мѣста тѣ находили,
 Гдѣ Батюшка пребывалъ,
 Сиротушекъ всп миналъ.
 Труханцы тѣмъ утѣшались
 Да и далѣ собирались.
 А по этой по дорогѣ,
 Былъ имъ Батюшка въ помогѣ
 Доходили до Олекмы,
 И Якутскаго тѣ граду—
 И тутъ они поселились,
 Вкупѣ Господу молились,
 Чтобы Батюшка родимъ,
 Да всего имъ уродилъ
 Искупитель—Государь
 Скоро въ Духѣ проглашалъ:
 „Страдатели не тужите,
 На Востокъ-страну идите!
 На Алданъ я и на Маю ¹⁾
 Многихъ изъ васъ призываю
 Хошь страна она и дика
 Да Вышній велѣлъ Владыка
 Своимъ вѣрнымъ, избраннымъ
 Побывать въ странѣ сей дальней.
 Такъ извольте мои дѣти
 Ради душъ своихъ терпѣти.
 Претерпѣвшій до конца,
 Не лишенъ будетъ вѣнца.
 Страды ваши опишу,
 По всей землѣ разошлю
 Въ увѣреніе народу,
 А вы ждите того году,
 Какъ явлюся, вашъ Отецъ,
 Сотворю дѣлу конецъ:
 Суда страшна дожидайтесь,
 Подъ покровомъ оставайтесь.

¹⁾ Алданъ и Мая—рѣки Якутской области. верстахъ въ 200-хъ за Якутскомъ.

II.

Запоемъ „Христось воскресъ“
 Мы въ соборѣ теперь, здѣсь.
 Станемъ просить отъ престола
 Не дають намъ жить простору,
 Вездѣ гонять, тѣснить, бьютъ
 Въ Сибирскія края шлютъ
 А мы съ радостью претерпимъ
 Пускай мучать хоть до смерти.

Сибирскіе отголоски.

(Виды на урожай. Ожидаемое бѣдствіе. Общая причина упадка сельскаго хозяйства. Борьба съ неурожаемъ. Что вліяло на малоуспѣшность общественной помощи. Организация помощи населенію въ Германіи. Экономическое положеніе сибирскаго крестьянина. Что нужно предпринять. Общество содѣйствія устройству сельскихъ бесплатныхъ библіотекъ - читаленъ въ Томской губ. Два слова объ обществѣ и вообще о сибирскихъ обществахъ. Общественный индифферентизмъ).

Тяжелыя тревожныя вѣсти о видахъ на урожай уже приходятъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири. Далекой окраинѣ грозитъ недородъ на значительномъ пространствѣ. Остановливаясь на сообщеніяхъ мѣстной прессы легко прійти къ заключенію, что мы стоимъ на рубежѣ къ новому бѣдствію, со всѣми его ужасными послѣдствіями, размѣры котораго въ данное время, за отсутствіемъ статистическаго матеріала, еще трудно опредѣлить. Засуха и страшные жары, а гдѣ и кобылка, на громадныхъ пространствахъ Тобольской, Томской, Енисейской губ., и Степного края въ конецъ подорвали въ крестьянскомъ населеніи всякую надежду на какой-либо урожай не только хлѣба, но и травъ и нынѣшнее положеніе дѣлъ слѣдуетъ признать дѣйствительно серьезнымъ. Надвигается грозное неумолимое бѣдствіе! Замѣтное повышеніе цѣнъ на зерно, муку и овесъ и появленіе на рынкахъ, хотя и не вездѣ, лишняго крестьянскаго скота служатъ, по нашему мнѣнію, наилучшимъ показателемъ обостряющагося положенія. Необходимо, стало быть, подумать о недалекомъ будущемъ и приготовить къ предстоящей борьбѣ съ послѣдствіями недорода. Но, что предпринять? Какъ организовать помощь? На какихъ филантропическихъ начинаніяхъ слѣдуетъ остановиться? Вотъ вопросы, которые заслуживаютъ самаго широкаго вниманія и администраціи, и общества. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что недороды прошлыхъ лѣтъ, замѣтно расшатавшіе хозяйство крестьянской массы въ метрополіи, выдвинули на очередь другіе болѣе сложные вопросы. Борьба съ недородами палліативными мѣрами, направленная исключительно на ослабленіе ближайшихъ послѣдствій неурожаевъ, какъ мѣра временная, далеко не исчерпываетъ и не разрѣшаетъ общаго вопроса. Вслѣдъ за нею воз-

никаетъ убѣжденіе въ необходимости предупредить возможность повторенія бѣдствій и въ будущемъ или же, по крайней мѣрѣ, изыскать способы, осуществленіемъ которыхъ возможно было-бы устранить общіе тормазы народнаго хозяйства и улучшить вообще бытовыя условія.

При настоящемъ экономическомъ положеніи Россіи, говоритъ журналъ „Знамя“, при разнообразіи ея мѣстныхъ условій и полномъ незнаніи рабочей массой не только своей родины, но даже своего уѣзда и деревни, вопросъ о знаніи, объ умѣломъ приложеніи труда является вопросомъ существованія и въ будущемъ залогомъ благосостоянія государства. Такимъ образомъ, только развитіемъ въ трудящихся классахъ самодѣтельности, солидарности, пониманія жизни и сознательнаго отношенія къ своимъ интересамъ возможно поспособствовать многомилліонной массѣ вступить на болѣе свѣтлый путь своего хозяйственнаго развитія.

Но для этого недостаточно одного росчерка пера. Необходимо время, дружная работа общественныхъ силъ и тщательное изученіе условій переживаемой дѣйствительности. Дѣятельность правительства пошла именно въ этомъ направленіи. Что будетъ достигнуто—вопросъ будущаго, а пока единственное средство палліативныя мѣры. Опытъ предшествовавшихъ лѣтъ, однако, показалъ, что, обращаясь къ этому средству, мы всегда запаздывали со своею помощью, и вступали въ борьбу съ бѣдствіемъ лишь тогда, когда оно принимало тревожные размѣры. Все это отражалось на общихъ интересахъ: съ одной стороны помощь являлась запоздалой, съ другой—вызывало усиленные матеріальныя жертвы и интенсивную работу общественныхъ силъ. Другимъ болѣе крупнымъ тормазомъ въ облегченіи участи пострадавшихъ всегда являлось отсутствіе умѣлой организаціи дѣятельности. Правительство, земство, наконецъ, отдѣльныя корпораціи—работали разрозненно. Въ ихъ дѣйствіяхъ не было согласованности, гармоніи, а это отнимало совершенно непроизводительно время, трудъ и деньги. Наличnosť всѣхъ этихъ неблагопріятно складывавшихся обстоятельствъ и повтореніе однихъ и тѣхъ-же ошибокъ сами собою подсказали необходимость всегда быть готовыми къ борьбѣ съ послѣдствіями недорода. И надо отдать справедливость взгляду этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Дѣйствительно, лучше заблаговременно обдумать и взвѣсить всѣ обстоятельства, выработать планъ организаціи помощи и мѣръ борьбы, чѣмъ прибѣгать на помощь тогда, когда бѣдствіе уже приняло грозные размѣры. „Рука дающая во-время, даетъ вдвое“ и этого не слѣдуетъ забывать тамъ, гдѣ все построено на филантропическихъ началахъ.

Посмотрите, какъ это дѣлаютъ на Западѣ. Германію, въ текущемъ году, по словамъ „Рус. Вѣд.“, ожидаетъ серьезный невро-

жай. И вотъ, пока что, а уже выработана программа помощи потерпѣвшему отъ неурожая населенію. Послѣ совѣщанія трехъ министровъ, говоритъ газета, съ представителями крестьянскихъ обществъ установлены слѣдующія мѣры: 1) государство отпускаетъ необходимыя суммы въ видѣ безпроцентнаго займа на пять лѣтъ на покупку сѣмянъ, корма, соломы, удобреній; 2) всѣ подати съ населенія частью отсрочиваются; 3) если требуется, то деньги будутъ розданы на руки наиболѣе пострадавшимъ или-же денежныя субсидіи крестьянскимъ товариществамъ. Кромѣ того, предположено сбавить желѣзнодорожныя тарифы на сельско-хозяйственные продукты. Помощь должна быть оказана въ размѣрѣ настолько широкомъ, чтобы, не смотря на необычайный неурожай, нигдѣ не ощущалось-бы не только голода, но и замѣтнаго ухудшенія въ хозяйствѣ.

Насколько эти мѣры существенны—разбирать не будемъ. Наша цѣль была лишь указать и болѣе нагляднѣе подчеркнуть необходимость заблаговременной организаціи помощи и у насъ въ Россіи. Всего болѣе въ организаціи такой помощи въ Россіи нуждается сибирская деревня. Надо имѣть въ виду, что экономическое положеніе сибирскаго крестьянина въ послѣдніе годы значительно пало. Съ проведеніемъ великаго сибирскаго пути и уменьшеніемъ круга подсобныхъ неземледѣльческихъ промысловъ, бытовыя условія сибирскаго крестьянина сильно измѣнились. Жизнь быстро пошла впередъ и стала диктовать свои условія, требуя отвѣта на болѣе или менѣе жизненные вопросы и не получала его. Отсутствіе стройности въ переселенческомъ движеніи и близкаго къ народу земскаго самоуправленія, а также дешеваго кредита—все это постепенно вносило разладъ въ экономическіе интересы сибирской деревни и положеніе ея измѣнилось.

Правда, здѣсь въ Сибири мы еще не наблюдаемъ того процесса дифференціаціи народнаго хозяйства, который тамъ въ метрополіи достигъ уже значительныхъ границъ и выдѣлилъ высокій процентъ обезземелившагося крестьянства, но за то намъ уже извѣстно, что сибирскіе крестьяне всѣ свои хлѣбныя запасы двинули на европейскіе рынки и задолженность ихъ высоко поднимается. Ростъ слабыхъ, однолошадныхъ хозяйствъ все болѣе и болѣе увеличивается, и, наконецъ, параллельно съ этимъ расширяется сфера дѣятельности разныхъ сибирскихъ „міроѣдовъ“, ростовщиковъ и пр. Такова въ общихъ чертахъ картина экономического положенія сибирской деревни.

Переходя отсюда къ надвигающемуся бѣдствію легко уже самому сдѣлать выводы. Несомнѣнно, послѣдствія его, если не будетъ своевременно принято надлежащихъ мѣръ, приведутъ къ печальнымъ результатамъ и мы думаемъ, что всѣ истинные рус-

скіе люди, которымъ дорогъ свой народъ, должны прійти на помощь.

Въ Сибири дѣло организаціи помощи населенію нѣсколько усложняется. Благодаря отсутствію земскихъ установленій, удобныхъ путей сообщенія и огромнымъ разстояніямъ, дѣло установленія правильной дѣйствительной помощи можетъ встрѣтить большія затрудненія. Поэтому всего лучше было-бы теперь-же попробовать, такъ сказать, оріентироваться въ обстановкѣ и выяснить предстоящія задачи. Главнымъ образомъ, необходимо собрать болѣе точныя свѣдѣнія о размѣрахъ недорода и, въ зависимости отъ собранныхъ данныхъ, приступить къ подготовительнымъ работамъ по выработкѣ плана дѣйствій. Подробно говорить здѣсь о томъ, что нужно предпринять, какія наиболѣе дѣйствительны мѣры—мы не будемъ. Опытъ истекшихъ неурожайныхъ годовъ достаточно рѣзко подчеркнул отрицательныя и положительныя стороны общественной помощи и потому весь вопросъ сводится лишь къ необходимости не повторить ошибокъ пережитаго.

Не слѣдуетъ забывать, что „къ фактамъ страшнаго обѣднѣнія населенія, какъ это совершенно правильно замѣчаетъ „Трудовая помощь“ (официальный органъ), нельзя относиться равнодушно. А между тѣмъ грозное значеніе ихъ постоянно усиливается новыми временными бѣдствіями, посѣщающими страну. Когда грозный и ужасный вопросъ о систематическомъ упадкѣ націи стоитъ передъ глазами, когда призракъ бѣды угрожаетъ ~~всемъ~~ чѣмъ дорожить человѣчество,—необходимо собрать всѣ силы, всѣ средства, все—чѣмъ располагаемъ мы, чтобы спѣшить на борьбу съ надвигающимся зломъ“.

На этой многоговорящей краткой выпискѣ мы и покончимъ съ этимъ вопросомъ и перейдемъ къ другому, болѣе свѣтлому явленію на сѣромъ фонѣ сибирской дѣйствительности.

Въ Томскѣ, по инициативѣ нѣкоторыхъ лицъ, возникла въ высшей степени симпатичная мысль объ организаціи „общества содѣйствія устройству сельскихъ бесплатныхъ библіотекъ-читаленъ въ Томской губерніи“. Мысль эта встрѣтила сочувствіе и въ руководящихъ сферахъ и выработанный проектъ устава общества съ нѣкоторыми измѣненіями уже утвержденъ. Новое общество поставило себѣ цѣлью: содѣйствовать открытію и устройству въ многолюдныхъ селеніяхъ Томской губ. народныхъ бесплатныхъ библіотекъ-читаленъ и оказывать, по мѣрѣ возможности, матеріальную поддержку книгами и деньгами какъ существующимъ библіотекамъ-читальнямъ, такъ и имѣющимъ открыться.

Программа, какъ видите, ясная, опредѣленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему мнѣнію, и сложная, хотя по существу своему заслуживаетъ самой широкой поддержки общества. Скажемъ

даже больше — въ зависимости отъ этой поддержки находится и вся дальнѣйшая судьба этого добраго начинанія. Но какъ-бы ни были тяжелы первые шаги, какія-бы затрудненія ни встрѣчались, все-же хотѣлось-бы, чтобы новое общество преодолѣло всѣ препятствія и высоко держало свое знамя. Духовная помощь сельскому населенію, моральное воздѣйствіе на его грубые инстинкты, подъемъ его кругозора—все это святыя задачи. И въ прошломъ, и въ настоящемъ мы видѣли и видимъ, какъ тяжело отражается на бытовыхъ условіяхъ народа „власть тьмы“ и, кажется, этого довольно, чтобы искренно желать просвѣщенія народа.

Какъ намѣрено новое общество осуществить свою цѣль, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, вопросъ этотъ будетъ обсуждаться въ первомъ-же засѣданіи общества и тогда мы будемъ имѣть возможность высказаться болѣе подробно по существу затронутаго вопроса. Теперь-же, высказывая горячее пожеланіе юному обществу полного развитія и успѣха, не можемъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ совѣтовъ. Дѣло въ томъ, что устройство сразу во всѣхъ, хотя-бы только селахъ и большихъ деревняхъ, томской губ. библиотекъ-читалень весьма затруднительно. Необходимы крупныя затраты, а общество, надо полагать, на первыхъ порахъ еще не будетъ располагать достаточными для этого средствами. Проводить-же въ жизнь эту симпатичную идею исподоволь, по мѣрѣ накопленія средствъ, что зависитъ отъ расширенія круга лицъ сочувствующихъ задачамъ общества, значитъ—растянуть доброе дѣло на десятки лѣтъ впередъ. По всей вѣроятности этого послѣдняго плана общество и придержится; но нельзя-ли, чтобы, дѣйствительно, сразу поставить дѣло широко, организовать рядомъ съ этимъ и нѣчто въ родѣ „передвижныхъ библиотекъ“ на подобіе различныхъ проектовъ „передвижныхъ школъ“. По этому поводу мы поговоримъ особо—именно тогда, когда намъ станутъ извѣстны результаты первыхъ засѣданій общества. Цвѣтущее будущее этого общества зависитъ отъ многихъ причинъ и главное отъ той энергіи и настойчивости, которыя будутъ внесены въ дѣло. Впрочемъ, проживемъ и увидимъ, какіе плоды принесетъ новое общество и, вообще, къ какой группѣ обществъ можно будетъ отнести его дѣятельность. Разнообразныя сибирскія общества по своей дѣятельности разбиваются на три группы. Одни изъ нихъ, рождаясь съ трескомъ и шумомъ, быстро отцвѣтаютъ въ утрѣ пасмурныхъ дней вмѣстѣ съ осеннимъ листопадомъ, другія—какъ-то незамѣтно для себя попадаютъ на „мертвую точку“ и замираютъ, продолжая существовать на бумагѣ, и, наконецъ, третьи, выдерживая всѣ натиски житейскихъ невзгодъ, высоко держатъ свое знамя. Какъ видите, разное бываетъ....

По нашему мнѣнію, причина всѣхъ причинъ—общественное равнодушіе. Нигдѣ, кажется, оно не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Сибири, точно въ судьбѣ переживаемой дѣйствительности лежитъ нѣчто роковое. Блестящую характеристику общественнаго равнодушія въ Сибири даетъ небольшая, но назидательная исторія объ открытіи въ Томскѣ сборовъ пожертвованій на устройство Пастеровской станціи. Вопросъ объ этомъ среди томичей возникъ много ранѣе. Если не ошибаемся, онъ уже пережилъ одну давность и, только благодаря инициативѣ одного лица, сдвинуть немного съ мѣста. Такимъ образомъ то, что нужно было сдѣлать давно, то что само за себя „вопіяло“, начинается осуществляться совершенно случайно. А между тѣмъ по своему гражданскому развитію г. Томскъ справедливо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди городовъ обширнаго края. Однако, не смотря на такія прерогативы все-же самый жгучій вопросъ мѣстной жизни годами созрѣвалъ въ умахъ обывателей. Что-же все это, какъ не равнодушіе, знаменуетъ! Говоримъ такъ, потому что, именно въ Томскѣ, есть много интеллигентныхъ людей, которые не всегда думаютъ лишь объ интересахъ желудка... Но, странно, точно какая-то невѣдомая сила атрофируетъ ихъ благородные порывы и всѣ вопросы дня ждуть случайностей... Очевидно, общественная инициатива въ Томскѣ находится въ зачаточномъ состояніи. За примѣрами ходить недалеко. Если скажутъ, что вопросъ объ устройствѣ Пастеровской станціи составляетъ исключеніе, то мы укажемъ и на другой случай. Въ томъ-же Томскѣ нѣсколько разъ поднимался весьма симпатичный вопросъ объ организаціи юридической помощи бѣднымъ. Предполагалось, по трафарету уже существующихъ и функціонирующихъ обществъ, создать нѣчто подобное и у насъ. Мысль эта инспирирована была желаніемъ до минимума парализовать дѣятельность „подпольной адвокатуры“, жестоко эксплуатирующей бѣдное населеніе города. И что-же? Симпатичная мысль застряла въ области гуманитарныхъ проектовъ и на время замерла, ожидая, конечно, случая... Да, именно, счастливаго случая!

А пока будетъ бѣжать время,—часы, минуты и—только. Господа, не пора-ли болѣе участливѣе относиться къ общественнымъ вопросамъ. Желаніе и энергія вѣдь двигаютъ горами!

Гвидонъ.

Библіографія.

I.

„Русская Мысль.“

Въ іюньской книжкѣ журнала окончился романъ П. Д. Боборыкина „Жестокіе“. Авторъ съ обычной своей отзывчивостью откликнулся на новое явленіе въ русской жизни—на увлеченіе нѣкоторой части русскаго общества эстетизмомъ, ницшіанствомъ, декадентствомъ и т. п. „заграничными модами“. Романъ читается съ большимъ интересомъ, хотя и страдаетъ растянутостью, излишними мелочными подробностями и повтореніями—обычными, впрочемъ, у автора. Мѣсто дѣйствія—столица, герои—самые тонко-воспитанные, тонко развитые „буржуа“, которые не удовлетворяются простымъ прожиганіемъ жизни,—я говорю о лучшихъ, или вѣрнѣе—мнящихъ себя таковыми, представителяхъ этой среды; къ числу таковыхъ относятся ницшіанецъ Приспѣловъ, эстеты—Ошаринъ и Вилли. Дѣйствующихъ лицъ, по обыкновенію, очень много и хотя всѣ они люди различнаго характера, но имѣютъ одну общую черту: всѣ эгоисты самой низшей пробы, всѣ живутъ гдѣ-то вдали отъ *настоящей* жизни, настоящихъ ея запросовъ и если не ко всѣмъ имъ подходитъ названіе „Жестокіе“, то всѣ одинаково заслуживаютъ клички „Ничтожные“. Не будемъ долго останавливаться на такой фигурѣ, какъ генераль Красицкій, заправило какого-то общества, финансовую часть котораго генераль ведетъ такъ хорошо, что кончаетъ уголовщиной: судомъ и арестомъ. Это уже прожигатель—*pur sang*, безъ всякихъ умствованій; онъ любитъ широко жить, любитъ женщинъ и всегда имѣетъ какойнибудь дорого-стоющій „предметъ“, не смотря на свою законную супругу и взрослого сына. Особа, которая „рветъ“ съ него послѣднія десятки тысячъ—пьянистка и композиторша Русинова, тоже типъ не новый: это „хищница“, какъ опредѣляетъ ее одинъ изъ ея поклонниковъ. Ей нужно имѣть *свой* театръ, чтобъ поставить *свою* оперу, и она продается старому генералу, не смотря на свою чисто чувственную связь съ красивымъ и молодымъ Вилли.

Тайная совѣтница Полина Семеновна, чуть-чуть что не героиня романа „элегантная, умненькая, тонко-развитая дама“ по опредѣленію мужа и по опредѣленію того же мужа—„фальшивая и мужелюбивая“ до высшей степени. На этой фигурѣ романа стоитъ остановиться: если Приспѣловъ,—о которомъ рѣчь будетъ дальше, выражается о себѣ такъ: „женщины—показатели моего я, моего удѣльнаго вѣса“, то Полина Семеновна истинный показатель „удѣльнаго вѣса“ всѣхъ окружающихъ ее „сверхче-

ловѣковъ“ „эстетовъ“, „неисправимыхъ альтруистовъ“ (въ шутку!) и самого тайнаго совѣтника Безрукова, начавшаго свою жизненную карьеру „съ ссылки въ Средне-Колымскъ“. Этотъ „честный“ и тоже очень начитанный тайный совѣтникъ $\frac{2}{3}$ работаль на такую дамочку какъ Полина Семеновна и, даже умирая и сводя счеты съ жизнью, всецѣло занять мстительными мыслями по отношенію къ своей Полинѣ Семеновнѣ, зная отлично цѣну ей. „Юродивенькій“ Митя—сынъ генерала Красицкаго—отъ природы и очень добрый, и чувствительный юноша, но барское воспитаніе и среда сдѣлали его доброту пустоцвѣтомъ. Кого и что она согрѣваетъ? Какія мечты Мити? — Поспособствовать успѣху оперы Русиновой, въ которую онъ влюбленъ безнадежно?! Митя не способенъ ни на что низкое, онъ „чистая душа“, но онъ не видитъ жизни, понимая ее въ широкомъ значеніи, и не способенъ на дѣятельную любовь; ему „нечѣмъ жить“, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ предъ смертью. И дѣйствительно—нечѣмъ! Работать для славы Русиновой, о которой онъ знаетъ, что она содержанка отца, что, впрочемъ, онъ по своей душевной хлябоватости извиняетъ. Неужели это цѣль, неужели такой цѣли достаточно для дѣйствительно добраго сердца? Маня Доброва, потерпѣвшая отъ сверхчеловѣка Приспѣлова и готовая повторить свою ошибку съ „эстетомъ“ Ошаринымъ, тоже отъ природы добрая дѣвушка, но доброта ли это особенная, или недомыслие.—Но суждено этой Манѣ кружиться около „сверхчеловѣковъ“ и „эстетовъ“, точно на нихъ свѣтъ клиномъ сошелся! Она „опытный педагогъ, знаетъ отлично языки, была на курсахъ“, а въ результатѣ такая оцѣнка своей личности: „Что такое мое пылкое сердце? Пылкое—на что? На увлеченія, на женскую блажь, на исканіе счастья, т. е. поцѣлуевъ, объясненій, льстивыхъ словъ, или идолопоклонство предъ своимъ кумиромъ до потери всего. Какая же разница между такимъ мужелюбіемъ и страстью азартнаго игрока? Вѣдь и онъ ставитъ выше всего настроеніе, тотъ подъемъ нервовъ, который ему даетъ зеленое сукно. И тогда прости все: добро, идея, отечество, жалость къ ближнему! И, очевидно, Маня-курсистка здѣсь вполне солидарна съ свѣтской дамочкой Полиной Семеновной, которая въ сорокъ лѣтъ, при живомъ мужѣ, цѣпляется за третьяго „предмета“, признаваясь, что „безъ этого чувства она не хочетъ жить. Оно ей нужно какъ воздухъ; безъ него она старуха, старуха душой, подурнѣетъ, опустится... Ужъ лучше бы мнѣ остаться безъ куска хлѣба послѣ смерти мужа; тогда, по крайней мѣрѣ, я должна была бы думать о кускѣ хлѣба!“ искренне сознается Полина Семеновна и искренне-же наивничаетъ, говоря, что она „не любитъ мужчинку“ и горестно восклицаетъ: „кто повѣритъ этому?“ Дѣйствительно, трудно повѣритъ, прослѣдивши за всѣми

перепитіями этой сытой жизни, которая съумѣла культивировать одни только половые инстинкты. Таковы женщины, которыхъ „допускаютъ“ до себя „сверхчеловѣки“ и „эстеты“.

Самъ Приспѣловъ — блестящій юристъ, знаменитость, по поводу смерти котораго газетный некрологъ говоритъ „о безвременно погибшей силѣ“, считающій себя ученикомъ Ницше; его кабинетъ полонъ книгъ „властителей его думъ:“ тутъ и Шопенгауэръ, и Леопарди, и Спенсеръ, и Жозефъ де Местръ...

Цѣль его жизни — «восходить по лѣстницѣ человѣческаго я въ исканіи красоты, въ чувствѣ и пользованіи своей силой и въ интересѣ къ тому, что заложено въ мірозданіе». Ницше, по мнѣнію Приспѣлова, тѣмъ и привлекаетъ, что стоитъ выше „буддійско-евангельской проповѣди и мистическихъ хлябей (?)“. „Его побѣдный кличъ — стать настоящимъ царемъ жизни на землѣ. Приспѣлову противна „сентиментальная игра въ жалость“ къ меньшей братіи, въ демократическую нивелировку.“ «Надо жить въ силѣ, умереть въ силѣ, владычествовать надъ всѣмъ вокругъ себя». Никакого долга предъ обществомъ, предъ людьми онъ не признаетъ. Во взглядѣ на женщину онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе своего учителя, что „женщина только цѣль мужскаго главенства. Влечетъ ее къ тебѣ — пользуйся, моментъ прошелъ — и не надо ея!“ А жизнь устроила такую скверную шутку надъ бѣднымъ нищійанцемъ: обѣ послѣднія „показательницы его удѣльнаго вѣса“ — Маня и Полина Семеновна, не дожидаясь пока ихъ „устранятъ“, сами уволили его „по третьему пункту!“ Такого афронта не могъ переварить властный женскій тиранъ и застрѣлился, наговоривши предъ смертью кучу звонкихъ словъ и самому себѣ, и своему пріятелю Брави „неисправимому альтруисту“; альтруизмъ Брави заключается, кажется, въ томъ, что онъ предъ каждымъ званнымъ обѣдомъ для пріятелей „обдумывалъ меню по двѣ недѣли“. Ошаринъ еще лучше, этотъ — замороженный эстетъ! Хотя онъ считаетъ себя ученикомъ Рескина, но беретъ отъ своего учителя только то, что ему нравится: исканіе красоты, а всю проповѣдь морали отбрасываетъ. „Никакихъ запретовъ, никакихъ уступокъ ничему стороннему красотѣ! Высшимъ натурамъ все дозволено“. Онъ живетъ „вкусизмомъ“, „воздѣлываетъ свое я“. Онъ позволяетъ млѣть предъ собой влюбленную Маню, — потому что это „высшій эстетическій мотивъ“ (Маня хороша и тонко-развита). Онъ допускаетъ до себя Федюсинскаго, Евтропова, Пеклеванцева, — потому что они „симптомы реакціи противъ ненавистнаго морализма выдохшихся радикаловъ, народнической подоплеки“. „У нихъ есть свое *credo*“. Евтроповъ, котораго Брави называетъ „шельмой — семинаромъ, понявшимъ, что нынче можно выдвинуться всякимъ юродствомъ“, прельщаетъ Ошарина проповѣдью мракобѣсія, своимъ

изувѣрствомъ, своими трактованіями о какихъ то „родникахъ бытія“, Пеклеваниевъ — „золоторотецъ“, представитель „гольтепы“, которая „жрать“ хочетъ и „которой нѣтъ ни времени, ни охоты разбираться въ морали, что гоже, и что не гоже“ — тоже восхищаетъ Ошарина.

Тоже твердитъ и ученикъ Ошарина, генеральскій сынокъ Вилли, бывшій студентъ, а теперь изучающій красоту, искусство по образцамъ въ богатой коллекціи Приспѣлова. Онъ говоритъ: „всякое юродство лучше, чѣмъ тошный морализмъ, тошное радикальничанье“. Въ поискахъ „нетлѣнной“ красоты Вилли попадаетъ въ лапы Русинэвой и, замѣтивши млѣнье сорокалѣтней красавицы Полины Семеновны, бѣжитъ за границу „искать новыхъ настроеній“. Таковъ Вилли „даровитый“, „великодушный“, изъ котораго, по мнѣнію его друзей, могъ бы выйти и ученый, и поэтъ, и публицистъ! Вилли „прочелъ Шопенгауэра, Лепарди, Боделера, Флобера, Верлена, Метерлинка, Уайльда и.., конечно, Ницше.“ Ницше, впрочемъ, онъ понимаетъ по иному, чѣмъ Приспѣловъ: Вилли писалъ стихи, искалъ „не извѣданныхъ“ настроеній и, какъ и его учитель Ошаринъ, придавалъ огромное значеніе выбору и фасону галстуковъ и воротниковъ, занимался прической и ногтями, полагая, что все это — мундиръ, дающій ноту“.

Таковы „сверхчеловѣки“, выведенные въ романѣ Боборыкина и мнящіе себя „превыше всѣхъ“, полагающіе, что „высшимъ натурамъ все дозволено“, а патентъ на признаніе высшихъ натуръ они даютъ сами другъ другу. Для насъ, простыхъ смертныхъ, они слишкомъ ничтожны и для насъ вполне понятна ихъ нелюбовь къ морали, долгу, обездоленнымъ и, вообще, къ людямъ; понятна ненависть къ „проповѣди назареянина“: вѣдь все это „обуздываетъ“ человѣка-звѣря, все это налагаетъ „запреты“ на низменные инстинкты, но за то же и поднимаетъ на духовную высоту, приближаетъ къ тому отдаленному будущему, когда:

„Забьются въ унисонъ всѣ нѣжныя сердца
И общей жалостью, не знающей конца,
Страданье общее смягчится безконечно“.

Это сказалъ поэтъ — философъ Гюйо, который зналъ, что собственно подымаетъ на высоту человѣческую личность.

Послѣ „Жестокихъ“ Боборыкина изъ беллетристики заслуживаетъ вниманія прелестный, грустный рассказъ Уйда „Уличная пыль“. Онъ знакомитъ читателя съ мрачными сторонами итальянской жизни, съ ужасной степенью нищеты въ этой богато-одаренной отъ природы странѣ, съ ея бюрократизмомъ и неустройствомъ. Уйда рисуетъ жизнь итальянскихъ нищенковъ — матери съ двумя маленькими дѣвочками. Мать умираетъ въ какомъ-то

логовищѣ, которое нельзя даже назвать человѣческимъ жильемъ, а бѣдныя дѣвочки, принесшія на продажу въ городъ полевые цвѣты, забираются въ полицію „за незаконное прошеніе милостыни“: онѣ грязны, оборваны, дики, онѣ ничего не могутъ объяснить въ свою защиту и, просидѣвши голодомъ подъ замкомъ, выбрасываются больныя и истомленныя на мостовую—съ приказомъ „убираться и не попадаться на глаза“. Обѣ дѣвочки умираютъ на улицѣ и Уйда кончаетъ свой рассказъ такими словами: «чѣмъ-же онѣ были, какъ не простой уличной пылью, принесенной на минуту вѣтромъ и опять унесенной и забытой?»

Изъ статей не беллетристическаго характера интересны многія. Такъ статья „Кассы взаимопомощи“ имѣетъ чисто практическій интересъ для тѣхъ, кто пожелалъ-бы устроить эти кассы, такъ широко распространенныя въ Англіи, гдѣ 10—11 милліоновъ населенія принимаютъ въ нихъ участіе и гдѣ онѣ являются „продуктомъ самодѣятельности самихъ рабочихъ, развивая духъ солидарности и подымая нравственный и умственный уровень участниковъ кассъ“.

Главная цѣль англійскихъ кассъ взаимопомощи—страхованіе на случай болѣзни и различныхъ несчастныхъ случаевъ. Н. О.—авторъ статьи, полагаетъ, что съ ростомъ промышленности въ Россіи, въ интересахъ этой промышленности, необходимо и для нашихъ рабочихъ развитіе инициативы и самодѣятельности, такъ какъ только при этомъ условіи мы можемъ конкурировать на всемірномъ рынкѣ. Авторъ не скрываетъ, что устройство такихъ кассъ для русскихъ рабочихъ, при ихъ ничтожномъ заработкѣ, трудно, трудна и борьба съ формализмомъ, съ которымъ сопряжено утвержденіе уставовъ всякихъ обществъ; трудна широкая постановка дѣла тамъ, гдѣ нѣтъ права коалицій, съѣздовъ, гдѣ не особенно поощряется изданіе книгъ, брошюръ, касающихся дѣятельности какъ немногочисленныхъ русскихъ, такъ и иностранныхъ обществъ взаимопомощи.

Статья г. W. „Русскій языкъ въ средней школѣ“ есть все тотъ-же вопль русскаго обывателя о томъ, что дѣти и юноши въ нашихъ школахъ лишены были возможности въ послѣднія 25—30 лѣтъ изучать свой родной языкъ; что учащаяся молодежь стала глубоко равнодушной къ родной литературѣ, стала малограмотно и нелогично писать и, „долбя о памятникахъ древней литературы“, ничего не знаетъ о нашихъ новѣйшихъ писателяхъ, которыми мы вправѣ гордиться и которыхъ съ интересомъ читаютъ за-границей, гдѣ умѣютъ свято чтить своихъ корифеевъ литературы.

Какъ умѣютъ чтить своихъ писателей у иностранцевъ—это показываетъ статья „Домъ Рунеберга въ Борго“. Рунебергъ любимый писатель Финляндіи, по силѣ таланта подходящій къ

міровымъ поэтамъ и его рассказы «Пропорщика Соля» имѣють обще-европейскую извѣстность. При жизни поэта день его рожденія праздновался чрезвычайно торжественно: огромныя толпы народа собирались подъ его окнами, чтобъ поздравить больного поэта (онъ много лѣтъ страдалъ параличемъ), а на его похоронахъ въ 77 году собралась, „вся Финляндія“ и вскорѣ надъ его могилой уже красовался памятникъ съ краснорѣчивой надписью: „Отечество воздвигло“. Въ 79 году послѣ смерти жены Рунеберга городъ Борго пріобрѣлъ у его наслѣдниковъ домъ поэта, открытый теперь, какъ музей, для всѣхъ. Портреты Рунеберга имѣются въ каждой избушкѣ, а день его рожденія и теперь съ величайшей торжественностью празднуется въ Гельсингфорсѣ.

„Изъ дневника стараго критика“, Скабичевскаго. (По поводу 30-лѣтія годовщины Рѣшетникова). „Старый критикъ“ глубоко соболѣзнуетъ о томъ, что Рѣшетниковъ не пользовался при жизни и послѣ смерти особенно широкой популярностью „хотя и былъ наиболѣе талантливымъ изобразителемъ народнаго быта“.

Рѣшетникова очень скромно и незамѣтно похоронили въ 71 году въ самый разгаръ народничества. Г. Скабичевскій негодуетъ за это на „интеллигентную толпу 70—80 г.г.“ и думаетъ, что причина холодности къ автору „Подлиповцевъ“ заключается въ томъ, что онъ не былъ „интересенъ“, не плѣнялъ толпу чарами поэзіи, или эффектной красотой своей личности, что онъ бралъ сюжеты, въ которыхъ было очень мало эстетическаго, „и публика, воспитанная на звукахъ сладкихъ и молитвахъ“, „жаждущая художественныхъ наслажденій и потрясеній“, не почтила въ его лицѣ доблестнаго гражданина.

Тонъ горечи по адресу русской публики слышится и въ статьѣ Панова „Сломленные крылья“. Это статья о Надсонѣ, переданная въ редакцію „Русской Мысли“ профессоромъ Стороженко и принадлежащая „перу талантливаго и многообѣщающаго юноши, окончившаго въ 1899 году курсъ наукъ въ 3-й Петерб. гимназіи и умершаго на первомъ курсѣ историко-филологическаго факультета Москов. Университета“. Статья о Надсонѣ—его единственное литературное наслѣдіе.

Очень обстоятельна статья Семева „Очеркъ изъ исторіи приписныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ“.

Высокіе тарифы въ наше время *тянутъ* нашу отечественную промышленность; въ былые годы для процвѣтанія промышленности правительство предоставляло фабрикантамъ и заводчикамъ право на обязательный трудъ крестьянъ. Больше всего было приписныхъ крестьянъ на Уральскихъ заводахъ; были приписные крестьяне и въ Нерчинскихъ горныхъ заводахъ, освобожденные въ 51 году и обращенные въ казаки; приписные къ Алтайскимъ

заводамъ были освобождены въ 61 году и обращены въ государственныхъ крестьянъ. Крестьяне, купленные заводчиками и фабрикантами, не могли быть проданы *безъ фабрикъ*, но они могли жаловаться на свое положеніе, чего крѣпостные крестьяне не могли дѣлать, а вдовы и дѣвушки заводскихъ могли выходить замужъ безъ разрѣшенія заводчиковъ. Такихъ крестьянъ начали освобождать уже начиная съ 40-хъ годовъ съ вознагражденіемъ отъ казны, или и безъ всякаго вознагражденія, но на условіяхъ весьма невыгодныхъ для крестьянъ.

Были крестьяне, приписанные къ *шелковымъ* заводамъ въ Ахтубѣ, къ *потапнымъ казеннымъ* заводамъ, къ *корабельнымъ* лѣсамъ при-Волжья. Въ XVIII вѣкѣ крестьянскимъ крѣпостнымъ трудомъ не брезгали даже представители университетской науки для содержанія университетовъ. Такъ московскіе профессора подали докладную записку Екатеринѣ, прося ее приписать крестьянъ къ университету, но императрица отклонила это ходатайство, хотя при Аннѣ Іоанновнѣ на содержаніе кадетскаго корпуса были отписаны крестьяне.

Л. С.

II.

„Историческій Вѣстникъ“.

Въ книжкѣ Историческаго Вѣстника за іюнь мѣсяцъ мы остановимъ вниманіе читателя на нѣсколькихъ статьяхъ и прежде всего на историческомъ этюдѣ В. А. Тимирязева—„Императоръ Павелъ І-й“.

Уже въ помѣщенныхъ 4-хъ главахъ этюда ярко обрисовывается фигура страннаго, трагическаго по судьбѣ императора, съ „гамлетовскими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ, не только русской, но и всемірной исторіи“.

Сначала, по волѣ императрицы Елизаветы, Павелъ воспитывался „среди нянюшекъ и мамушекъ по ветхозавѣтнымъ традиціямъ“. Это женское воспитаніе—было не особенно благотворно. Нянюшки и мамушки довели его нервную раздражительность до невозможной степени, до того, что съ нимъ часто дѣлались болѣзненные припадки, до того, что онъ „прятался подъ стулъ, если хлопали двери“. По отношенію-же къ императрицѣ Елизаветѣ бѣднаго ребенка онѣ настроили такъ, что „онъ приходилъ въ испугъ отъ ея появленія и трясся всѣмъ тѣломъ“, что заставило даже Елизавету посѣщать его по возможности рѣже. Подъ такимъ вліяніемъ онъ росъ до 6 лѣтъ и затѣмъ въ 1760 году Елизавета назначила наставникомъ сво-

ему внуку—Никиту Ивановича Панина, „который до самой своей смерти оставался, если не официальнымъ, то негласнымъ руководителемъ великаго князя“. Между прочимъ этотъ наставникъ хотя и старался «положить конецъ склонности своего воспитанника забавляться съ лакеями», которыхъ великій князь „часто заставлялъ маршировать въ комнатахъ“, но рѣшительно не могъ побѣдить въ Павлѣ эту „наслѣдственную „militaire manie“. Эта страсть проявлялась неудержимо и тогда, когда Павелъ, будучи наслѣдникомъ и уже вторично женатый, уединился послѣ финляндскаго похода въ своихъ дворцахъ—Павловскомъ и Гатчинскомъ. Онъ завелъ здѣсь свои собственныя войска, надъ которыми и мудрилъ какъ хотѣлъ, и о которыхъ Ростопчинъ говорилъ, что они состоятъ изъ людей, заслуживающихъ быть „колесованными безъ суда“. Въ гатчинскихъ войскахъ главными фаворитами Павла были, между прочимъ, „лютый прусскій гусаръ Ѳедоръ Ивановичъ Линденеръ и знаменитый герой этой своеобразной гатчинской школы самовластія и раболѣпства Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ“.

По характеру Павелъ былъ неустойчивъ, подозрителенъ и вспыльчивъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многое способствовало усиленію подозрительности въ Павлѣ, а въ томъ числѣ и поведеніе Екатерины II, какъ по отношенію къ его отцу, такъ и къ нему самому.

Относительно-же себя Павелъ постоянно видѣлъ недружелюбное и недовѣрчивое отношеніе со стороны Екатерины II, выразившееся подъ конецъ ея жизни желаніемъ не допустить Павла до престола, для чего она обращалась даже къ женѣ Павла—Маріи Ѳедоровнѣ и просила ее, чтобы „она потребовала отъ цесаревича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ“. Конечно, великая княгиня съ негодованіемъ отказалась отъ такого посредничества. „Наконецъ императрица обратилась съ тою-же просьбою къ старшему внуку (Александру Павловичу), и онъ отвѣчалъ очень осторожно, что очень благодаренъ за оказанную ему милость“. „Вѣроятно, говоритъ историкъ Н. К. Шильдеръ, если-бы Провидѣніе продлило еще нѣкоторое время жизнь императрицы, ея намѣренія о престолонаслѣдіи осуществились-бы. Вѣроятно, въ моментъ рѣшительныхъ со стороны Екатерины дѣйствій, разыгралось-бы нѣчто, сходное съ положеніемъ, занятымъ Александромъ, въ отношеніи къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ имъ впослѣдствіи на жизненномъ пути, когда на сдѣланное ему по поводу обстоятельствъ заявленіе онъ отвѣчалъ сначала молчаніемъ, вздохами, а кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ условно на все согласиться“.

Изъ того, что мы передали читателю изъ этюда Тимирязева, видно, на сколько онъ дѣйствительно интересенъ.

Въ этой книжкѣ продолжаются очень занимательныя воспоминанія изъ эпохи Николая I-го г. Мамаева, написанныя чрезвычайно просто и искренно. Въ этой части воспоминаній рассказывается, между прочимъ, о совершенно неожиданномъ смотрѣ, учиненномъ императоромъ Николаемъ тому уланскому полку, въ которомъ служилъ авторъ и которымъ командовалъ кн. Хилковъ.

Въ продолжающейся статьѣ Якимова — „По слѣдамъ голода“, авторъ занятъ, главнымъ образомъ, рассказомъ о тѣхъ „хорошихъ людяхъ“, которыхъ онъ встрѣчалъ въ голодающихъ мѣстностяхъ и которые дѣйствительно свидѣтельствуютъ о томъ, что не оскудѣла еще земля русская людьми, горячо и искренно преданными народу и всегда готовыми беззавѣтно положить „душу свою за брата своего“. Такія сердца авторъ встрѣчалъ среди молодежи, среди духовенства (о. Фіалковскій напр.) и среди маленькихъ, совсѣмъ сѣрыхъ, совсѣмъ незамѣтныхъ людей (супруга Семякины).

Изъ всѣхъ статей въ этой книжкѣ непріятное впечатлѣніе производитъ статья В. Г. Краснянскаго — „Изъ исторіи польскаго мятежа“ и именно отсутствіемъ объективно-спокойнаго тона при рассказѣ о событіи, которое давнымъ давно перешло въ область прошлаго и стало уже достояніемъ исторіи. Но кромѣ непріятности пристрастнаго, субъективнаго тона, внесеннаго въ историческій рассказъ, въ этой статьѣ проводятся довольно упорно взгляды, совершенно не выдерживающіе критики, въ родѣ того, что „самымъ радикальнымъ средствомъ къ искорененію изъ учебныхъ заведеній польскаго духа и мятежной закваски было-бы удаленіе изъ педагогическаго персонала всѣхъ начальниковъ и всѣхъ учителей польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія“. Какъ будто-бы настроеніе польской учащейся молодежи зависѣло тогда оттого, какъ были настроены учителя и учебное начальство?! Утверждать это, по меньшей мѣрѣ, ошибочно. Кругомъ взрослые люди и въ родной семьѣ, и во всемъ окружающемъ обществѣ, безъ различія классовъ, существовала „мятежная закваска“, т. е. такое настроеніе, которое даже вопреки обратному воздѣйствію учителей и начальства, неизбѣжно толкало учащуюся молодежь на путь демонстраціи и мятежа. Давно пора сдать въ архивъ подобныя трактованія историческихъ событій, памятуя, что они есть слѣдствіе множественности причинъ, разобратся въ которыхъ какъ слѣдуетъ и надлежитъ изслѣдователю.

Въ заключеніе укажемъ еще на статью г. Воробьева — „Прага златоглавая“. Въ подзаголовкѣ сказано, что это „путевыя впечатлѣнія археолога“. Статья снабжена многими иллюстраціями

и тотъ, кто интересуется такимъ славянскимъ народомъ, какъ чехи, играющимъ весьма видную роль въ политической жизни австрійской имперіи, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ „о Прагѣ чешской“.

N.

III.

„Вѣстникъ Всемирной Исторіи“, за іюнь.

„Вѣстникъ Всемирной Исторіи“ началъ издаваться весьма недавно, но обѣщаетъ сдѣлаться хорошимъ журналомъ историческаго характера. Содержаніе книжекъ его всегда отличается разнообразіемъ и онъ даетъ много интереснаго матеріала какъ для чтенія, вообще, такъ и для изученія тѣхъ или другихъ историческихъ событій или лицъ—въ частности. Въ разбираемой нами книжкѣ этого журнала за іюнь мѣсяцъ мы находимъ рядъ любопытныхъ статей, изслѣдованій и мемуаровъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе историко-біографическій очеркъ о Наполеонѣ I профессора А. С. *Трачевскаго*. Шагъ за шагомъ слѣдя за жизнью Наполеона I, не щадя его слабыхъ сторонъ и недостатковъ, не увлекаясь чрезъ мѣру его дарованіями, авторъ ярко рисуетъ безпристрастную картину того, какъ изъ этого очень маленькаго, повидимому, человѣка, почти жалкаго авантюриста, росла, силою событій и способностей его умѣло пользоваться ими, крупная историческая личность, достигшая въ концѣ концовъ высшихъ ступеней власти и ставшая не только государемъ Франціи, но и повелителемъ значительной части Европы. Очеркъ, вообще, написанъ талантливо, легкимъ, къ тому-же, языкомъ, и читается съ удовольствіемъ. Мы поговоримъ еще о трудѣ проф. Трачевскаго, когда онъ будетъ оконченъ.

Затѣмъ, очень любопытны мемуары А. *Соколовой*, печатающіеся подъ заглавіемъ: „Изъ воспоминаній смолянки“. Г-жа Соколова описываетъ жизнь воспитанницъ Смольнаго монастыря или института (женское учебное заведеніе въ Петербургѣ) въ эпоху царствованія Николая Павловича, когда и она тамъ находилась. Смольный институтъ тогда (какъ и теперь) былъ привилегированнымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое принимались только дочери потомственныхъ дворянъ и лицъ, имѣвшихъ высшіе гражданскіе или военные чины, и пользовался особымъ вниманіемъ и покровительствомъ царской фамиліи. Институтъ, кромѣ того, раздѣлялся на двѣ половины—Николаевскую, или *благородную*, и Александровскую, или *мѣщанскую*. Вторыя прозванія были не официальные, а частныя, получившія свое начало среди самихъ воспитанницъ и отъ нихъ, затѣмъ, перешедшія въ общество. Въ дѣйствительности на обѣихъ половинахъ воспитывались дочери „благородныхъ“ родителей, но на Николаевскую принимались лишь дочери высокопоставленныхъ или титулованныхъ лицъ, или

богачей, а на Александровскую—дочери и бѣдныхъ захудалыхъ дворянскихъ фамилій.

Особенно любила Смольный монастырь (название Смольнаго института монастыремъ произошло оттого, что здѣсь былъ прежде женскій монастырь) императрица Александра Ѳеодоровна, супруга императора Николая Павловича, и воспитанницы ее тоже любили за ея заботливость, ласку и вниманіе къ нимъ. „Я хорошо помню—говорить г-жа Соколова,—съ какимъ восторгомъ встрѣчалось въ Смольномъ каждое посѣщеніе императрицы, какъ всѣ спѣшили ей на встрѣчу, какъ она умѣла каждого обласкать, каждому сказать доброе привѣтливое слово“...

„Императора Николая Павловича—далѣе продолжаетъ г-жа Соколова—мы, само собою разумѣется, знали и видѣли несравненно меньше, нежели государыню, но и онъ въ свои не особенно частыя посѣщенія Смольнаго былъ всегда очень милостивъ и привѣтливъ съ дѣтьми и всегда подолгу шутилъ и разговаривалъ съ нами“...

Въ заключеніе остановимся на интересной статьѣ А. Е. *Пфаффиуса* „Архіепископъ Иринеѣ“. Получивъ образованіе въ Кіевской академіи, Иванъ Гавриловичъ Нестеровичъ (свѣтское имя и фамилія архіеп. Иринея) былъ до 1813 г. преподавателемъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ этомъ году принялъ монашество; въ 1817 г. былъ посвященъ въ санъ архимандрита, а 31 января 1826 г. нареченъ епископомъ Пензенской епархіи. По отзыву Ф. Ф. Вигеля—это былъ „чрезвычайно даровитый и образованный человѣкъ“. Въ 1830 г. скончался въ Иркутскѣ архіепископъ Михаилъ и императоръ Николай повелѣлъ Синоду на его мѣсто избрать „твердаго и благонадежнаго“. Такимъ св. Синодъ и призналъ Иринея и онъ былъ назначенъ архіеп. въ Иркутскъ. „Принявъ—говоритъ авторъ—въ свое управленіе такую громадную по пространству, разноплеменную по населенію и удаленную отъ правительственнаго глаза епархію, преосвященный Иринеѣ, съ врожденной ему энергіей и горячностью, принялся за искорененіе сибирскихъ безпорядковъ и за обличеніе пороковъ“, чѣмъ, разумѣется, и возбудилъ противъ себя недовольство. А каково было тогда духовенство въ Сибири,—видно изъ отзыва о немъ Иринея, который въ письмѣ своемъ къ оберъ-прокурору Синода сообщалъ, что «духовенство предается поголовно пьянству; грабежъ здѣсь консисторіи невѣроятенъ; ректоръ семинаріи въ прямомъ смыслѣ—чудовище; ученики семинаріи, тоже, сгораютъ отъ пьянства и погибаютъ“ и т. п.

Своими энергичными дѣйствіями, направленными къ поднятію нравственнаго уровня духовенства и искорененію всяческихъ злоупотребленій, Иринеѣ возстановилъ противъ себя и духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Кончилось тѣмъ, что изъ Иркутска было доведено до свѣдѣнія императора Николая Павловича, что дѣй-

ствія Иринея, будто-бы, предосудительны на столько, что по нимъ должно заключить, что онъ подвергся разстройству умственныхъ способностей, почему Николай Павловичъ повелѣлъ удалить Иринея отъ управленія Иркутской епархіей и помѣстить въ монастырь съ назначеніемъ, однако, ему содержанія. Синодъ и распорядился Иринея удалить отъ управленія епархіей, недопускать до богослуженія по удаленіи и пребываніе ему имѣть въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ въ Вологдѣ, отпуская на содержаніе его 1200 р. въ годъ. Распоряженіе объ удаленіи Иринея было сообщено тогдашнему генераль-губернатору Восточной Сибири Лавинскому. Для сопутствованія Иринею въ Вологду былъ назначенъ генераль-губернаторомъ чиновникъ Голубовъ, который и явился къ преосвященному сообщить о возложенномъ на него порученіи. Но на Иринея, видимо, отставка его такъ подѣйствовала, что онъ впалъ съ состояніе, близкое къ помѣшательству,—началъ увѣрять, что указъ объ его удаленіи подложный, потому что не печатный, а письменный, что онъ его не признаетъ, и не только отказался выѣхать изъ Иркутска, но еще грозилъ Голубову, какъ исполнителю ложнаго указа, лишеніемъ чиновъ; затѣмъ, арестовалъ Голубова, и надѣвъ ордена, вышелъ изъ дома и всѣмъ встрѣчнымъ рассказывалъ, что „Голубовъ хотѣлъ, будто-бы, внезапно схватить его, зарѣзать въ дорогѣ и потомъ сказать, что онъ въ помѣшательствѣ зарѣзался самъ“. Тоже самое онъ говорилъ и солдатамъ, придя на главную гаубвахту, и собравшейся толпѣ народа. Въ виду этого генераль-губернаторъ вынужденъ былъ подвергнуть Иринея домашнему аресту. Кончилось дѣло тѣмъ, что для исполненія рѣшенія объ Иринеѣ по Высочайшему повелѣнію были отправлены въ Иркутскъ флигель-адъютантъ Гогель I, жандармскій подполковникъ Брянчаниновъ и фельдъегерскаго корпуса прапорщикъ Иностранцевъ. Послѣдніе двое и доставили архіепископа въ декабрѣ 1831 г. въ назначенный для его пребыванія монастырь.

Въ немъ онъ прожилъ 17 лѣтъ и только въ 1848 г. участь Иринея была облегчена и онъ былъ переведенъ въ Ярославскій Толгскій монастырь съ правомъ управлять обителью, гдѣ онъ и умеръ въ 1864 г. Какъ во время пребыванія въ Прилуцкомъ, такъ и Толгскомъ монастырѣ Иринеѣ пользовался общеою любовью мѣстнаго населенія. Вологжане провожали его со слезами,—на проводы его были написаны стихи даже однимъ гимназистомъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось:

„Прости, душевныхъ ранъ цѣлитель.

Другая ждетъ тебя обитель.

Въ послѣдній разъ благослови,

Въ послѣдній разъ будь намъ учитель—

Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви!“

Вс. Дол—ковъ.

*Стихотворенія А. В. Переводчиковой. Изданіе 2-е, дополненное.
Цѣна 50 к. Саратовъ, типографія Н. П. Штерцеръ и К^о, 1901
г. 1/16 д. л. малаго форм. 111 стр.*

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ текущаго года мы дали отчетъ о стихотвореніяхъ одной сибирской поэтессы г-жи Васильевой, А. В. Переводчикова хотя издала свои стихотворенія въ Саратовѣ, но, вѣроятно, тоже—уроженка Сибири (покрайний-мѣръ, это видно изъ нѣкоторыхъ ея стихотвореній, гдѣ она говоритъ о странѣ бурановъ и снѣговъ, какъ о ея родинѣ). Какъ и у г-жи Васильевой, мотивъ стиховъ А. В. Переводчиковой носить грустный оттѣнокъ,—радостныхъ бодрящихъ звуковъ въ ея стихахъ не найдете,—это звуки печали и горя. Уступая по силѣ дарованія г-жѣ Васильевой, она, тѣмъ не менѣе, даетъ иногда строки, проникнутыя задушевностью, истиннымъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Тогда какъ г-жа Васильева изъ страны снѣговъ стремится въ иные края, гдѣ свѣтитъ солнце юга, А. В. Переводчикова, наоборотъ, тоскуетъ по своей далекой родинѣ и рисуетъ ее, какъ край, гдѣ природа величава, гдѣ все—начертано мощной рукой... Къ этому то краю и стремятся ея помыслы,—о немъ она сохраняетъ самыя отрадныя воспоминанія...

„Много снилось чудныхъ сновъ
Мнѣ подъ шумъ родной мятели.
Всѣ, не сбывшись, въ тѣмѣ годовъ,
Порвались и потускнѣли.
Но въ душѣ тѣ живы сны,
Сны блаженства и печали,
И порой зарей весны
Свѣтятъ мнѣ въ туманной дали“.

Затѣмъ, въ другомъ стихотвореніи она говоритъ:

„Неситесь крылатыя грезы
Въ страну великановъ снѣговъ,
Гдѣ бури царятъ, гдѣ морозы
Куютъ города изъ снѣговъ,
Гдѣ грозны крутыя стремнины
Увѣчанныхъ тучами горъ,
Безгранны льдяныя равнины
И страшень ихъ бѣлый просторъ.
Тамъ все величаво, могуче:
И горы, и степи, и лѣсъ,
И вихрь, разгоняющій тучи
Отъ края до края небесъ.
Тамъ смѣло—и жизнь, и природа—
Начертаны мощной рукой;
Тамъ въ будущемъ все для народа:
Борьба, и разсвѣтъ, и покой“.

Вообще, выдержанныхъ, художественныхъ по формѣ стихотвореній у г-жи Переводчиковой не найдете; но онѣ, повторяемъ, подкупаютъ своей безыскусственностью и теплотой. Убѣжденія поэтессы, тоже, симпатичны, что особенно ярко выразилось въ стихахъ, посвященныхъ ея памяти Бѣлинскаго:

„Угасло великое сердце любви,
Замолкло живое и страстное слово.
Поль-вѣрка не слышатся рѣчи твои,
Съ любовью горячей и правдой суровой.
Но будешь ты жить въ благодарныхъ сердцахъ,
Поборникъ высокихъ идей просвѣщенія,
И будемъ въ твоихъ вдохновенныхъ строкахъ
Мы черпать священную мощь убѣжденія“ и т. д.

Всеv. Дол—ковъ

Матеріалы для антропологіи Сибири. Древнее кладбище близъ г. Томска „Тояновъ городокъ“. И. д. прозектора С. Чугунова. Томскъ, паровая типо-литографія П. И. Макушина. 1901 года.
¹/₈ д. л. 34 стр.

XIII-й выпускъ матеріаловъ для антропологіи г. С. Чугунова (и. д. прозектора при Томскомъ университетѣ) содержитъ въ себѣ описаніе 23 череповъ, пріобрѣтенныхъ путемъ раскопокъ въ древнемъ кладбищѣ близъ Томска частью покойнымъ преподавателемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскимъ и С. К. Кузнецовымъ (библіотекаремъ Томскаго университета, извѣстнымъ многими научными трудами),—частью-же и самимъ авторомъ.

Древнее кладбище находится на лѣвомъ берегу р. Томи въ мѣстности, носящей названіе „Тоянова городка“. На этомъ мѣстѣ, а также и на противоположномъ берегу Томи въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія кочевалъ съ ордой татарскаго племени Еушты князь Тоянъ или Таянъ. Пространство, занимаемое нынѣ г. Томскомъ, служило Тояну и подчиненной ему ордѣ мѣстомъ для лѣтнихъ кочевокъ; а на противоположномъ берегу, гдѣ до сихъ поръ сохранились слѣды кладбища и земляныхъ укрѣпленій, были ихъ зимнія стоянки. Сознвая могущество русскихъ, князь Тоянъ въ 1604 г. билъ челомъ царю Борису Годунову и просилъ принять его со своимъ народомъ подъ высокую царскую руку—въ вѣчное подданство. Челобитная царемъ была уважена и на правомъ берегу Томи, въ районѣ нынѣшней Воскресенской горы, былъ заложенъ городъ Томскъ посланными сюда по царскому указу казачьимъ головой Гаврилой Писемскимъ и сыномъ боярскимъ Василиемъ Тырковымъ.

Г. Чугуновъ подробно изучилъ и измѣрилъ 23 найденные въ древнемъ кладбищѣ черепа и пришелъ къ такому заключенію, что они принадлежатъ одной, „именно болѣе поздней—не древнѣе трехъ-пяти вѣковъ, —культурѣ“. Поэтому населеніе Тоянова городка, на основаніи такого предположенія, при имѣющемся матеріалѣ, по мнѣнію изслѣдователя, слѣдуетъ признать составленнымъ изъ двухъ главныхъ типовъ: *монголоиднаго—алтайцевъ* и другого—*тюркскаго происхожденія*. Результатомъ-же скрещиванія двухъ главныхъ типовъ „явилось разнообразіе физіомій и это разнообразіе увеличилось еще болѣе, благодаря вхожденію въ составъ народности *чертъ постороннихъ*, такъ сказать, случайныхъ типовъ“.

Вообще, трудъ г. Чугунова даетъ не безцѣнный матеріалъ для антропологіи Сибири и въ качествѣ такового заслуживаетъ полнаго вниманія.

В. Дол—новъ.